ПИОНЕР

Ноябрь

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1936 г.

11

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Ибрагим Онагоста—*Радуле Стийенский. Рис. Ю. Кискачи* 5
Почему наше государство называется социалистическим государством рабочих и крестьян—*И. Нюренберг* 10
Карл Бруннер—*повесть Бела Балаш. Рис. Ю. Кискачи* 13
Сказка о ретивом начальнике—*М. Салтыков-Щедрин* 28
Молодой Пушкин—*В. Вересаев* 32
Копыто—*рассказ М. Пришвина. Рис. П. Митурича* 44
Известия Географического общества „Компас" № 7 48
Вторая родина—*К. Паустовский. Рис. П. Митурича* 63
Людовик Четырнадцатый. Путешествие в века—*Н. Ильина* 76
ПОЧТА:
Интересный урок—*письмо Вовы Федорова* 80
На помощь Шуре и Геле—*письмо Бори Фадеева* 81
Встреча с Чапаевым—*стихи Миши Пастушенко* 83
Как бедный мужик богатого обманул—*сказка, записанная Юрой Золотовым* . . 85
Мой „зоопарк"—*письмо* 86
Жизнь в вечной мерзлоте—*проф. П. Каптерев* 87
Научный телеграф 99
Миллионеры-бандиты—*Н. Шамет* 102
Про клопов—*стихи* С. Михалкова 107
Жуки-могильщики—*Ж. Фабр, обработал Н. Плавильщиков. Рис. А. Брея* 108
Кенигсбергские мосты—*Я. Линский* 115
Ишак-певец—*узбекская сказка* 118
Спорт 119
Биоскоп 123
Задачи, загадки, игры и фокусы 125

На обложке картина художника А. Якушевой—„Пионерка".

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в издательство „Правда".
Адрес: Москва, 40, ул. „Правды", 24, комн. № 216.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

ПИОНЕР

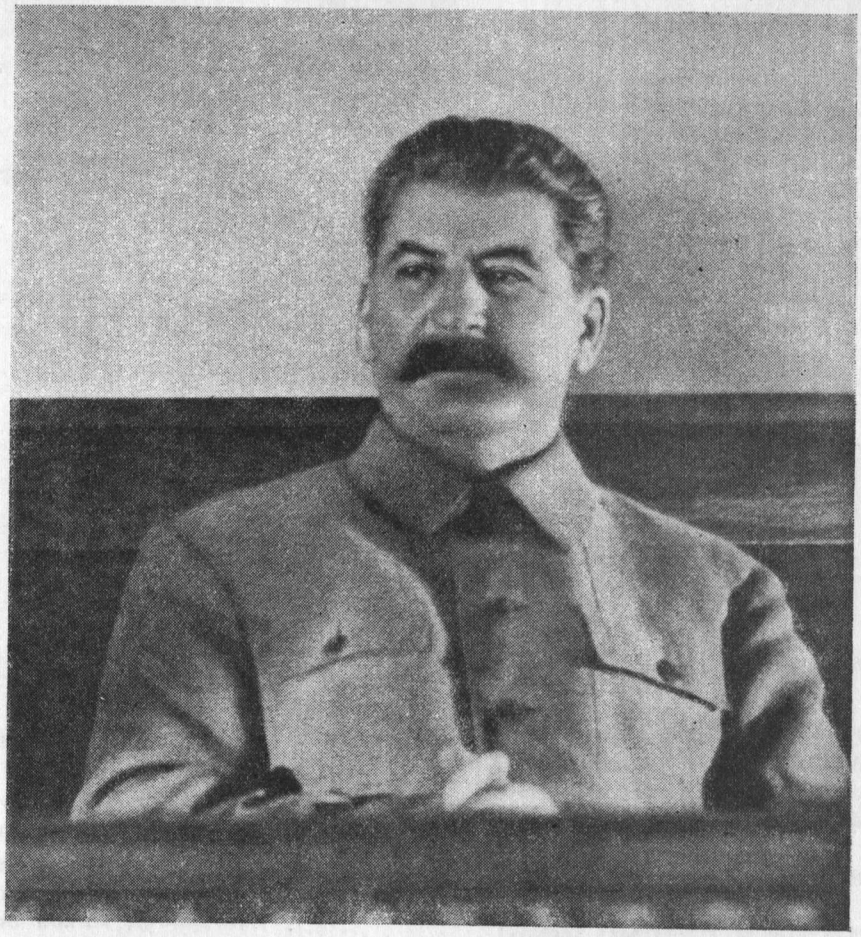
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

П 29
34

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

№ 11
НОЯБРЬ
1936

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“



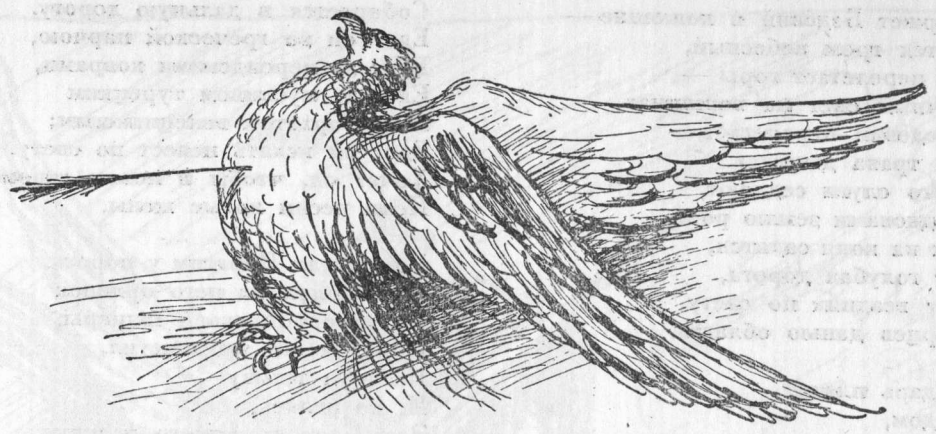
На трибуне появился Сталин...

Мы приготовились слушать С'езд по радио.

— Слово предоставляется товарищу Сталину, — сказал Михаил Иванович Калинин. В репродукторе поднялась буря: это С'езд приветствовал Сталина.

Мы смотрели на часы — минута, две, три, а буря все не утихает, она гремит, грохочет, и мы ясно представляем себе, что делается в Кремлевском дворце, как будто сами сидим там среди делегатов. Вот если бы увидеть, хоть бы краешком глаза взглянуть! Если бы мы могли посмотреть в ту минуту из своей комнаты на С'езд, то увидели бы Сталина таким, как он изображен на этой фотографии.

— Да здравствует Сталин! — кричим мы: — Товарищу Сталину, нашему любимому вождю, горячий пионерский привет!



Ибрагим Онагоста

Радуле Стийенский

Перевод с сербского А. Тарковского

Рис. Ю. Кискачи

Закипает глубокое море,
Тяжелые волны пробегают,
Трещат корабельные днища,
И серебряная пена плещет.

Гонят волны серебряную пену
На высокий скалистый берег,
И тяжелые волны дробятся,
Рассыпаются горохом стеклянным.

Откликаются ржавые скалы
И гудят, как щербатые трубы.
И стоят береговые скалы,
Черногорскую землю охраняют,

Охраняют от волн седоголовых,
От разбойного морского набега.
А за ними простерлась долина,
Высокий холм зеленеет,

И гора над холмом склонилась,
Словно мать над единственным сыном,
Не считает дней быстротечных,
Не считает медленных столетий,

И струятся слезы днем и ночью
По морщинам ее глубоким.
Точат камень горные потоки,
Бьют ключом кипучие реки,

Омывают Бойовичеву Луку
И пустынный холм огибают.
Было время — пернатые стрелы
Над холмом свистели, как птицы.

Дом стоял на холме под горою —
Верх — из явора[1], низ — кременный;
Не скрипели смазанные петли,
Раскрывались дубовые двери,
На пороге становился хозяин,
Ус крутил могучей рукою,
Громким голосом конюхов кликал.

То был сам Ибрагим-потуречин,
Великан Ибрагим Онагоста.
Был он весел, и был он молод,
Шестьсот лет ему было от роду.
Жил он в доме своем высоком
С молодой трехсотлетней женою.
И была жена его була[2]
Хороша, как вила-водяница.
Никого не любил потуречин,
А любил он маленького сына,
А лелеял маленького Муйо,
Принимал он Муйо в об'ятия,
Говорил трехлетнему ребенку:
— Ты расти, драгоценное чадо,
Своему отцу на утешенье;
Подрастешь и станешь юнаком,
Одарю наследственным богатством:
Дам тебе коня, быстрее ветра,
И вручу копье золотое.
А еще имел Онагоста
Крылатого коня Бедевия.

---

[1] Явор — чинара.
[2] Турчанка.

Чуть заржет Бедевий в конюшне —
Отзывается гром небесный,
Бедевий перелетает горы —
Тает вечный снег на вершинах,
Долы Бедевий перелетает —
Полевая трава дымится.
Крылатого слуги седлают,
Конь подковами землю роет,
Ибрагим на коня садится,
Мерцает голубая дорога,
И летает всадник по свету,
Черноторцев данью облагая.

Виноградарь платит
Виноградом,
А чабан —
Бараниной жирной,
Захожий купец —
Шелками,
А кузнец —
Подковами стальными;
Оружейник платит
Работой,
А проезжий платит
Деньгами.

Ропщет глухо народ-горемыка,
Но поднять головы не смеет,
Потуречина люди ненавидят,
Но в руках Ибрагима Онагосты
Копье, что сосна вековая,
Из червонного золота сабля,
Самострел из богемской стали.
И не стрелы в колчане, а бревна,
И на каждом бревне наконечник
Весит ровно десять квинталов[1].
Зазвенит тетива тугая,
Запоет стрела над горами —
Гневный гром по тучам пробегает.

❄

На вершине горы,
Над медной
Крышей ибрагимова дома,
Поселились орлы в пещере:
Поселился орел могучий
Со своей супругой-орлицей,
С малыми орлятами своими.
Но и там орлы-великаны
Никогда покоя не знали,
По-орлиному клектать не смели:
Ибрагимовых стрел боялись.
Заиграло вешнее солнце,
И возрадовался Онагоста:
Он гарем, наконец, достроил,
Собирается в дальную дорогу.
Едет он за греческой парчою,
Едет за персидскими коврами,
Едет за муслином турецким
И за бархатом венецианским;
Едет он искать невест по свету.
Хочет он, чтобы в новом гареме
Пели песни новые жены.

Вот и стал Ибрагим у порога,
И взглянул на него орленок
Из нагорной своей пещеры.
Ибрагим его заприметил,
Натянул тетиву
И, не целясь,
Застрелил столетнего орленка,
А свою барашковую шапку
Орлиным пером украсил.
Зазвенело грузное стремя:
Потуречин вскочил на Бедевия;
А жена осталась в гареме
На дорогу смотреть и плакать.
Сын в крапиве играл перед домом,
И не жалила его крапива.

Смурый орел закружился
Над единственным сыном Ибрагима
И упал, словно камень, с неба
И ребенка схватил когтями.
В тридцати километрах от дома
Был уже Ибрагим Онагоста,
Оглянулся по обыкновенью,
Видит он: жена молодая
Возле дома ломает руки,
Улетает орел могучий
И уносит маленького Муйо.
Повернул Ибрагим Бедевия
И пришпорил, что было силы,
Взвился конь, но орел в пещере
Во мгновение ока скрылся.

Причитает мать перед домом,
Не находит, бедная, места,
Ибрагим вокруг горы летает,
И орел из пещеры клекчет.

Трепетлика[2] росла у входа,
На пороге Орлиной пещеры.
Ибрагим разогнал Бедевия
И рукой могучей ухватился
За корявый корень трепетлики.
Но ударился конь о камень
Головою со всего размаха,
И в глазах его помутилось,
И повисли коневы крылья.

[1] Мера веса. Один квинтал—100 килограммов.

[2] Дерево — вид осины.

Улетает орел могучий и уносит маленького Муйо.

Бедевий свалился бы в пропасть,
Да хозяин ног не разжимает,
И висит Ибрагим Онагоста,
Держится рукою за корень,
А ногами Бедевия держит.

Обрывается корень трепетлики:
Не сдержать ему двойного груза.
Видит Ибрагим: конец приходит —
И копье в кременную гору
Он свободной рукой вонзает.

Он висит меж землей и небом,
А еловое древко изогнулось,
И слабеют ноги Ибрагима,
Тяжело дышать Онагосте,
Солнце усы опаляет,
А внизу — глубокая долина,
Холм, как раковинка, под ногами.
Ибрагимово дыханье заслышав,
Орел из пещеры вылетает.
Говорит орлу Онагоста:
— Отнеси коня на поляну,
Я гнезда твоего не разрушу,
Я твоих орлят не потревожу.
И схватил орел Бедевия,
Распростер широкие крылья.
Конь заржал от великой боли,
Не заржал, завизжал, как собака.
Не стерпел Ибрагим Онагоста:
Просвистела сабля золотая,
Орлиная голова отлетела,
Скользнула в глубокую пропасть,
Клюв разверзла и проговорила:
— Отомсти за меня, Милица,
Отомсти, орлица, Ибрагиму.
А безглавое орлово тело
Охладевших не складывает крыльев
И коня относит на землю.
И лежит Бедевий бездыханный,
Мертвыми крыльями осененный,
Израненный мертвыми когтями.

Онемели крепкие руки,
И тогда из последней силы
На копье Ибрагим раскачался,
Подтянулся и прыгнул в пещеру.
А в пещере орлица сидела,
Орлята клектать учились,
Смеялся трехлетний Муйо
И клектал, как малый орленок.
Говорит орлица Милица:
— Ибрагим-Холодное сердце,
Хочешь ты мой род уничтожить,
Чтобы не было больше на свете
Орлов — красноклювых великанов.
Погоди, Радомир возвратится,
Клюв его ятагана смертоносней,
А его горбатые когти
Молния-колдунья закалила.
Застрелил ты нашего сына,
Вот и взяли мы в пещеру Муйо,
Я, как сына, его полюбила,
Никогда его не растерзаю.
Усмехнулся Ибрагим Онагоста:
— Ты не думай, глупая птица,
Что юнака твой клекот испугает.
Не страшит меня клюв орлиный,
Не боюсь я когтей горбатых —
Я убил твоего Радомира,
И велел он тебе, Милица,
Отомстить юнаку Ибрагиму.
Застонала орлица Милица,
Молит Ибрагим Онагосту:
— Не казни орлят осиротевших,
Я отдам приемыша Муйо,
Сослужу тебе верную службу
И спасу от голодной смерти.
Если б ты не убил Радомира,
Он тебя отнес бы на землю,
Во сто раз был меня сильнее
Повелитель мой ширококрылый.

Ибрагим кричит из пещеры,
Кличет жену молодую,
Но не слышит була Ибрагима:
До земли слова не долетают.
Целых двадцать четыре года
Кормила мясом орлица
Ибрагима-убийцу и Муйо
И двоих орлят осиротевших.
Принесла им орлица однажды
На обед крыло Бедевия,
Пошатнулся Ибрагим и вскрикнул
И схватился рукой за сердце,
Обнажил золотую саблю,
Сгоряча на Милицу замахнулся,
Но отпрянула в сторону Милица,
И упала грохочущая сабля
На обоих орлят несмышленых,
Головы обоим отрубила.

Зарыдала смурая орлица
И схватила сына Ибрагима,
Распростерла крылья и хотела
Бросить Муйо с высоты полета.
Но смягчилось орлицыно сердце,
Пожалела Милица ребенка:
К чуждому порогу слетела,
У дверей ибрагимова дома
Нежную ношу положила,
И нашло забытье на орлицу.

Закричал потуречин из пещеры:
— Я от голода здесь погибну.
Наточи, жена молодая,
Самый лучший нож поострее,
Шкуру сними с Бедевия
И сплети веревку из кожи,
Заряди мой самострел богемский
Самой длинной пернатой стрелою,
Привяжи к пернатой веревку.
Пусть тебе и Муйо и слуги
Тетиву натягивать помогут.
Наводи прицел на пещеру,
Я стрелу на лету поймаю
И спущусь по веревке на землю.

И впервые после разлуки
Услыхала жена Ибрагима
Его повелительный голос
И сплела веревку из кожи,
Привязала к стреле веревку.
Зазвенела стрела, разрывая
Не муслин голубой, а воздух,
Не поймал стрелы потуречин,
Не поймал пернатой Онагоста,
И стрела его пригвоздила
К древнему обветренному камню.

И когда тетива загудела,
Пробудилась орлица Милица,
Сильными крыльями всплеснула,
Сыновей оплакивать полетела.
На холодном кремне в пещере
Мертвые орлята лежали,
А гнездо обволакивал иней.
И на голову Ибрагима
Взлетела, стеная, орлица,
Чтобы выклевать глаза живые,
Но от жалости окаменела.

Из незрячих очей орлицы
И поныне слезы струятся.
Смерть дохнула в лицо Ибрагима,
Стал он камнем холодным и мертвым,
И поныне слепыми глазами
Он глядит на холм одинокий,
На кременные глыбы, что остались
От его гарема и дома.
И вдова его оттуда бежала
И держала за руку Муйо;
Поросла крапивой дорога,
А развалины — плесенью и мохом.

Плаковицей люди называют
Гору, источающую слезы;
Жесткий камень слезы проточили,
Озеро от слез образовалось,
Бьют крылами орлы молодые,
И сияют соленые брызги;
В озере купаются юнаки
И смеясь выходят на берег.
Пролетает ветер летучий,
Сковывает листья горный холод.
Но не страшен даже горный холод
Тем, кто в горьких волнах искупался.

Почему наше государство называется социалистическим государством рабочих и крестьян

(Беседа первая)

И. Нюренберг

В своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном с'езде советов о проекте Конституции Союза ССР товарищ Сталин говорил:

«Конституции буржуазных стран исходят обычно из убеждения о незыблемости капиталистического строя. Главную основу этих конституций составляют принципы капитализма, его основные устои: частная собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства...

В отличие от них проект новой Конституции СССР исходит из факта ликвидации капиталистического строя, из факта победы социалистического строя в СССР. Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплоатации и эксплоататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест».

Об одной деревушке возле Вашингтона

Чтобы понять хорошо эту мысль товарища Сталина, совершим небольшую прогулку в века, обратимся к истории. Перенесемся с вами в небольшую деревню возле американского города Вашингтона за 160 лет назад.

Деревня всполошилась. Люди стоят возле плаката, на котором напечатана новая конституция независимых Соединенных штатов Америки.

Американские фермеры сражались против своих поработителей, английских капиталистов. Они сражались за независимость Америки, за то, чтобы Америка не была колонией Англии, за то, чтобы английские спекулянты не обирали налогами американского крестьянина. Американцы победили. И радостно читают теперь крестьяне гордые и звучные слова 1-й американской конституции (Декларация независимости): «Все люди рождаются равными».

Американский крестьянин верил, что для него теперь наступит счастливая пора жизни. Никто не посмеет больше отнимать у него землю. Никто не посмеет продавать с молотка его имущество за невзнос налогов. Он хозяин своей земли.

И составители американской конституции одним из главных устоев конституции записали: «Частная собственность на землю, леса, фабрики и заводы неприкосновенна и священна».

Прошли десятилетия. Народился в Америке рабочий класс. Быстро росла американская промышленность. В Америке лучшие в мире шоссейные дороги. По этим дорогам катятся миллионы автомобилей. Америка покрылась густой сетью железных дорог. По ним перевозят из края в край страны огромное количество товаров. Из Южных штатов Америки идут поезда, груженые хлопком для текстильных фабрик. Из Западных, из города Питсбурга, везут уголь на металлургические заводы.

Америка — самая богатая страна в мире, заявляют американские буржуазные писатели. Американские бойни славятся на весь мир. Американскими консервами можно снабдить в изобилии всех безработных всего мира.

Но так ли богата Америка, и вся ли Америка богата?

Мы снова заедем с вами в ту же деревушку, в которой 160 лет назад фермеры радостно читали гордые слова конституции: «Все люди рождаются равными». Мы подходим к дому фермера, предки которо-

го сражались за эту конституцию. Что же, потомки этого фермера богато живут? Счастливы ли они?

Старик-фермер угрюмо заколачивает окна и двери. Он укладывает в фургон свой жалкий скарб. Возле фургона его жена и трое детей. Старший сын — слесарь, но он уже три года без работы. В Америке производится слишком много товаров, а у американских крестьян нет денег, чтобы покупать необходимое. В Америке кризис.

Старик еще борется с нуждой. Он тянется изо всех сил, чтобы платить проценты ростовщику за взятую у него в тяжелые годы ссуду. Но цены на пшеницу все падают. Продавать молоко в городе становится совсем невыгодно. Компании, торгующие молоком, платят за молоко все меньше и меньше. Старик запутался в долгах. Его дом и имущество скоро будут продавать с молотка. И он угрюмо пускается в путь. Он тащится в Вашингтон. Но там его тоже ждет печальная участь. Сотни тысяч крестьян точно так же, как и он, вынуждены покидать насиженные свои места и отправляться искать кусок хлеба без всякой надежды его найти.

Священная частная собственность, на которую предки фермера возлагали так много надежд, повернулась к нему теперь своей страшной стороной: частная собственность означает эксплоатацию человека человеком, «необеспеченность трудящегося большинства на одном полюсе общества и роскошь нетрудящегося, но обеспеченного меньшинства на другом полюсе...» **(Сталин)**.

Когда фермер приедет в город и когда он там будет вынужден ночевать под открытым небом, он постепенно поймет, что те конституции, которые основаны на незыблемости частной собственности,— конституции для богачей, и что единственная Конституция в мире, которая обеспечивает счастье для трудящихся,— это та Конституция, которую создал великий вождь трудящегося человечества товарищ Сталин,— та Конституция, в которой написано: «Кто не работает, тот не ест».

Прогулка по площади Бастилии

Направимся в Париж. Мы с вами находимся на площади Бастилии. Здесь, на этой площади, 14 июля 1789 года французские рабочие, пекари и столяры, медники, портные и сапожники, штурмовали тюрьму, проклятую тюрьму, куда король Людовик XVI сажал всех, кто выступал за свободу, против самодержавия.

Они победили. И в честь этой победы до сих пор каждое 14 июля веселится парижский народ. Но этот народ, который умел храбро драться и храбро умирать, не знал, как подла буржуазия. А буржуазия воспользовалась победой над королем, чтобы записать в конституции, что частная собственность неприкосновенна. И когда через несколько лет после взятия Бастилии парижские подмастерья захотели улучшить свое положение и пробовали бороться против своих эксплоататоров,—буржуа, которые сидели в правительстве, издали закон, карающий тюрьмой за стачки. Так обманули рабочих в первую французскую революцию 1789 года.

Но их обманывали не раз. Колонна на площади напоминает о революции 1830 года. И в тридцатом году парижские рабочие проливали свою кровь. И другой король, теперь уже Карл X, который хотел восстановить во Франции самодержавные порядки, был свергнут. Но частная собственность осталась. Капиталисты и фабриканты остались хозяевами во Франции, и рабочему жилось попрежнему невыносимо тяжело.

Вот тогда-то появились первые социалисты во Франции. Они говорили рабочему: «Не верь буржуазии! Она тебя всегда обманет, если ты сам не сумеешь защитить свои интересы».

И вот новая революция. Февраль 1848 года. Парижские рабочие с беззаветной храбростью дерутся на баррикадах. Они дерутся так, как дерутся теперь наши испанские братья. Весь Париж перегорожен баррикадами. Солдаты бессильны против восставшего парижского народа. Трещит трон короля-спекулянта Луи-Филиппа. Луи-Филлипп бежит. Буржуазные говоруны, чтобы спасти частную собственность, об'являют временное правительство из тех, кому народ еще верил, из тех, кто выступал резче всего против короля.

На площади Бастилии народ сжег королевский трон, на котором сидел Луи-Филлипп, трон, который они тащили сюда из Тюильрийского дворца. Но народ понимал уже, что мало сжечь королевский трон, мало провозгласить республику. Народ хотел такой республики, где не было бы нужды и безработицы. И вот с площади Бастилии потянулись рабочие к зданию

Ратуши, где заседало временное правительство. Они пришли сюда с тем, чтобы не разойтись, пока не будет обеспечено право на труд.

Рабочий Марш вместе с другими товарищами вошел в кабинет, где заседали министры. Стукнув своим ружьем о пол, он передал министрам — либеральным говорунам — петицию с требованием организации труда и провозглашения права на труд. Марш заявил, что народ не доверяет намерениям правительства и не уйдет, пока не будет издан декрет, гарантирующий право на труд.

К нему подошел самый красноречивый из министров — Ламартин. Ласковым тоном и красивыми словами он убеждал его отказаться от требования о праве на труд. Он говорил Маршу о том, что такой трудный вопрос нельзя разрешить с одного маху. Марш презрительно взглянул на него и ответил: «Вам не так-то скоро удастся усыпить меня своей болтовней. У меня здесь такой язык, который проникает насквозь, огненный язык,— он ударил при этом о ствол своего ружья, — иного в наших переговорах не может быть».

Правительству пришлось сдаться, и тут же был выработан декрет, в котором было написано: «Правительство французской республики обязуется обеспечить работой существование трудящихся. Оно берет на себя обязательство предоставить занятия всем гражданам государства».

Но правительство все же обмануло рабочих. Оно устроило национальные мастерские, чтобы дать работу парижским безработным. А было их тогда в Париже 200 тысяч, немногим меньше чем теперь. Буржуазии казалось накладно содержать 200 тысяч безработных. Правительство придумало хитрый план, чтобы восстановить крестьян против рабочих. Оно наложило на крестьян новый налог по 45 сантимов с каждого франка существующего налога (во франке 100 сантимов). Этот налог крестьяне должны были платить на содержание национальных мастерских. Причем буржуазные газеты и попы во всех церквах трубили о том, что парижские бездельники живут за счет тех последних крох, которые отдает крестьянин государству.

Крестьян натравили на рабочих, и крестьянские полки, стянутые к Парижу, с ожесточением дрались против парижских рабочих.

Нынешние французские фашисты хорошо учли уроки прошлого. Они и теперь пытаются восстановить крестьян против рабочих.

И в 1848 году и во время Парижской коммуны в 1871 году беда была в том, что рабочие Парижа были одиноки в борьбе. Они не сумели повести за собой французских крестьян.

Наше государство называется социалистическим потому, что в основном оно уже осуществило социализм: у нас нет частной собственности на средства производства, нет частной собственности на земли, леса, фабрики и заводы.

Наше государство называется социалистическим государством рабочих и крестьян потому, что, как сказал товарищ Сталин, «Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян. Первая статья проекта Конституции об этом именно и говорит. Стало быть, 1-я статья проекта Конституции правильно отображает классовый состав нашего общества. Могут спросить: а трудовая интеллигенция? Интеллигенция никогда не была и не может быть классом,— она была и остается прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества».

В нашей стране рабочий—не тот, что в капиталистических странах. Там он лишен орудий производства, там он эксплоатируется капиталистами, фабрикантами и заводчиками. У нас рабочий вместе с крестьянином — хозяин всей страны.

Иной и крестьянин в нашей стране. Товарищ Сталин говорил:

«Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплоатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплоатации крестьянство».

Иной у нас рабочий класс, иное и крестьянство. Разница между классом рабочих и классом крестьян в нашей стране постепенно уменьшается. Но значит ли это, что у нас теперь уже не будет руководства рабочего класса?

Нет, не значит. Наш рабочий класс самый передовой, самый революционный класс, и мы должны помнить, что добиться осуществления высшей ступени коммунизма мы сможем только в том случае, если рабочему классу попрежнему будет принадлежать руководящая роль в управлении социалистическим государством.

Карл Бруннер

Бела Балаш *Рис. Ю. Кискачи*

1-я глава, в которой упоминается о дядюшке Оскаре, о Ваньке-встаньке и о духовке

Это произошло на Ильзенштрассе, в доме 24, в один из четвергов мая 1933 года.

Было около шести часов вечера, когда дядюшка Оскар вышел из своей квартиры. Дядюшка Оскар — заводской слесарь, но давно уже безработный. Вчера шурин угостил его папиросой, которую дядюшка Оскар приберег. Сейчас он вынул ее и закурил.

Вдруг он услышал на лестнице шум. Он посмотрел вниз и увидел пятнадцатилетнюю Лизу Вальдман. Она стремглав неслась вверх по лестнице, с третьего этажа на четвертый. Темные локоны развевались вокруг ее худенького бледного лица. Страх и гнев горели в ее больших глазах. Девочка внезапно остановилась, свесилась через перила и тоже посмотрела вниз.

«Что это с ней?..» — подумал дядюшка Оскар и стал спускаться по лестнице.

Но Лиза Вальдман уже отскочила от перил и опять помчалась вверх.

Девочка налетела на дядюшку Оскара и так сильно его толкнула, что старик выронил изо рта подаренную ему папиросу.

— Ну, Лиза, — прогудел он, как контрабас, — тебе уж видно очень к спеху.

— Идут!.. — задыхаясь от быстрого бега, прошептала Лиза и умчалась дальше.

Дядюшка Оскар почуял что-то недоброе. Но он все-таки сначала поднял папиросу, осторожно обтер ее, сунул в рот и попробовал затянуться, потом перегнулся через перила, чтобы узнать, в чем дело. Пролет лестницы был узок. На каждом этаже справа и слева была дверь, а посредине — раскрашенное окно.

Во втором этаже дядюшка Оскар увидел старуху Харбигер (ее сын сидел в концентрационном лагере). Она просунула в дверь свою трясущуюся седую голову и сразу же испуганно втянула ее обратно. Еще ниже, в первом этаже, дядюшка Оскар увидел толстую жену доктора Бема. В одной руке она держала кувшин с молоком, а другой рукой тащила четырехлетнего сына. Мальчик не поспевал за ней, потому что сам тащил за поводок фокстерьера. Фоксик упирался. В суматохе выплеснулось из кувшина молоко, и фоксик хотел его вылизать.

— Иди, иди ты скорее, ради бога! — кричала докторша и тянула сына в открытую дверь своей квартиры.

— Иди, иди ты скорее, ради бога! — повторял за матерью мальчуган и тянул собачонку.

Но маленький сильный фокстерьер задерживал всех. Наконец, они все вошли в квартиру, и дверь с шумом захлопнулась.

«Видно все тут до смерти перепуганы»,— подумал дядюшка Оскар, осторожно спускаясь по лестнице.

С улицы доносились взволнованные крики и собачий лай.

Наконец, показались входные двери и швейцарская. Дядюшка Оскар опять наклонился через перила и нахмурился. Папироса погасла: старик забыл затянуться.

Он увидел человека, одетого в синие шаровары и черные кожаные краги. Человек стоял на пороге, загораживая выход, точно закрытый шлагбаум. С улицы падал свет, и на полу вестибюля лежала тень — огромная тень полицейского. С улицы вошел полицейский офицер с двумя штурмовиками; быстрым, деловым шагом они направились в швейцарскую.

«Кого они тут ищут?» — подумал дядюшка Оскар.

Он жил в доме уже пятнадцать лет и знал всех жильцов.

Взгляд дядюшки Оскара скользил с одного этажа на другой.

«Коммивояжера с первого этажа они, конечно, не возьмут: ведь он сам наци. Доктор Бем — еврей, это правда, но из-за него полицейпрезидент не станет беспокоиться. Доктор Бем рад, что ему вообще-то дают жить.

Гедвига Бруннер добралась уже до люка...

Но кого же все-таки из этого дома подозревают в тайной революционной работе?»

Дядюшка Оскар перебрал в своей памяти жильцов всех этажей, и вдруг его мысль задержалась на чердачном помещении. Старик быстро стал подниматься вверх.

Дом № 24 был оцеплен полицией.

Швейцар Фогель был страшно напуган. Его комната была полна полицейских и штурмовиков. Полицейский офицер и шпик тоже были там. Швейцар положил на стол домовую книгу и заикаясь пролепетал.

— ...Пожалуйста, пожалуйста... к вашим услугам, господин лейтенант...—и при этом поминутно вытирал со лба холодный пот. Фогель боялся всех людей в форме и даже к почтальону относился с каким-то особым уважением.

— Тут в доме живет некая Гедвига Бруннер, — прикрикнул на него полицейский офицер таким тоном, словно Фогель собирался это отрицать.

— Бывший секретарь расформированного культурно-просветительного рабочего союза...— сказал сладким голосом стоявший рядом с офицером шпик и улыбнулся. Он всегда улыбался без всякой причины.

— Прибыла из города Бреслау,— добавил он.

— Да, да, разумеется, — заикаясь подтвердил Фогель.—Пятый этаж, налево, мансарда, — и он опять утер пот с лысого черепа.

Вдруг загудел чей-то грубый голос. Все собравшиеся в маленькой комнатке как по команде повернули головы в сторону кухонной двери: в дверях стояла фрау Фогель с горшком и суповой ложкой в руках. Она была вдвое выше и толще своего мужа. У нее были черные, вз'ерошенные брови, широкий, мясистый рот и кустики бороды на двойном подбородке. Фогель робко втянул лысую голову в плечи и замолк.

— Она сейчас как раз дома. Она только что вернулась из лавки, — гудела фрау Фогель. — Бегите-ка скоренько наверх, господин офицер. Она коммунистка. Она целые ночи печатает для них на пишущей машинке.

Между тем Гедвига Бруннер сидела у себя в комнате за пишущей машинкой.

Она работала, склонив голову, сжав губы, наморщив лоб. Видимо, она очень торопилась. Солнечный луч падал через открытое окно мансарды. Он играл на ее крутом лбу, на ее белокурых волосах и на белой блузке.

Теплый ветер колыхал белые тюлевые занавески. На подоконнике в горшках стояли гиацинты. Из темных труб шел дым в голубое небо. Через окно в комнату врывались звуки рояля. Какая-то маленькая девочка по соседству разучивала вальс «Дунайские волны».

Вдруг послышался звонок. Фрау Бруннер насторожилась.

Она приподнялась со стула. Схватив полуисписанный листок, заправленный в машинку, она стояла неподвижно с вытянутой рукой и прислушивалась.

У входной двери снова прозвучал звонок.

Гедвига Бруннер рванула листок из пишущей машинки, бросила его в открытую сумку, лежавшую на полу, на цыпочках пошла в прихожую. Тихонько подкралась она к двери и осторожно заглянула в глазок.

Она узнала дядюшку Оскара. Тогда она немножко приоткрыла дверь. Дядюшка Оскар быстро прошептал:

— Полиция в доме...

И в ту же секунду фрау Бруннер захлопнула дверь. Дважды повернула ключ в замке, опустила щеколду и накинула цепочку.

Через несколько секунд она уже была в своей комнате и торопливо выбрасывала из стола какие-то бумаги.

Вместе с бумагой на пол упали ящичек с красками, старые испорченные часы и со звоном полетел маленький Ванька-встанька. Это была игрушка — железный маленький, красный фронтовик с поднятым кулачком. А внутри у него был крошечный колокольчик. Вот он, как живой, качается на полу между ящичком с красками и часами, а маленький колокольчик звенит: «Плим, плим, плим... Я упал. Подними меня».

Между тем полицейские уже вышли из швейцарской. Офицер и штик с тремя полицейскими торопливым шагом стали подыматься по лестнице. И вдруг со второго этажа послышался пьяный, хриплый рев:

— Пожалуйте! Пожалуйте! — на площадке появился добрый дядюшка Оскар с недокуренной папиросой в зубах. Он шатался, как пьяный, между перилами и стеной, загородив собой узкую лестницу. Когда полицейские подошли вплотную, он, как мешок, повалился им на руки и заорал:

— Хейль Гитлер! Вот настоящие, крепкие молодцы! Чисто арийская раса!

Он обнял офицера. Тот оттолкнул его, дядюшка Оскар повис на шее другого полицейского. Они не могли сделать ни шагу.

— Видно, именины справлял, а? — ласково сказал полицейский. — Ну-ка, дай пройти!

Но дядюшка Оскар продолжал горланить и никого не пропускал. Тут вмешался штик, он прошепелявил тихим, сладеньким голоском (он всегда так говорил):

— От него вовсе и не пахнет алкоголем, — и он так ударил дядюшку Оскара в подбородок, что старик сразу упал.

Полицейские перешагнули через лежащее тело и побежали вверх по лестнице.

Дядюшка Оскар очнулся. Прежде всего он потянулся за своей папироской. Она лежала рядом. Он хотел сунуть папиросу в рот, но заметил, что мундштук в крови.

«Ага, — подумал он, — повидимому, выбит зуб».

Тяжелые шаги полицейских доносились уже с третьего этажа.

В этот самый момент Гедвига Бруннер была в кухне у плиты. Она погасила газ, сняла маленький блестящий алюминиевый котелок и поставила его в духовку. Фрау Бруннер очень торопилась.

Но, закрывая духовку, рука Гедвиги невольно задержалась. Ее веки опустились. На строгом лице появилась грусть.

Это был опасный момент! До этой минуты она думала только об одном: нужно немедленно скрыться от полиции и не оставить никаких следов. Но теперь, когда она поставила в духовку еду для сына Карлуши — может быть, в последний раз, — теперь ее сердце сжалось. Что будет с мальчиком? Он ведь еще ребенок. Она ничего не может сказать ему. Она не смеет даже оставить ему свой адрес.

С лестницы доносились шум и шаги полицейских. Гедвига бросилась в комнату. Вмиг она придвинула к двери стол и схватила с пола сумку. И вот она уже стоит на подоконнике между развевающимися белыми тюлевыми занавесками.

С подоконника упал горшок гиацинтов. Гедвига Бруннер оглянулась. Любимый голубой гиацинт!

В прихожей раздались звонок и грубый окрик:

— Откройте! Полиция!

В ту же минуту Гедвига Бруннер спустилась из окна на крышу и стала пробираться к брандмауеру. На соседней крыше был люк с открытым окошечком. Гедвига Бруннер знала, кому принадлежит чердак, на который ведет этот люк.

Маленькая входная дверь оказалась крепче, чем этого ожидали полицейские. Ее не

удалось просто высадить плечом. Пришлось сломать замок и щеколду. Дядюшка Оскар внизу слышал проклятия полицейских.

С поднятыми револьверами ворвались полицейские в комнату. Она была пуста. Полицейские несколько секунд осторожно осматривались. Ведь дверь была заперта и забаррикадирована изнутри? Значит, можно было ждать сопротивления.

— Есть тут кто-нибудь?—крикнул взволнованный офицер. Он был еще совсем молод и самостоятельно производил только шестой обыск.

— Все обыскать! — крикнул он так громко, словно посылал в атаку полк.

Один шупо [1] побежал на кухню. Другой обратно в прихожую. Третий тоже хотел кинуться куда-нибудь. Но в маленькой квартире больше не было комнат.

Вдруг шпик прошептал со своей вечной улыбкой:

— Она вылезла в окно.

И он указал на разбитый горшок гиацинтов на полу таким скромным движением руки, словно хотел извиниться перед офицером за то, что оказался умнее его.

— Сволочь! — злобно прохрипел офицер. Его ярость в эту минуту относилась не к коммунистке. Но то, что она скрылась, не оказав никакого сопротивления, что она, так сказать, украла у него случай проявить себя бравым молодцом, казалось ему исключительной подлостью.

— Кульке, за ней! — скомандовал он снова.

Кульке влез на подоконник, широко и тяжело расставив ноги и высунув наружу голову. Гедвига Бруннер добралась уже до люка. Полицейский Кульке мог бы ее сразу увидеть, но, к счастью Гедвиги, он посмотрел сначала в другую сторону.

Там он увидел три люка, две трубы, радиоантенну, трех голубей и кошку, пытавшуюся подкрасться к окну.

Когда же полицейский Кульке повернул свою огромную голову налево, Гедвиги уже не было видно. Только окно ближайшего люка на соседней крыше было открыто и колебалось. Вероятно, его качнул ветер.

Шпик вылез на крышу. След Гедвиги был потерян. Выпачкав красной кирпичной пылью светлые брюки, шпик вернулся обратно. За его спиной все еще раздавалось: «Раз, два, три... Раз, два, три...» — это в соседней квартире девочка продолжала разучивать вальс.

В комнате Гедвиги Бруннер все было перевернуто вверх дном. На полу валялись платья, посуда, белье, газеты...

Полиция обыскала все уголки. Но ничего не нашла. Послали за швейцаром Фогелем, но и он больше никаких справок дать не мог.

Тогда офицер схватил фотографию, лежавшую на столе. На ней был изображен мальчик лет десяти. У него был умный и смелый взгляд.

Офицер посмотрел на фотографию и задумчиво облизал губы.

— Послушайте-ка... — обратился он, наконец, к швейцару, робко стоящему перед ним. — Кто этот мальчишка?

Он таким быстрым движением сунул фотографию под нос Фогелю, как будто хотел застигнуть его врасплох.

— Ну-ка, живее! Кто это?

Но Фогель не мог так быстро ответить. Он взял фотографию дрожащей левой рукой и заикаясь пробормотал:

— Сейчас, господин лейтенант, сию минуту... Пожалуйста...

— Да, конечно! — продолжал Фогель. — Конечно, это он! Это Карл, ее сын. Ему только что исполнилось десять лет...

— Где он? — прикрикнул на него офицер.

— Вероятно, в школе. Он должен скоро придти домой.

— Ага! — офицер кашлянул, чтобы привлечь внимание шпика. Вот теперь он покажет, что тоже умеет вести расследование. Он поднял брови и скорчил важную мину.

— Мамаша захочет, верно, взглянуть еще разок на свое отродье? А? — протянул он и взглядом, полным превосходства, посмотрел на шпика. — Этот парнишка может нас навести на след.

2-я глава, в которой снова находят Ваньку-встаньку, и Карлуша покидает дом

Карл Бруннер возвращался с Францем Шраммом из школы. Им было весело. Завтра начинались каникулы.

Дети всегда любили каникулы больше чем занятия в школе. Но с тех пор как в стране власть забрали национал-социалисты, школа стала для обоих мальчиков настоящим мученьем.

[1] Шупо — полицейский.

Когда еще Карлуша жил в Бреслау, умер в концентрационном лагере его отец якобы от легочного кровотечения. Но Карлуша знал, что отца замучили наци, потому что он был коммунист.

Год назад Карлуше с матерью пришлось срочно выехать из Бреслау в Берлин. Карлуша догадывался, что причиной были полиция и наци. На берлинском вокзале их встретили товарищи и отвели их в теперешнюю квартиру.

Мама строго приказала Карлуше никогда не говорить об отце и о том, как они жили в Бреслау. И Карлуша молчал.

Карл Бруннер и Франц Шрамм были немецкие пролетарские дети. Они жили в тяжелые времена. Они видели и слышали вещи, которые и на детском лбу проводят морщины.

Но сегодня они весело возвращались из школы.

Они шли нога в ногу и насвистывали песню. Все думали, что это модная песенка. Они же придавали этой песенке совсем другой смысл. Но это была их тайна.

«Мы тут еще, несмотря ни на что,
Мы скоро придем,
Кулак сожмем,
В порошок сотрем,
Несмотря ни на что».

Вдруг Франц толкнул Карлушу в бок. Карл поднял глаза: двое полицейских приближались к ним медленным шагом. Их резиновые палки раскачивались на ходу.

Карлуша без запинки продолжал спокойно петь. Он даже запел чуточку громче:

«У Марихен есть жених,
Он делает фризюр,
А также маникюр,
С нее же денег не берет».

При этом он смело взглянул в лицо важно проходящему полицейскому.

Оба мальчика простились в под'езде, потому что Франц жил на заднем дворе, а Карлуша наверху, в пятом этаже. Они не заметили, что в этот момент тюлевая занавеска на дверях швейцарской чуточку сдвинулась в сторону. За ней стояла фрау Фотель и говорила полицейскому:

— Глядите-ка! Вон он идет. Светловолосый, в матроске!

Карлуша был очень голоден. Насвистывая свою «тайную песенку» и перепрыгивая через две ступеньки, он подымался по лестнице домой.

Он добежал до четвертого этажа. Там, на площадке, стоял человек и смотрел в окно. В самом человеке не было ничего замечательного. Но зачем он глядит в раскрашенное окно? Ведь в такое окно ничего не видно.

Карлуша побежал дальше. Сверху он еще раз взглянул на смешного человека и заметил, что тот тоже смотрит ему вслед.

«Может быть, ему что-нибудь нужно?» — подумал Карлуша и решил рассказать об этом матери.

Через секунду Карлуша был уже у дверей своей квартиры.

Широко раскрытыми глазами смотрел он на дверь.

Она была приоткрыта, и в ней не хватало одной филенки.

«Что случилось?» — подумал Карл. Он тут же хотел бежать вниз, к швейцару, чтобы заявить об этом, но раздумал.

Осторожно он толкнул дверь. Она подалась без сопротивления.

— Мамочка! — позвал он вполголоса.

Он стоял в прихожей и с пересохшим горлом ждал ответа. Все было тихо. Только из соседнего дома доносились через окно звуки рояля.

Наконец, он решил войти в комнату. Медленно, шаг за шагом, точно пол колебался под ним, шел Карлуша. Осторожно заглянул в комнату.

Карлуша сразу понял, в чем дело: он достаточно наслышался рассказов об обысках. Но где же мать, может быть, в кухне?

Он не посмел еще раз позвать ее. А что если опять не будет ответа?.. Карлуша оглядел комнату.

Он заметил на полу разбитые горшки с гиацинтами. Но он отвернулся. Горло его все сильнее сжималось.

Что тут произошло? Может быть, маму били?

Карлуша робко посмотрел на кухонную дверь.

— Мамочка, — позвал он, наконец, чуть слышно и закрыл от страха глаза. «Ответит ли она?

Может быть, она не слышит? Может быть, она спит?»

— Мамочка!.. — добавил он опять с болью и тоской.

«Раз-два-три... раз-два-три...» — звучал, как насмешка, вальс «Дунайские волны».

Вдруг он громко вскрикнул: «Мама!» — и уронил книги, которые все еще держал в руках. Только сейчас понял он всю опасность.

Он побежал в кухню. Никого. Назад в прихожую.

— Мама! Мама!

Никого...

Медленно, с поникшей головой вернулся Карлуша в комнату. Он больше никого не звал и не искал. Слезы потекли у него по щекам.

Вдруг он спохватился. Может быть, знают что-нибудь соседи?

Из открытой двери, которая безжизненно болталась на петлях, Карлуша вышел на лестницу. Человек у окна покинул свое место и быстро спустился этажом ниже.

Карлуша высморкался, вытер глаза и позвонил к дядюшке Оскару. Жена его открыла дверь. Первое, что она увидела, был шпик, который стоял этажом ниже и делал вид, что читает газету.

— Что тебе? — тихо и нетерпеливо спросила она.

Она только что забинтовала лицо дядюшке Оскару и выбранила его за то, что он постоянно вмешивается в чужие дела. Теперь это так опасно.

Этот холодный, раздраженный голос словно ударил Карлушу. Ему уже не хотелось спрашивать, но он все-таки спросил:

— Скажите, пожалуйста... Вы не знаете, где мама?

— Мы ничего не знаем, — громко и отчетливо сказала женщина (чтобы услышал шпик) и быстро закрыла дверь.

Карлуша еще некоторое время смотрел на блестящую медную ручку двери. «Ишь чучело! — думал он. — Когда тебе была нужна новая кофейная мельница, ты всегда знала, где мама».

Он перешел на другую сторону площадки. Там жили Вальдманы, родители Лизы. Он нехотя нажал кнопку звонка. «Если Лизы нет дома, — подумал он, — то и здесь мне делать нечего».

Открылся только глазок. Карлуша встал на цыпочки и вытянул шею.

— Пожалуйста, скажите, вы не знаете...

— Нет, — прокряхтел хриплый голос старого, больного Вальдмана, и глазок закрылся.

«Старик, наверное, спрятал голову под подушку, когда пришла полиция», — с горечью подумал Карл.

Таких, как мама, больше нет на свете. Она совсем другая. Его мама!

Карл повернул голову и увидел человека с газетой. Человек смотрел на него, подняв голову и так приветливо улыбался, что Карлуша подумал было обратиться к нему. Но это был совсем незнакомый человек, и Карлуша вернулся в свою квартиру.

Комната показалась ему еще ужасней.

«Не сон ли это?»—мелькнула у Карлуши тайная мысль. Карлуше часто снились страшные сны. Но разгромленная комната предстала перед ним холодной и суровой действительностью.

«Надо прибрать в комнате. Может быть, и мама скоро вернется», — решил Карлуша.

Но сначала он пошел в кухню. Он открыл духовку только для того, чтобы убедиться, что она пуста.

Но в лицо ему пахнул вкусный запах бобов. Этот теплый запах был словно ласка матери, словно ее привет. Горячая волна нежности растворила на время всю горечь и страх в сердце мальчика.

Пока он ел бобы (там была еще и маленькая сосиска), слезы катились по его щекам и сердце сжималось сладкой болью.

Со двора послышалась мелодичная нежная песня. Уличные певцы пели под гитару:

«Тихо молят мои песни...»

Карлуша вспомнил о ребятах, которые теперь, верно, играли на дворе. От них ведь он скорее что-нибудь узнает чем от взрослых.

Он живо поел, вымыл тарелку и вилку под краном и положил все на место. «Я потом приберу тут», — подумал он, пробегая по комнате, и поднял только свои брошенные книги.

Сердце Карлуши опять наполнилось надеждой. Карл сбежал с лестницы. Улыбающийся человек с газетой тоже спустился за ним.

Во дворе собрались почти все дети из дома № 24. Вальдманская такса с кривыми ногами стояла тут же. Все смотрели вверх, на окна бруннеровской квартиры, и шептались, сбившись в кучу. Поодаль остановились уличные певцы и снова запели:

«Тихо молят мои песни...»

Дети сразу заметили Карлушу. Они подтолкнули друг друга локтями и замолчали. Все взгляды были направлены на него, даже такса смотрела в его сторону.

Карл, опустив глаза, медленно подходил к ребятам. Тут же стояли его друг Франц и маленький Петер. С остальными Карлуша не дружил: ведь это были не пролетарские дети.

Вслед за Карлом в дверях появился человек с газетой.

Дети отлично знали, что этот человек приехал с полицией и, конечно, был «тайный сыщик».

— Каждого, кто разговаривает с Карлом Бруннер, запишут, — прошептал с важной

Дети сразу заметили Карла.

миной двенадцатилетний Олаф, сын доктора Бема. — Они всегда так делают. Если кто-нибудь коммунист, так и всех его знакомых арестуют.

— Но ведь Карл захочет с нами разговаривать, — сказал кто-то из ребят.

— И не подумает вовсе! — возразил Франц с презрительной гримасой. — А то вы от страха сдохните.

— Идемте лучше играть на улицу, — сказал Вернер, сморщив нос, и ушел.

Ребята разбежались один за другим.

Остались только Франц с маленьким Петером да вальдманская такса. Карл был в шагах двадцати от детей.

Вдруг раздался резкий, повелительный голос:

— Франц! Сейчас же домой!

Это кричал сапожник Шрамм, отец Франца. Он стоял без пиджака в подворотне (там помещалась его маленькая мастерская) и косился на шпика, который, держа газету в руках, не двигался с места. Сапожник Шрамм всегда был сердит и недоволен. Но теперь он был особенно раздражен.

— Франц! Ты скоро?

Это было сказано так твердо и угрожающе, что Франц смущенно взглянул на Карла, медленно повернулся и пошел.

Карл этого даже не заметил. Он шел, опустив глаза. Через секунду с первого этажа раздался пронзительный женский голос:

— Петер, иди сюда!

Но Карлуша, казалось, и этого не слышал.

Наконец, он поднял глаза и остановился пораженный: он был один. Никто из ребят не остался, чтобы поговорить с ним. Даже маленький Петер, даже его лучший друг Франц! Только кривоногий таксик еще стоял и, виляя хвостиком, смотрел на него.

Раздался свист. Таксик повернул голову и заковылял прочь, даже не оборачиваясь.

Глаза Карлуши наполнились слезами. — Ну что ж! — Он повернулся и пошел назад. Еще медленнее, чем шел сюда. Он проходил мимо травы, окаймленной белыми деревянными колышками. Белые колышки выглядели сквозь слезы очень смешно. Они становились то длинными, то снова короткими. Но это не развеселило Карлушу. Огромная, толстая гусеница переползала через дорогу. В другое время Карлуша поднял бы ее и положил в траву, чтобы ее не раздавили, но теперь ведь все погибло, все потеряно!

Карлуша продолжал идти. Он увидал лужу. Она весело сверкала на солнце. Но что это виднеется в луже? Карлуша остановился, и сердце его сильно забилось. Что-то маленькое, круглое и блестящее. Сквозь слезы он не мог ясно различить. Он вытер слезы и улыбнулся. Потом быстро наклонился и вытащил из лужи Ваньку-встаньку, своего веселого, верного, храброго бойца с маленькой черной головой и железным кулачком.

(При обыске один из шпиков споткнулся об игрушку и с досады выбросил ее в окно).

Карлуша поднял железного человечка, и в нем опять звякнул колокольчик: плим, плим, плим... Маленькое сердце в железной груди звенело радостно, уверенно и смело:

«Еще не все погибло, еще не все потеряно!»

Вдруг Карлуша услышал тихий свист. Кто-то насвистывал первый такт песенки «У Марихен есть жених». Это был сигнал. Так мог свистать только Франц.

Карлуша не сразу, а как бы случайно, повернул голову в сторону арки. Если Франц свистит так тихо, значит, тут кроется какая-то тайна.

И действительно, Франц стоял в полуоткрытых дверях мастерской и знаками подзывал Карлушу.

Карлуша спокойно сделал небольшой круг и не спеша подошел к воротам.

Франц плотнее притворил дверь мастерской и прошептал:

— Не подходи близко. Не смотри сюда. К тебе привязался шпик. Иди на улицу и отвяжись от него. Потом я тебя буду ждать на углу, возле булочной.

Франц бесшумно закрыл дверь, а Карлуша, сунув руки в карманы, как ни в чем не бывало пошел к воротам.

Тут он оглянулся через плечо. Человек с газетой в руках стоял в дверях шраммовской мастерской и читал вывеску.

Иоганн Шрамм, сапожник.
Починка:
Каблуки — 35 пфеннигов.
Полуподметки — 60 пфеннигов.
Целые подметки — 1 марка.

Карлуша заметил, что шпик тоже покосился на него.

Не торопясь вышел Карлуша на улицу.

3-я глава, в которой хлебный фургон приезжает как раз вовремя и Карлуша принужден громко смеяться

Оглянувшись кругом и убедившись, что полицейский его не видит, Карлуша на ходу вскочил на подножку проходящего мимо трамвая. Кондуктор не заметил Карлушу.

Стоя на ступеньке трамвая, Карлуша увидел шпика. Тот бежал по мостовой и, поровнявшись со следующим трамваем, тоже на ходу вскочил в него.

«Я должен соскочить до остановки и на перекрестке скрыться за угол, — решил Карлуша. — А то он меня обязательно сцапает».

В эту минуту Карлуша не чувствовал ни страха, ни горя. Его лицо горело от возбуждения.

«Вот Ульмерштрассе! Но тут, как на зло, стоит на посту полицейский и регулирует движение». Но вот он стал спиной к трамваю, в котором ехал Карлуша.

...Гоп! — и в ту же секунду Карлуша на ходу спрыгнул с трамвая.

Когда полицейский снова повернулся, мимо него пробежал мальчик и завернул в Ульмерштрассе. Полицейский не знал, откуда появился мальчишка. Но зато он увидел, как с трамвая спрыгнул какой-то господин и норовил проскользнуть мимо. Полицейский схватил его за руку.

— Полегче, господин, — вежливо сказал полицейский. — Вы спрыгнули на ходу.

— Пропустите меня! — крикнул раздраженно задержанный господин. — Я при исполнении служебных обязанностей... — он пытался вырваться.

— Я тоже при исполнении служебных обязанностей, — спокойно возразил полицейский. — И поэтому вы заплатите три марки штрафа!

— Чорт подери, неужели вы не понимаете?!

— Ну, ну, потише! — угрожающе повысил голос полицейский.

Взбешенный сыщик показал, наконец, значок тайной полиции и помчался дальше.

Когда он вбежал в Ульмерштрассе, тихая уличка была совершенно пуста. Навстречу ехал только фургон с хлебом. Унылая кляча трусила рысцой, а на высоких козлах сидел парнишка лет пятнадцати. У него был смешной курносый нос и умные блестящие глаза. Парнишка насвистывал песню:

«У Марихен есть жених,
Он делает фризюр,
А также маникюр,
С нее же денег не берет...»

«Куда же пропал этот проклятый мальчишка? — злился шпик. — Как сквозь землю провалился!» Он медленно шел вдоль улицы, зорко глядя по сторонам.

Фургон с хлебом поравнялся с ним и проехал мимо. Он был выкрашен зеленой краской, на нем была надпись: «Генрих Хош — хлеб хорош», ниже надписи были намалеваны разные хлебцы и булочки.

Сыщик даже не обернулся вслед проехавшему фургону.

На заднем сиденье, где открываются двери фургона, сидел еще один мальчик, в матроске, и смотрел на сыщика. Сыщик уходил все дальше. Этот мальчик был Карлуша.

❄

Между тем Франц Шрамм ждал Карлушу в назначенном месте около пекарни. Он ждал уже почти два часа. А Карлуши все нет как нет. Начало смеркаться, и в пекарне зажгли свет, когда под'ехал фургон с хлебом. Хельмут, мальчишка из пекарни, соскочил с козел.

Франц подошел к нему и зашептал:

— Ты знаешь, что случилось у Бруннеров?

Хельмут, высокий, худощавый мальчик, кивнул головой. Он вообще говорил только тогда, когда это было совершенно необходимо.

— Карлуша тоже исчез!—шептал Франц с озабоченным лицом. — Ты его где-нибудь...

Францу не пришлось закончить фразу, потому что Хельмут, вынимая из фургона пустые корзины, опять кивнул головой в сторону. Франц повернул голову и увидел Карлушу: он стоял по другую сторону фургона.

Свет из окна пекарни падал на фургон, и потому другая сторона была в тени. Карлуша поступил очень умно, что не подошел ближе: ведь вокруг дома все еще рыскали шпики.

Франц подошел к Карлуше и стал рядом с ним в тени.

— Так ты избавился от шпика? — радостно улыбаясь, спросил он.

Но Карлуша ему не ответил. Он дрожащей рукой схватил его руку:

— Что с матерью?

Карлуша весь день ездил с Хельмутом на фургоне и временами забывал о своей беде. Но теперь, когда они под'ехали к пекарне, у Карлуши опять перехватило дыхание.

— Они ее не поймали! — улыбаясь ответил Франц и положил руку на карлушино плечо. — Она скрылась через окно...

Глаза Франца горели от гордости и восторга. Карлуша слушал его с открытым ртом.

Франц продолжал:

— Целых два часа они обыскивали все кругом. Лазали, как кошки, по крышам, но ничего не нашли кроме птичьего помета.

Франц даже свистнул от удовольствия.

Лицо Карлуши засияло гордостью, счастьем и задором.

Он засмеялся и хлопнул Франца по плечу. Он трясся от смеха.

Франц серьезно и озабоченно оглянулся вокруг.

— Перестань, Карл! — шепнул он. — Перестань же! Они ведь все еще шныряют кругом.

Но Карл не мог остановиться. Словно со смехом выходили из него весь его страх и горе.

Франц схватил Карла за ворот его матросской куртки и зашептал:

— Они подкарауливают здесь твою мать.

Карлушин смех оборвался, точно его обрезали ножом. Он молча и испытующе поглядел на Франца. Немного погодя он сказал:

— Ты же говоришь, что моя мама скрылась!

— Да. Но они думают, что она ради тебя вернется. Лиза слышала, как они это говорили. Тебе нельзя идти в квартиру.

«Но ведь мама все равно подумает, что я там», — пронеслось в голове у мальчика.

Карлуша опустил голову, глаза его опять наполнялись слезами.

— Она вернется, — прошептал он уверенно. — Она непременно вернется.

Он знал, что мать не покинет его. Эта мысль наполняла его нежностью и страхом.

— Смотри, — процедил сквозь зубы Франц, сжимая кулаки. — Они уже и свет зажгли в квартире, чтобы твоя мама подумала, что ты дома.

— Что же нам делать? — с тревогой прошептал Карлуша.

— Только не робеть, Карл! У меня есть план. Мы принимаем борьбу.

4-я глава, о ребятах на посту и о толстом человеке, который едва не принес несчастья, и о том, как Хельмут спас положение и Франц стал жертвой солидарности

Вечером, в половине девятого, маленький Петер стоял на посту в парадном, около лестницы. Он должен был сообщать соседнему часовому во дворе, если в доме произойдет что-нибудь важное. Ему приказано было спокойно играть как ни в чем не бывало и не бегать взад и вперед, чтобы не навлечь на себя подозрений.

Петер был очень взволнован. Ему было всего 7 лет. В первый раз ему позволили участвовать в настоящей секретной работе. Он отпросился после ужина у матери погулять на полчасика. Полчаса уже прошли, но Петер не мог бросить свой пост, хотя и знал, что дома его за это высекут. Ну и пусть! Он даже гордился предстоящими страданиями.

Петер ел яблоко и внимательно смотрел по сторонам. Особенно зорко следил он за воротами. Вдруг он увидел, что в ворота, крадучись, входит шпик. Это был тот же самый шпик, который был здесь утром. Петер с удовольствием дал бы ему в зубы или под ложечку. Петер ясно представил себе, как он сразу на обе лопатки положил бы мерзавца-шпика.

В ворота вошли еще двое людей. Было ясно, что это тоже шпики. Они остановились у ворот. Мерзавец что-то вытащил из внутреннего кармана пиджака и дал каждому из своих помощников.

Петер услышал, как сыщик, показывая на какие-то бумаги, сказал:

— Это та самая женщина... смотрите в оба!

Петер догадался, что это были фотографии карлушиной мамы.

Потом Петер увидел, как один из шпиков остановился шагах в пятнадцати направо от ворот, а другой встал с левой стороны.

Главный мерзавец перешел через дорогу и стал на другой стороне улицы, ближе к углу.

Итак, Петер стал свидетелем важных событий. Надо было сейчас же об этом сообщить. Петер вышел на улицу и повернул к тумбе с афишами, где был пост Франца. Франц, действительно, стоял там, прислонясь к тумбе и засунув руки в карманы штанов. Он тихо насвистывал и кивнул Петеру. Этот короткий кивок означал, что Франц все видел и ни в каком донесении не нуждается. Петеру было очень обидно. Ему удалось совершенно самостоятельно сделать такое важное наблюдение, и оно оказалось ни к чему!

Петер пошел обратно на свой пост, обдумывая, как он будет дальше бороться со шпиком. Если этот мерзкий сыщик увернется от удара, Петер ткнется ему головой в живот так сильно, что у того запищит вчерашняя капуста.

Шпик, стоявший на противоположной стороне, заметил худенькую девочку лет пятнадцати. Ему показалось, что она кого-то поджидает. Но он не заметил, что она не только кого-то ждет, но и в свою оче-

редь следит за ним. Изредка она косилась на угол.

Там сидел Хельмут на тумбе, стоящей справа от ворот. У него был равнодушный вид, словно ему ни до чего нет дела. Он сонливо смотрел в одну точку. Франц, Лиза и Хельмут могли спокойно стоять на своих наблюдательных постах. Ни сыщики, ни полиция не знали их. Карлушу же пришлось спрятать в палисаднике соседнего дома, позади подстриженных кустов. Собственно говоря, Карлуше не следовало рисковать. Но не было четвертого надежного товарища для охраны правой стороны ворот.

Через решотку Карлуша видел всех прохожих. Но высовываться он не смел.

Время шло. Часы пробили половину десятого. Вдруг с лестницы донеслись крик и плач. Это мать Петера накрыла его и поволокла домой. Петер сопротивлялся до последней минуты. На все вопросы о том, что он делает на лестнице, Петер отвечал ледяным молчанием. В будущем году его никто не посмеет уж тащить домой.

Лиза, наблюдавшая за сыщиком, заметила, что тот взглянул на часы и стал напряженно всматриваться в лица прохожих.

Она пыталась угадать, в чем дело? Что у него на уме?

Повидимому, он считал, что если фрау Бруннер захочет придти сегодня, то она придет именно сейчас. Вскоре улица опустеет, и тогда карлушиной маме трудно будет прятаться среди прохожих.

«Сыщик хитер», — подумала Лиза. Она заметила, как он дал сигнал своим помощникам: «Внимание!»

Лиза тоже кивнула Францу и Хельмуту: «Внимание!» Все почувствовали в кончиках пальцев какую-то дрожь: вот сейчас, сейчас появится фрау Бруннер. Кто первый заметит ее: сыщики или дети? От этого зависит все!

Карлуша сидел на корточках позади густого ряда подстриженных кустов. Ему было очень плохо видно. Он мог только слегка раздвинуть ветки и смотреть в узенькую щель. Решотка тоже мешала ему. Но хуже всего было то, что он, сидя на корточках, видел улицу только снизу. Лиц прохожих он не видел. Если кто-нибудь подходил вплотную и останавливался перед Карлушей, то ему вообще ничего не было видно. Тогда Карлушу охватывала такая злоба, что ему хотелось крикнуть: «Проходите же дальше, дурачье!» Он с трудом сдерживался, чтобы не выскочить из своей засады. Но надо было тихо ждать и оставаться незамеченным.

Широко раскрыв глаза, Карлуша пристально всматривался в прохожих. Напротив стоял газовый фонарь и слепил ему глаза. Карлуша ужасно боялся, что он не заметит мать, что она пройдет мимо и по его вине попадет прямо в лапы полиции. При этой мысли у него сжималось горло.

От напряжения у Карлуши устали глаза. К тому же он много плакал в этот день. Веки отяжелели, и ему больно было их держать открытыми. Уже полтора часа смотрел он на улицу.

Вдруг он вздрогнул. Не спал ли он? Да, он спал. Его глаза были закрыты. Быть может, только одну минуту. Но ведь мама могла пройти именно в эту минуту. Может быть, все уже погибло. По его вине... Карлуша чуть не заплакал. Он услышал, как на башенных часах церкви святой Гедвиги пробило три четверти десятого.

Гедвига Бруннер тоже услышала бой этих часов. Она как раз в это время завернула с Ульмерштрассе и замедлила шаги.

Она была одета в костюм проповедницы армии спасения. Под широкополой соломенной шляпой почти не видно было ее лица. Черная пелерина скрывала ее фигуру. Она нарочно немного горбилась, чтобы изменить свою походку. Этот наряд ей достали товарищи, у которых она нашла приют.

Но несмотря на это она была крайне осторожна. Она и не думала входить в дом. Она лишь надеялась встретить на улице кого-нибудь из карлушиных товарищей — Франца или Хельмута. Это были надежные ребята. Через них она могла передать Карлуше, что ему нужно делать.

Правда, это было опасно. Но ведь Карлуша был ее единственный сын. Она подвигалась очень осторожно и держалась все время в тени. В это время из магазина вышел огромный толстый господин. Гедвига Бруннер пошла за ним. Он шел перед ней, как живое прикрытие.

Между тем Карлуша внимательно вглядывался в каждую проходившую женщину. На мужчин он вообще не обращал внимания. Только один заинтересовал его. Уж очень он был смешной. Такого толстого человека Карлуша никогда не видел. Он катился, как огромный шар, выпятив большой живот, и занимал собой почти половину тротуара. Когда толстый человек прошел мимо, Карлуша рассмеялся:

«Ему бы надо вывесить на животе записку: «Буду сам через пять минут!»

Медленно, большими тупыми шагами идут следом за ней два полицейских.

Толстый человек прошел мимо. Под прикрытием его толщины прошла и Гедвига Бруннер. Карлуша ее не заметил. Никто не подал ей знака. Она не знала, что близко стоит шпик и, держа ее фотографию в руках, осматривает каждую проходящую женщину.

Она все еще шла за толстяком и шла прямо на шпика. В эту минуту шпик заметил забавного толстяка. Он с любопытством оглядел его. Он тоже давно не видел ничего подобного. В «третьей империи» были вовсе не такие времена, чтобы отращивать толстые животы.

Шагах в пятнадцати от шпика толстяк неожиданно остановился, потом внезапно повернул налево и наискось перешел через дорогу на другую сторону улицы.

Шпик с любопытством смотрел ему вслед. Поэтому он сразу и не заметил «проповедницу», которая шла за толстяком. Когда же толстяк вдруг свернул в сторону, она почувствовала себя точно оголенной и остановилась. Она стояла в нескольких шагах от шпика, почти одна посреди панели.

Все это длилось несколько секунд. Вдруг с противоположной стороны улицы бросился бежать парнишка лет пятнадцати. Он мчался так быстро, что налетел на «проповедницу». Из ее рук выпал пакет. Они одновременно нагнулись за ним. И тут Хельмут, это был он, быстро зашептал:

— Назад, фрау Бруннер! Вас поджидают. Карлуши в доме нет. Скорее назад. Патруль идет!

И Хельмут побежал дальше. А Гедвига Бруннер повернулась и пошла обратно.

Когда шпик снова взглянул вдоль улицы, он увидел спину «проповедницы» армии спасения.

«Должно быть, она вышла из ворот, пока я смотрел на толстяка, — подумал про себя шпик и не нашел в этом ничего подозрительного. — Скоро эта дурацкая служба кончится. Дома ждет горячий ужин. От обеда остались еще свиные ножки». Шпик покосился на старшего: «Долго ли он собирается тут околачиваться?»

Хельмут бежал мимо карлушиной засады. Он остановился у самой решотки и стал смотреть вверх, точно увидел в небе цеппелин. При этом он заговорил шопотом, как бы про себя:

— Карлуша, слушай! Твоя мать, переодетая проповедницей, пройдет сейчас справа. Но ты не смеешь с ней разговаривать.

Ей нельзя останавливаться. Сзади патруль!

И Хельмут побежал дальше.

Карлуша почувствовал, что его сердце сейчас остановится. Мама здесь! Ему казалось, что он не видел ее уже несколько месяцев, хотя они еще только сегодня утром были вместе. Как много произошло с тех пор! Какой опасности она избежала! Вот она идет, его мама. Карлуша чуть не засмеялся от радости. Он зажал руками рот. Она превратилась в «проповедницу»!

Какая хитрая! Грудь его разрывалась от гордости, радости, счастья!

Вот она уже под фонарем! В полосе света только рот и подбородок. Но он может снизу заглянуть под ее широкополую шляпу. Да, это мама! Какая она красивая. Стоит ему только тихонько шепнуть «Мамочка!», она бы услыхала! Она тут, близко-близко. Если через решотку протянуть руку, можно дотронуться до нее! Но нет, этого делать нельзя. Они ведь идут следом за ней. Медленно, большими, тупыми шагами, два полицейских. Если бы они знали, кто эта женщина, идущая впереди!

Мама прошла! Она искала его и прошла мимо! Как же он теперь ее найдет? Горло его снова больно сжалось.

Карлуша не мог больше выдержать. Он вылез из палисадника: в боковой решотке не хватало железного прута, там было легко протиснуться наружу. И сам не сознавая, что он делает, Карлуша пошел в том же направлении, куда ушла его мать.

Мать скрылась. Карлуша оглядел всю улицу. Она стала пустыннее и заметно темнее. В витринах зажигались огни. Не было никакого смысла бежать за матерью неизвестно куда.

Карлуша стоял на углу ограды палисадника.

Вдруг позади него раздался крик. Это был глухой, придушенный крик боли. Жалобный крик мальчика. Какой знакомый голос!

Карлуша быстро оглянулся и увидел, как огромный полицейский тащил за собой его лучшего друга Франца Шрамма. Полицейский держал Франца за воротник и тащил по земле, как мешок. Франц упирался, не хотел идти, волочил ноги.

Карлуша притаился в тени.

Вот они уж близко! Лицо Франца мокро от пота и слез. И под правым глазом большущий синяк. Но Франц не делает ни одного шага. Ноги его висят и волочатся по земле.

Огромный полицейский, похожий на отвратительного черного великана, наклонился над Францем. Он бил его кулаком и коленями в спину, подталкивая вперед.

— Ты отлично знаешь, где этот негодяй! — злобно шипел полицейский.

— Нет, — со стоном ответил Франц.

За это он получил новый пинок коленом.

— Ты не хочешь знать? Не знаешь?

— Нет, — хрипел Франц, стиснув зубы.

Прохожие останавливались и молча смотрели на эту сцену.

— Погоди-ка! — шипел полицейский. — Идем-ка вот сюда, под ворота. Там ты у меня заговоришь! — и он потащил Франца мимо Карлуши в ближайшую подворотню.

Карлуша стоял словно окаменевший. Его охватило отчаяние. Франца, его любимого, лучшего друга, избивает полицейский.

Из темной подворотни раздался опять пронзительный, ужасный крик. Карлуша руками зажал уши и закрыл глаза.

Немного погодя он медленно открыл их и, словно притянутый магнитом, сделал несколько шагов по направлению к воротам. Он совершенно забыл, что на этой улице нужно соблюдать осторожность. Что случилось там, в темной подворотне, с Францем? Карлуше страшно было посмотреть. Но вместе с тем его неудержимо тянуло взглянуть. Он вытянул шею и широко раскрытыми глазами впился в темноту. Там стоял полицейский. Видны были только черные контуры его фигуры. Он стоял неподвижно. Но перед ним на земле лежало что-то темное, маленькое и корчилось.

Вдруг полицейский повернул к Карлуше лицо. Лица полицейского нельзя было различить в темноте. Но казалось, что он смотрит прямо на Карлушу. Карлуша не мог двинуться с места. Его ноги были холодны, как лед. Кругом была мертвая тишина. Полицейский взял свой свисток, и острый свист внезапно разрезал тишину. Это вывело Карлушу из оцепенения. Он отскочил назад и побежал. Он бежал изо всех сил. На первом же углу он завернул и понесся дальше.

5-я глава—об ужасной ночи, когда Карлуша встретился с огромным волкодавом

Карлуша бежал по плохо освещенным, темным улицам. Он все еще слышал позади себя резкий свисток полицейского. Полицейский свисток был для него ужаснее всего! Даже резиновая дубинка была ему не так страшна, как этот свисток.

— Я не дамся живым им в руки, — говорил он сам себе, — ни за что!

Карлуша отлично понимал, что значило для него попасть в руки полиции: побои в приюте за завтраком, за обедом и за ужином! Никогда уж ему не увидеть своих товарищей!

Карлуша очутился на маленькой, глухой улочке; он отлично знал, что в такой поздний час его непременно задержит полицейский патруль: маленькие дети не ходят ночью одни по городу. Его начнут выспрашивать, куда он идет, и как его зовут, и где он живет. Нет! Ему нельзя встретиться с полицейским.

Вдруг в конце улицы под фонарем что-то блеснуло. И еще раз. И еще.

Это был отряд полицейских велосипедистов. Их было семеро, они быстро приближались с потушенными фонарями, почти невидимые в темноте, точно летящие тени. Карлуша прижался к стене.

Он заметил, что возле ближайших ворот взад и вперед шагал штурмовик. Летящие тени быстро приближались. Штурмовик прошел десять шагов в одну сторону и повернул обратно. Заметив полицейский патруль, он приостановился и поглядел им навстречу.

Карлуша, улучив момент, быстро скользнул вдоль стены к воротам. Они были только слегка прикрыты. Карлуша прошмыгнул во двор.

Он постоял немного в темноте: «Патруль, верно, уже проехал. Но как выйти отсюда, чтобы не заметил штурмовик?»

В доме, повидимому, помещалось какое-нибудь важное бюро национал-социалистов или даже казарма штурмовиков. Иначе у ворот не стоял бы часовой. Карлуша прильнул к воротам и, глядя в щель на улицу, стал ждать подходящего момента, чтобы выйти из ворот.

Вдруг он услышал пение. Но что за пение! Карлуша напряженно слушал. Не ошибается ли он? Эту песню Карлуша очень хорошо знал. Хоть и не слышал ее уже больше года. Сомнения не было: пели «Интернационал». Карлушу охватило чувство радости и страха. Как это возможно? Кто

— Волк, ищи!

мог, кто смел во времена ужаснейшего националистического террора петь коммунистический гимн? Ведь за это ссылали в концентрационный лагерь, за это грозила смерть!

Песня звучала хрипло и слабо из подвальных окон:

«Вставай, проклятьем заклейменный...»

Внезапно все замолкло. Затем раздался неясный звук. И еще звук, похожий на стон. И снова запел чей-то надломленный голос:

«Это будет последний
И решительный бой».

Жутко и вместе с тем чудесно звучала песня в пустом темном дворе.

Карлуша подкрался к подвальному окну. Он знал, что дальнейшее пребывание на дворе грозит ему опасностью. Но он должен был выяснить, кто поет «Интернационал».

Подвальные окна были из толстого, темного стекла. Но в некоторых местах оно было разбито. Карлуша заглянул в окно.

Он увидел грязный пустой подвал, слабо освещенный угольной лампочкой. У стены стояло четверо рабочих. Их руки были закованы в кандалы. Одежда на них была пыльная, грязная, порванная, словно их долго волочили по земле. Распухшие лица были исцарапаны и окровавлены. Но эти четверо, закованные в железо, прямо и твердо смотрели в глаза двум наци, стоящим перед ними с резиновыми дубинками в руках. Четверо оборванных, окровавленных пели «Интернационал»!

— Прекратить пение! Перестать, проклятые коммунисты! — проревел истязатель и ударил одного рабочего резиновой дубинкой прямо по лицу.

Еще удар. Рабочий, скорчившись, повалился на пол и смолк.

Но остальные трое продолжали петь.

Карлуша дрожал от ярости. В бессильной злобе он схватил камень, который лежал у его ног, и бросил его в разбитое окно. Потом отскочил от окна и кинулся прочь. Ему было ясно, что он попал в казарму штурмовиков. Бежать прямо к воротам было опасно: вдруг кто-нибудь выглянет из окна. Карлуша быстро огляделся. Около ворот лежала груда бревен и досок.

Карлуша добежал до нее и ползком залез под толстое бревно. Тут можно было немного обождать.

Он лежал, скорчившись, еле дыша, и прислушивался. Вскоре он услышал, как хлопнула дверь и чей-то хриплый голос повелительно крикнул:

— Кто во дворе? Немедленно явиться!

Карлуша слышал, как бьется его сердце. Он увидел яркий луч карманного фонаря, который, пересекая темный двор, лег до самых ворот. Белый луч медленно подвигался, освещая каждый уголок двора.

Карлуша заполз еще глубже. К счастью, тут оказался как бы маленький туннель. Луч прожектора осветил балки и доски, скользнул мимо Карлуши, но не нашел его.

Карлуша думал, что остался незамеченным. Но тот же хриплый голос крикнул:

— Волк, ищи!

Карлуша услышал тихое ворчание. На него натравили собаку!

Из своей засады Карлуша уже видел собаку. Это был огромный пегий волкодав. Он пробежал к воротам и повернул назад. Видно было, что он учуял чье-то присутствие и нашел след. С опущенной головой пробежал он к подвальному окну, а оттуда к доскам.

Карлуша от страха заплакал. Он зажмурил глаза и ожидал самого страшного. Вот сейчас огромная собака перекусит ему горло!

Но вдруг он почувствовал на своей щеке чье-то теплое и мокрое прикосновение. Он осторожно открыл глаза.

Волкодав лизал его заплаканное лицо. Огромный пес сразу нашел карлушино убежище и тоже заполз в туннель. Снаружи остался только его хвост.

Пес положил свою большую теплую, косматую голову рядом с головой плачущего мальчика, уютно засопел и лизнул его щеку. Карлуша погладил его и зашептал со слезами на глазах:

— Песик, мой милый, хороший песик!

Человек с фонарем стоял у двери и наблюдал, как собака подбежала к доскам и заползла под них. «Ага! — подумал он. — Теперь мы его поймаем!» — и он осветил доски, чтобы посмотреть, как волкодав будет вытаскивать оттуда человека.

Когда свет упал на торчащий хвост собаки, наци сердито проворчал:

— Мышь, наверно.

Пришлось два раза свистнуть, прежде чем собака вернулась на место.

Карлуша подождал, пока хлопнула дверь, вылез из-под своего прикрытия и осторожно за спиной часового вышел на улицу.

(Окончание следует)

М. Е. Салтыков-Щедрин

Сказка о ретивом начальнике, как он сам своими действиями в изумление был приведен

В своем докладе на Чрезвычайном VIII с'езде советов товарищ Сталин очень едко высмеял фашистских критиков советской Конституции, которые договорились до того, что заявили, будто СССР даже и не государство, а просто географическое понятие.

Этих тупоголовых критиков товарищ Сталин сравнил с самодуром из сказки Салтыкова-Щедрина. Самодур, заметя, что существует на свете Америка, задался вопросом: а нельзя ли эту Америку закрыть?

Америка в то время была по сравнению с Россией передовой страной, в которой жилось куда свободнее чем в царской вотчине.

Из Америки до русского самодура-чиновника донесся какой-то свободный дух, и первое, что он подумал своей лишенной рассуждения головой, было: «А нельзя ли эту Америку закрыть?»

«Кладя резолюцию о том, чтобы закрыть снова Америку, щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, все же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же про себя: «Но, кажется, сие от меня не зависит». (Взрыв веселого смеха, бурные аплодисменты.) Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»...»

Веселым смехом и бурными аплодисментами отозвался С'езд советов на эти слова товарища Сталина. Над неудачливыми фашистскими писаками смеялись от мала до велика—все, кто по радио слушал в эти минуты товарища Сталина. Смеялась вся Советская страна. И если была бы верна буквально поговорка «смешное убивает», то клеветники без «рассуждения» из фашистского журнала лопнули бы на месте от злобы и досады, услышав, как над ними смеется весь мир.

Нам кажется, что нашим читателям было бы интересно прочитать упоминаемую товарищем Сталиным сказку Салтыкова-Щедрина, тем более, что есть еще в «некоторых царствах» и ретивые начальники, сжигающие города, и мерзавцы, им помогающие. Прочтешь сказку и кажется, что Салтыков-Щедрин так прямо и описал в ней немецких фашистов.

Спасая свою сказку от царской цензуры Салтыков-Щедрин несколько раз переделывал ее. Мы печатаем один из вариантов.

В некотором царстве, в некотором государстве жил был ретивый начальник. А случилось это очень давно, в ту пору, когда промежду начальства два главных правила в руководство приняты были. Первое правило: чем больше начальник вреда делает, тем больше отечеству пользы приносит. Науки упразднит—польза; город спалит—польза; население испугает — еще того больше польза. Предполагалось, что отечество завсегда в расстроенном виде от прежнего начальства к новому доходит, так пускай оно сначала, через вред, остепенится, от бунтов отвыкнет, а потом отдышится и настоящим манером процветет. А второе правило: как можно больше мерзавцев в распоряжении иметь, потому, что обыватели своим делом заняты, а мерзавцы—люди досужие и ко вреду способные.

Все это ретивый начальник на носу у себя зарубил, и так как ретивость его

всем была ведома, то в скорости дали ему в управление вверенный край. Хорошо. Помчался он туда и уж дорогой все сны на яву видит. Как он сначала один город спалит, потом за другой примется, камня на камне в нем не оставит — все затем, чтоб как можно больше вверенному краю пользы принести. И всякий раз при этом будет слезы лить и приговаривать: видит бог, как мне тяжко! Годик—другой таким манером попалит,— смотришь, ан вверенный-то край помаленьку остепеняться стал. Остепенялся да остепенялся — и вдруг, каторга! Да не такая, как в Сибири каторга, а веселая, ликующая, где люди добровольно, под сению изданных на сей предмет узаконений, блаженствуют. В будни работу работают, в праздник песни поют и за начальников бога молят. Наук нет, а обыватели все до одного хоть сейчас на экзамен готовы; вина не пьют, а питейный доход возрастает да возрастает; товаров из-за границы не получают, а пошлины на таможнях поступают да поступают. А он только смотрит да радуется; бабам по платку дарит, мужикам—по красному кушаку. «Вот какова моя каторга!—говорит он ликующим обывателям:— вот зачем я города огнем палил, народ пугал, науки истреблял. Теперь понимаете!»

— Как не понимать—понимаем.

Приехал он в свое место и начал вредить. Вредит год, вредит другой. Народное продовольствие—прекратил, народное здравие — уничтожил, науки сжег и пепел по ветру развеял. Только на третий год стал он себя поверять: надо бы по-настоящему, вверенному краю уж процвести, а он словно и остепеняться еще не начинал...

Задумался ретивый начальник, принялся разыскивать: какая тому причина?

Думал, думал, и вдруг его словно свет озарил. «Рассуждение»—вот причина! Начал он припоминать разные случаи, и чем больше припоминал, тем больше убеждался, что хоть и много он навредил, но до н а с т о я щ е г о вреда, до такого, который бы всех сразу прищемил, все-таки дойти не мог. А не мог потому, что этому препятствовало «рассуждение». Сколько раз бывало: разбежится он, размашется, закричит «разнесу»!—ан вдруг «рассуждение»: какой же ты, братец, осел! — он и спасует. А кабы не было у него «рассуждения», он бы...

— Давно бы вы у меня отдышались!— крикнул он не своим голосом, сделавши это открытие:—посмотрел бы я, как бы вы у меня...

И погрозил кулаком в пространство, думая хоть этим пользу вверенному краю принести.

На его счастие, жила в этом городе волшебница, которая на кофейной гуще будущее отгадывала, а между прочим умела и «рассуждение» отнимать. Побежал он к ней: отнимай! Та видит, что дело к спеху, живым манером отыскала у него в голове дырку и подняла клапанчик. Вдруг что-то оттуда свистнуло—и шабаш! Остался наш парень без рассуждения.

Разумеется, очень рад. Хохочет.

Прежде всего, побежал в присутственное место. Встал посреди комнаты, и хочет вред сделать. Только хотеть-то хочет, а какой именно вред и как к нему приступить—не понимает. Таращит глаза, шевелит губами—больше ничего. Однакож, так он этим одним всех испугал, что от одного его вида нерассудительного разом все разбежались. Тогда он ударил кулаком по столу, разбил его, а сам убежал.

Прибежал в поле. Видит, люди пашут, боронят, косят, сено гребут. Знает, что необходимо сих людей в рудники заточить, а за что и каким манером—не понимает. Вытаращил глаза, отнял у одного пахаря косулю и разбил вдребезги, но только что бросился к другому, чтоб борону у него разнести, как все испугались, и в одну минуту поле опустело. Тогда он разметал только что сметанный стог сена, и убежал.

Воротился в город. Знает, что надобно его с четырех концов запалить, а почему и каким манером—не понимает. Вынул из кармана коробку спичек, чиркает, да только все не тем концом. Взбежал на колокольню и стал бить в набат. Звонит час, звонит другой, а для чего—не понимает. А народ, между тем, сбежался, спрашивает: где, батюшко, где? Наконец, устал звонить, сбежал вниз, вынул коробку со спичками, зажег их все разом, и только что было ринулся в толпу, как все мгновенно брызнули в разные стороны, и он остался один. Тогда, делать нечего, побежал домой и заперся на ключ.

Сидит день, сидит другой. За это время опять у него «рассуждение»,—прикапливаться стало, да только вместо того, чтоб крадучись да с ласкою к нему подойти, а оно все старую песню поет: какой же ты,

братец, осел! Ну, он и осердится. Отыщет в голове дырку (благо узнал, где она спрятана), приподнимет клапанчик, оттуда свистнет—опять он без рассуждения сидит.

Казалось, тут-то бы и отдышаться обывателям, а они, вместо того, испугались. Не поняли, значит. До тех пор все вред с рассуждением был, и все от него пользы с часу на час ждали. И только что польза наклевываться стала, как пошел вред без рассуждения, а чего от него ждать—неизвестно. Вот и забоялись все. Бросили работы, попрятались в норы, азбуку позабыли, сидят и ждут.

А он хоть и сидел без рассуждения, однако понял, что один его нерассудительный вид отлично свою ролю сыграл. Уж и то важно, что обыватели в норы попрятались: стало быть остепеняться хотят. Да и прочие все дела под стать сложились: поля заскорбли, реки обмелели, на стада сибирская язва напала. Все, значит, именно так подстроилось, чтоб обывателя в чувство привести... Самый бы теперь раз к устройству каторги приступить. Только с кем? Обыватели попрятались, одни ябедники да мерзавцы, словно комары на солнышке, стадами играют. Так ведь с одними мерзавцами и каторгу устроить нельзя. И для каторги не ябедник праздный нужен, а обыватель коренной, работящий, смирный.

Стал он в обывательские норы залезать и поодиночке их оттоле вытаскивать. Вытащит одного приведет в изумление; вытащит другого—тоже в изумление приведет. Но не успеет до крайней норы дойти—смотрит, ан прежние опять в норы уползли... Нет, стало быть, до н а с т о я щ е г о вреда он еще не дошел!

Тогда он собрал «мерзавцев» и сказал им:

— Пишите, мерзавцы, доносы.

Обрадовались мерзавцы. Кому горе, а им радость. Кружатся, суетятся, играют, с утра до вечера у них пир горой. Пишут доносы, вредные проекты сочиняют, ходатайствуют об оздоровлении... И все это, полуграмотное и воночее, в кабинет к ретивому начальнику ползет. А он читает и ничего не понимает. «Необходимо по ночам в барабаны бить и от сна обывателей внезапно пробуждать»—но почему? «Необходимо обывателей от излишней пищи воздерживать» — но на какой предмет? «Необходимо Америку снова закрыть» — но, кажется, сие от меня не зависит? Словом сказать, начитался он по горло, а ни одной резолюции положить не мог.

Горе тому граду, в котором начальник без расчету резолюциями сыплет, но еще того больше горе, когда начальник, совсем никакой резолюции положить не может!

Снова он собрал «мерзавцев» и говорит им:

— Сказывайте, мерзавцы, в чем, по вашему мнению, н а с т о я щ и й вред состоит?

И ответили ему «мерзавцы» единогласно:

— Дотоле, по нашему мнению, н а с т о я щ е г о вреда не получится, доколе наша программа вся, во всех частях, выполнена не будет. А программа наша вот какова. Чтобы мы, мерзавцы, говорили, а прочие чтобы молчали. Чтобы наши, мерзавцев, затеи и предложения принимались немедленно, а прочих желания чтобы оставлялись без рассмотрения. Чтобы нам, мерзавцам, жить было повадно, а прочим всем чтоб ни дна ни покрышки не было. Чтобы нас, мерзавцев, содержали в холе и в неженьи, а прочих всех—в кандалах. Чтобы нами, мерзавцами, сделанный вред за пользу считался, а прочими всеми, если бы и польза была принесена, то таковая за вред бы считалась. Чтобы об нас, об мерзавцах, никто слова сказать не смел, а мы, мерзавцы, о ком вздумаем, что хотим, то и лаем! Вот коли все это неукоснительно выполнится, тогда и вред настоящий получится.

Выслушал он эти мерзавцевы речи и хоть очень наглость ихняя ему не по нраву пришлась, однако видит, что люди на правой стезе стоят,— делать нечего, согласился.

— Ладно,—говорит:—принимаю вашу программу, господа мерзавцы. Думаю, что вред от нее будет изрядный, но достаточный ли, чтоб вверенный край от него процвел—это еще бабушка на двое сказала!

Распорядился мерзавцевы речи на досках написать, и ко всеобщему сведению на площадях вывесить, а сам встал у окошка и ждет, что будет. Ждет месяц, ждет другой, видит: рыскают мерзавцы, сквернословят, грабят, друг дружку за горло рвут, а вверенный край никак-таки процвесть не может! Мало того: обыватели до того в норы уползли, что и до-

стать их оттуда нет средств. Живы ли, нет ли—голосу не подают.

Тогда он решился. Вышел из ворот и пошел прямиком. Шел-шел, и наконец, пришел в большой город, в котором главное начальство резиденцию имело. Смотрит—и глазам не верит! Давно ли в этом самом городе «мерзавцы» на всех перекрестках программы выкрикивали, а людишки в норах хоронились,—и вдруг теперь все наоборот сделалось! Людишки свободно по улицам ходят, а мерзавцы спрятались... Что за причина такая?

Начал он присматриваться и прислушиваться. Зайдет в трактир—никогда так бойко не торговали! пойдет в калашную—никогда столько калачей не пекли! заглянет в бакалейную лавку—верите ли, икры наготовиться не можем! сколько привезут, столько сейчас и расхватают.

— Да от чего же?—спрашивает:—какой такой н а с т о я щ и й вред вам был нанесен, от которого вы так ходко пошли!

— Не от вреда это,— отвечают ему:—а напротив, от того, что новое начальство все старые вреды отменило.

Не верит.

Отправился по начальству. Видит, дом, где начальник живет, новой краской выкрашен. Швейцар—новый, курьеры — новые. А наконец и сам начальник—с иголочки. От прежнего начальника вредом пахло, от нового—пользою. Прежний хоть и угрюмо и смотрел, а ничего не видел, этот—улыбается, а все видит.

Начал ретивый начальник докладывать. Так и так; сколько делал вреда, чтобы пользу принести, а вверенный край, и о сю пору отдышаться не может.

— Повторите!—не понял новый начальник.

— Так и так, никаким манером до н а с т о я щ е г о вреда дойти не могу.

— Что такое вы говорите?

Оба разом встали и смотрят друг на друга. И вдруг, новый начальник вспомнил, что он сам сколько раз в этом смысле для своего предместника циркуляры изготовлял.

— Ах, так вы вот об чем!—расхохотался он.—Но ведь мы уж эту манеру оставили. Нынче мы вреда не делаем, а только пользу. Ибо н е в о з м о ж н о в р е к у н е ч и с т о т ы в а л и т ь и о ж и д а т ь, ч т о о т с е г о в о д а в н е й с л а щ е б у д е т. Зарубите себе это на носу.

Воротился ретивый начальник в вверенный край и с тех пор у него на носу две зарубки. Одна (старая) гласит: «достигай пользы посредством вреда», другая (новая): «ежели хочешь пользу отечеству сделать, то»... остальное на носу не уместилось.

Но иногда он принимает одну зарубку за другую. Тогда выходит так, что ел, что кушал—все едино.

□□□

Александр Пушкин — мальчик.

С гравюры Е. Гейтмана

Молодой Пушкин

В. Вересаев

I

По одной из московских улиц летом шла дама и с ней толстый, неповоротливый и молчаливый мальчик. Увалень раздражал мать: так шел он медленно и лениво. Она потеряла терпение, оставила мальчика и пошла вперед одна. Мальчик преспокойно уселся отдыхать среди улицы. Из раскрытых окон смотрели на него и смеялись. Это задело мальчика. Он сердито сказал.

— Ну, нечего скалить зубы!

Медленно встал и пошел.

Этот мальчик был Саша Пушкин — будущий великий наш поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Отец его, Сергей Львович, происходил из старинного дворянского рода, насчитывавшего шестисотлетнюю давность

Сергей Львович был помещик, и помещик богатый: во владении его находилось более тысячи душ крепостных крестьян. Однако Сергей Львович постоянно нуждался. Он не любил сам заниматься хозяйством — поместьями безотчетно управляли жулики-приказчики. Они обирали и барина и крестьян. Однажды крестьяне, доведенные притеснениями приказчика до отчаяния, послали к Сергею Львовичу ходоков с жалобой на приказчика. Сергей Львович пришел в великое негодование, что его обеспокоили, затопал на мужиков ногами и прогнал, не выслушав.

Ему было не до того, чтобы заниматься такими скучными вещами, как хозяйство, отчеты, жалобы, цены на продукты. Жизнь представлялась Сергею Львовичу лугом удовольствий, человек, точнее, дворянин,— мотыльком, которому предназначено порхать по лугу и пить с цветочков сладкий сок. Так он и проводил жизнь — в полнейшей праздности, ища одних удовольствий. Он был изысканно любезен на старинный французский манер, отличался в каламбурах и острых ответах, был желанным гостем во всех московских гостиных, мастерски устраивал праздники и домашние театры, прекрасно сам играл на сцене и декламировал, очень легко писал стишки — и по-французски и по-русски. Интересовался литературой, владел богатой библиотекой, преимущественно из французских книг, был лично знаком с лучшими писателями того времени: Карамзиным, Дмитриевым, Батюшковым, Жуковским, Вяземским. Родной брат его, Василий Львович, по образу жизни совершенно схожий с ним, сам был известный в свое время поэт.

До детей своих Сергею Львовичу было так же мало дела, как и до хозяйства. Он был сухой эгоист, но любил изображать из себя любящего отца. Вообще был он глубоко фальшив и всегда играл какую-нибудь роль. Имел наклонность к чувствительности, был очень слезлив. Можно думать, что напыщенная фальшивость отца сыграла по контрасту свою роль в выработке у Пушкина большой простоты и естественности в выражении чувств.

Жена Сергея Львовича, Надежда Осиповна, была внучкой «арапа Петра Великого» — Абрама Петровича Ганнибала. Ганнибал был сын абиссинского владетельного князька, попал заложником в Константинополь, а оттуда был привезен русским посланником в Россию. Император Петр Первый окрестил его, дал военное образование. Умер Ганнибал в глубокой старости в звании генерал-аншефа.

В наружности Пушкина сохранилось много черт его прадеда: круто вьющиеся волосы, смуглое лицо, несколько толстые губы.

Надежда Осиповна была совсем подстать своему мужу: так же любила светские удовольствия, питала такое же отвращение к труду, домашним хозяйством не занималась. Была она властна и взбалмошна. Муж находился у нее под башмаком. С детьми обращалась деспотически.

Было их трое: старшая дочь, Ольга, на два года старше Александра, потом Александр и младший, Лев, на шесть лет моложе.

Льва мать очень любила, а к старшим детям, особенно к Александру, относилась холодно. Рассердившись, дулась на него и не разговаривала неделями и месяцами. Подвергала унизительным наказаниям. У Александра была привычка тереть ладони одну о другую; чтобы отучить его от этого, мать на целый день завязала ему руки назад и проморила голодом. Мальчик часто терял носовые платки; мать пришила ему носовой платок к курточке ввиде аксельбанта и в таком виде заставляла выходить даже к гостям. Материнской ласки Пушкин никогда не видел.

Надежду Осиповну очень сердила неповоротливость мальчика, его тучность, робость и отвращение к движению. Она заставляла его бегать и играть со сверстниками. Когда мальчику становилось невмоготу, он убегал в комнату бабушки, Марии Алексеевны Ганнибал, залезал в ее корзину и долго смотрел на ее работу. В этом убежище его никто уже не трогал. Бабушка относилась к ребенку ласково, и, кажется, он ее любил.

Но настоящую любовь, и ласку, и заботливость давала ему старая его няня, Арина Родионовна. К ней Пушкин горячо был привязан до самой смерти. В стихотворении «Сон» он вспоминает, как над детской его кроваткой няня рассказывала ему сказки:

«Но с детских лет люблю воспоминанье.
Ах! Умолчу ль о мамушке моей,
О, прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеяньи
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало,
Все в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...»

К семи годам Пушкин из толстого и молчаливого увальня превратился в бойкого, говорливого шалуна. Теперь еще больше стало сказываться его африканское по матери происхождение: движения были быстрые, глаза живые, из них как будто так и сыпались искры; характер был пылкий, с быстро меняющимися настроениями. Бабушка Мария Алексеевна говаривала с огорчением:

— Не знаю, что выйдет из моего старшего внука... То его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что ничем не уймешь. Из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится.

Мальчишка был остроумный и озорной. Знакомый Пушкиных, поэт Иван Иванович Дмитриев, министр в отставке, сказал:

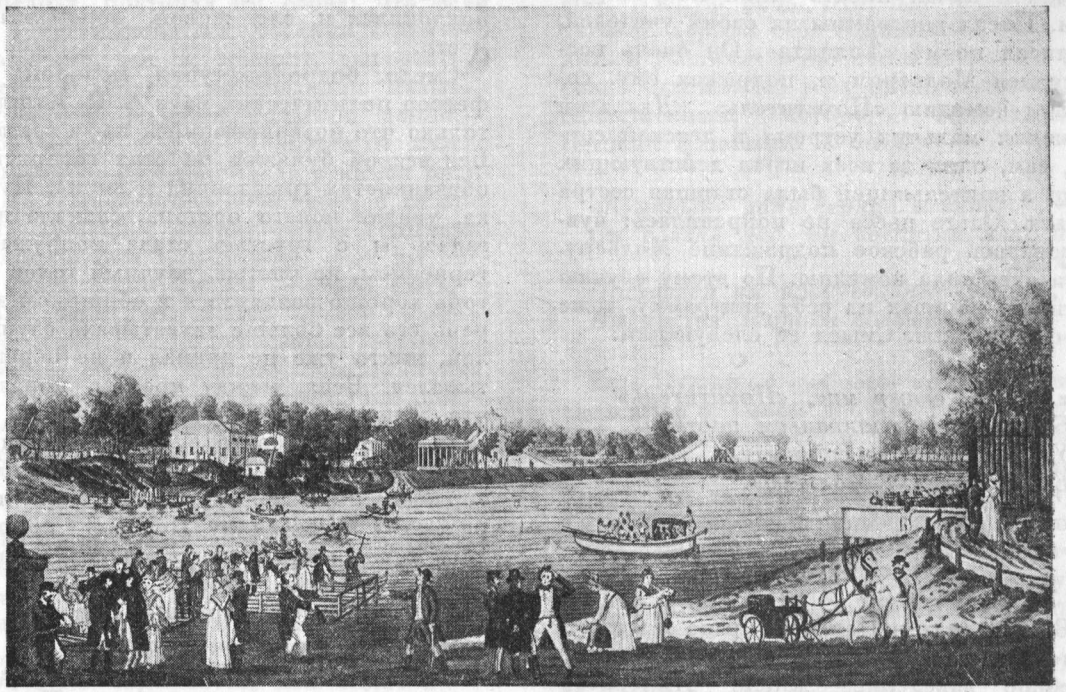
— Посмотрите на него: настоящий арапчик.

Пушкин засмеялся, взглянул на рябое лицо Дмитриева и ответил:

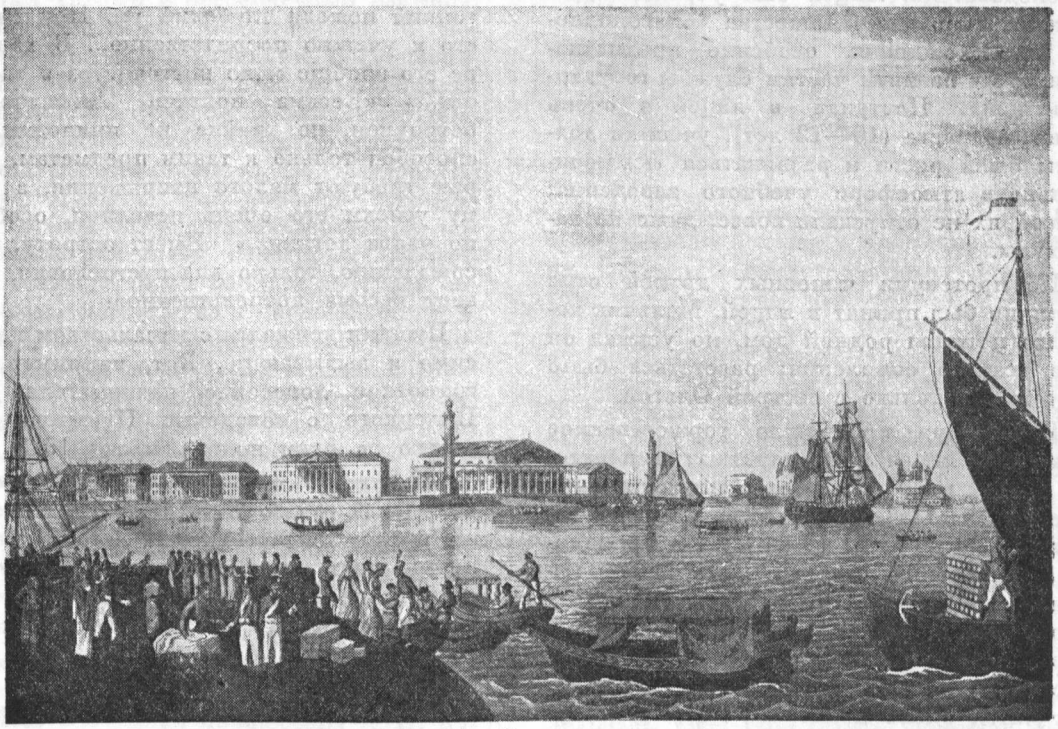
— По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик.

В доме жили гувернеры-французы и гувернантки. Они постоянно сменялись. Воспитание детей мало заключало в себе русского. Домашним языком, как вообще в тогдашних дворянских семьях, был язык французский, и Пушкин в детстве говорил по-французски лучше нежели по-русски. Учился он плохо и лениво. Заливался слезами над четырьмя правилами арифметики: ее он вообще плохо понимал. Особенно деление стоило ему многих слез и трудов.

Лет с девяти мальчик сильно пристрастился к чтению. Он тайком забирался в библиотеку отца и читал часы напролет. Библиотека состояла преимущественно из книг французских писателей семнадцатого и восемнадцатого веков. Эти книги близко ознакомили мальчика с французской литературой, выработали у него тот прекрасный французский слог, которому впоследствии не могли надивиться в его письмах



Острова. *Старинная гравюра.*



Гулянье на Неве. *Старинная гравюра.*

природные французы. С восьми уже лет Пушкин начал писать стихи по-французски. Писал эпиграммы на своих учителей, написал поэму «Толиада». Он очень восхищался Мольером и, подражая ему, сочинил комедию «Похититель». Для этой комедии мальчик устроил в детской сцену, сам, один за всех играл действующих лиц, а зрительницей была старшая сестра Ольга. Ольге пьеса не понравилась: чувствовалось рабское подражание Мольеру. Она освистала комедию. По этому случаю Пушкин написал на себя эпиграмму, тоже по-французски. Смысл ее следующий:

«За что, скажи мне, «Похититель»
Был встречен шиканьем партера?
Увы! За то, что сочинитель
Его похитил у Мольера».

II

В 1811 году в Царском (ныне Детском) селе, под Петербургом, открылось новое учебное заведение — лицей. Император Александр Первый отвел для лицея огромный четырехэтажный флигель своего большого дворца; приглашены были лучшие преподаватели. Лицей был учрежден исключительно для юношества «благородного происхождения, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Поступая в лицей в очень юном возрасте (10—12 лет), ученики должны были расти и развиваться исключительно в атмосфере учебного заведения; домой их не отпускали вовсе, даже на каникулы.

По протекции чиновных друзей отца Пушкин был принят в лицей. Мальчик надолго покидал родной дом, но уезжал он без всякого сожаления; расстаться было ему жалко только с сестрой Ольгой.

19 октября произошло торжественное открытие лицея в присутствии императора и всей царской семьи. Отслужена была обедня с молебном, потом открылось заседание. Директор департамента народного просвещения огласил манифест об учреждении лицея. Потом выступил директор лицея В. Ф. Малиновский. Бледный, совершенно растерявшись перед высокими гостями, он начал что-то читать по бумажке; читал очень долго, но голос его звучал так слабо и прерывисто, что никто ничего не слышал. В задних рядах слушатели перешептывались, в передних — клевали носами. Оратор, наконец, кончил, поклонился и, еле живой, воротился на место.

Смело, бодро выступил молодой профессор политических наук А. П. Куницын, только что возвратившийся из-за границы. Без всякой бумажки он стал говорить об обязанностях гражданина и воина. Публика, увидав нового оратора, сначала испугалась и с грустью стала вооружаться терпением, но чистый, звучный голос оратора хорошо раздавался в обширном зале, речь его все больше захватывала слушателей, никто уже не дремал и не перешептывался. Всех, между прочим, поразило, что Куницын ни разу не упомянул в своей речи об императоре, не восхвалял его кстати и некстати, как обычно делалось в торжественных речах. Тогда еще либеральному Александру Первому понравилось такое отсутствие холопства, и он на следующий день прислал Куницыну владимирский крест — крупный орден.

Началась школьная жизнь.

Через год вот какие официальные характеристики давали мальчику Пушкину преподаватели и надзиратели:

«Имеет более блистательные нежели основательные дарования, более пылкий и тонкий нежели глубокий ум. Прилежание его к учению посредственно... В характере его вообще мало постоянства и твердости...» «Весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне не прилежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики...» «Имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия, успевает весьма посредственно».

Пушкин держался с начальством независимо и вызывающе. Вот, например, безграмотное донесение надзирателя Ильи Пилецкого о поведении Пушкина всего только за один ноябрь месяц 1812 года:

«Пушкин 6-го числа в суждении своем об уроках сказал: признаюсь, что я логики, право, не понимаю, да и многие, даже лучше меня, оной не знают, потому, что логические силлогизмы весьма для него невнятны. — 16-го числа весьма оскорбительно шутил с Мясоедовым на счет 4 департамента, зная, что его отец там служит, произнося какие-то стихи, коих мне повторить не хотел, при увещании же сделал слабое признание, а раскаяния не

видно было. — 18-го толкал Пущина и Мясоедова, повторял им слова: что если они будут жаловаться, то сами останутся виноватыми, ибо я, говорит, вывертеться умею. — В классе рисовальном называл г. Горчакова вольной польской дамой.— 23-го, когда я у г. Дельвига в классе г. профессора Гауэншильда отнимал бранное на г. инспектора сочинение, в то время г. Пушкин с непристойною вспыльчивостью говорит мне громко: «как вы смеете брать наши бумаги, — стало быть, и письма наши из ящика будете брать». Присутствие г. профессора, вероятно, удержало его от худшего еще поступка, ибо приметен был гнев его.—30-го числа к вечеру г. профессору Кошанскому из'яснял какие-то дела петербургских модных французских лавок, я не слыхал сам сего разговора, только пришел в то время, когда г. Кошанский сказал ему: я повыше вас, а, право, не вздумаю такого вздора, да и вряд ли кому оный придет в голову. Спрашивал я других воспитанников, но никто не мог мне его разговор повторить по скромности, как видно».

В этом же месяце Пушкин явился зачинщиком волнений, приведших к уходу из лицея инспектора Мартына Пилецкого. Это был хитрый и бессердечный святоша, его ненавидели все воспитанники. С молодыми сестрами и кузинами, посещавшими воспитанников в лицее, он обращался с развязной ласковой фамильярностью, позволяя себе оскорбительные отзывы о родителях воспитанников. 21 ноября, за обедом, Пушкин, как доносил надзиратель, «начал исчислять сделанные г. инспектором родителям некоторых товарищей обиды, а после обеда и других к составлению клеветы на г. инспектора подстрекнул». Закипели горячие споры, многие товарищи поддержали Пушкина, говорили, что надо идти к директору Малиновскому с жалобой на Пилецкого. «Вообще,— замечает надзиратель,— г. Пушкин вел себя все следующие дни весьма смело и ветренно». Произошло об'яснение учеников с директором в присутствии Пилецкого. Повидимому, беседа убедила директора в неправоте Пилецкого, и ему вскоре было предложено покинуть лицей.

Школьная наука в общем мало дала Пушкину. Впоследствии он с большой любовью вспоминал профессора А. П. Куницына, читавшего в лицее «нравственные и политические науки», того самого, который произнес на открытии лицея всех восхитившую речь. Это был талантливый ученый, держал себя независимо, умел будить в учениках и любовь к знанию и высокие чувства. Из всех преподавателей он единственный, которого впоследствии Пушкин вспоминал в стихах:

«Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...»

Еще Пушкин с любовью вспоминал впоследствии о «моем добром Галиче», преподававшем русскую и латинскую словесность. Это тоже был талантливый ученый. Уроки его являлись веселыми, непринужденными, чисто товарищескими беседами о литературе и искусстве. Галич озорничал вместе с учениками и вместе с ними дурачил начальство. Любил выпить. Пушкин в лицейских своих стихах изображает Галича веселым эпикурейцем, председателем их студенческих пирушек:

«Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale,
Ты эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И будут самые цари
Завидовать студентам!»

Однако сами эти студенческие пирушки существовали больше в фантазии Пушкина. Стихи его свидетельствуют только о том, что лицеисты чувствовали в Галиче не строгого учителя, а доброго товарища, который охотно принял бы участие в их попойках, если бы они существовали. И Куницын и Галич через несколько лет были лишены занимаемых ими в Петербурге университетских кафедр за «вольнодумство и безбожие».

Французский язык и литературу преподавал низенький старичок с толстым брюхом, в засаленном, слегка напудренном парике, в грязном белье,— Давид Иванович де Будри. Он был родной брат знаменитого деятеля французской революции Марата. Был он преподаватель дельный, умел приохотить учеников к занятиям и будить в них мысль. Будри очень уважал память своего знаменитого

брата. Однажды в классе он говорил о Робеспьере, другом выдающемся деятеле французской революции, и при этом заметил:

— Это он обработал Шарлотту Корде и сделал из этой девушки второго Равальяка.

Молодая девушка Шарлотта Корде убила Марата, Равальяк убил французского короля Генриха Четвертого. Таким образом, в царской России де Будри приравнивал убийцу его брата к цареубийце.

Остальные учителя лицея не поднимались над уровнем посредственности. Русскую литературу преподавал профессор Кошанский. Он старался приохотить учеников писать стихи. Однажды в послеобеденный свой класс Кошанский кончил лекцию раньше урочного времени и сказал:

— Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами.

Стихи у других воспитанников не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишья, которыми привел в восторг и Кошанского и товарищей.

Однако, воспитанный в старозаветных литературных вкусах, Кошанский не мог благотворно влиять на Пушкина: он поощрял напыщенность и ходульность, а простоту считал низкой. В стихах учеников усердно делал такие поправки: вместо «выкопав колодцы» — «изрывши кладези», вместо «площади»—«стогны», вместо «говорить» — «вещать». Пушкин относился к Кошанскому отрицательно, в стихах своих называл его «скучным проповедником», «угрюмым цензором», преподносящим «уроки учености сухой».

Математику Пушкин не любил. Преподавал ее профессор Карцев. Никого из учеников он не умел приохотить к своему предмету, тем более Пушкина. Как-то раз Карцев вызвал его к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцев спросил его наконец:

— Что же вышло? Чему равняется икс?

Пушкин улыбнулся и ответил:

— Нулю.

— Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи.

Преподавание в лицее велось по плохо продуманному плану, бессистемно, с обилием ненужных наук; как вспоминал один из товарищей Пушкина: «...какой-то общий курс, полугимназический и полууниверситетский, обо всем на свете».

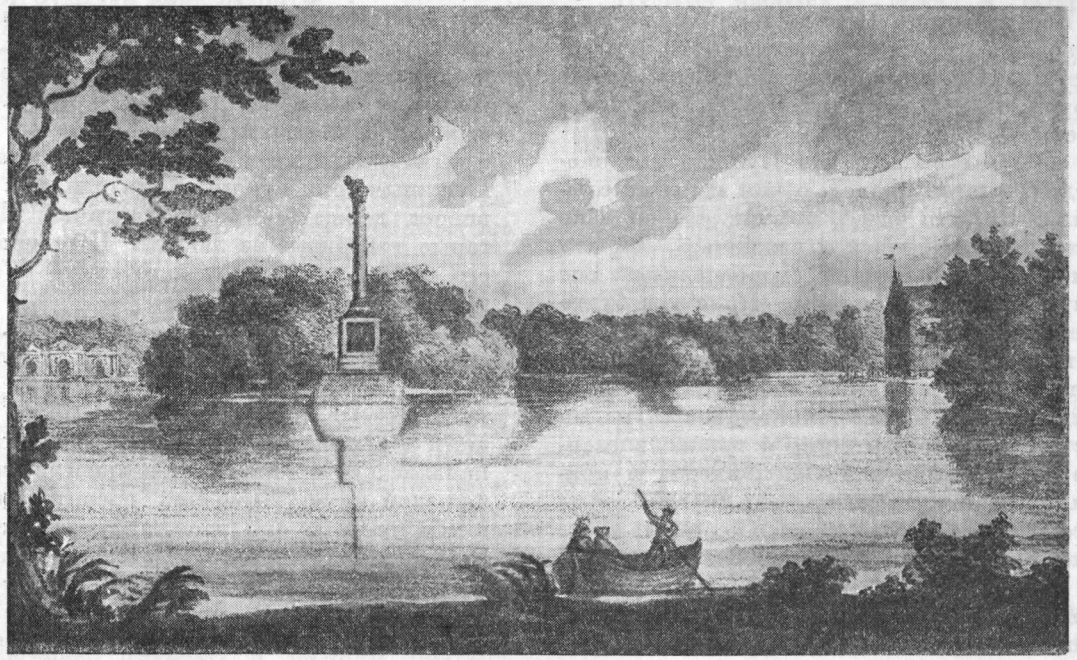
«Мы все учились понемногу,
чему-нибудь и как-нибудь», —

вспоминал и сам Пушкин.

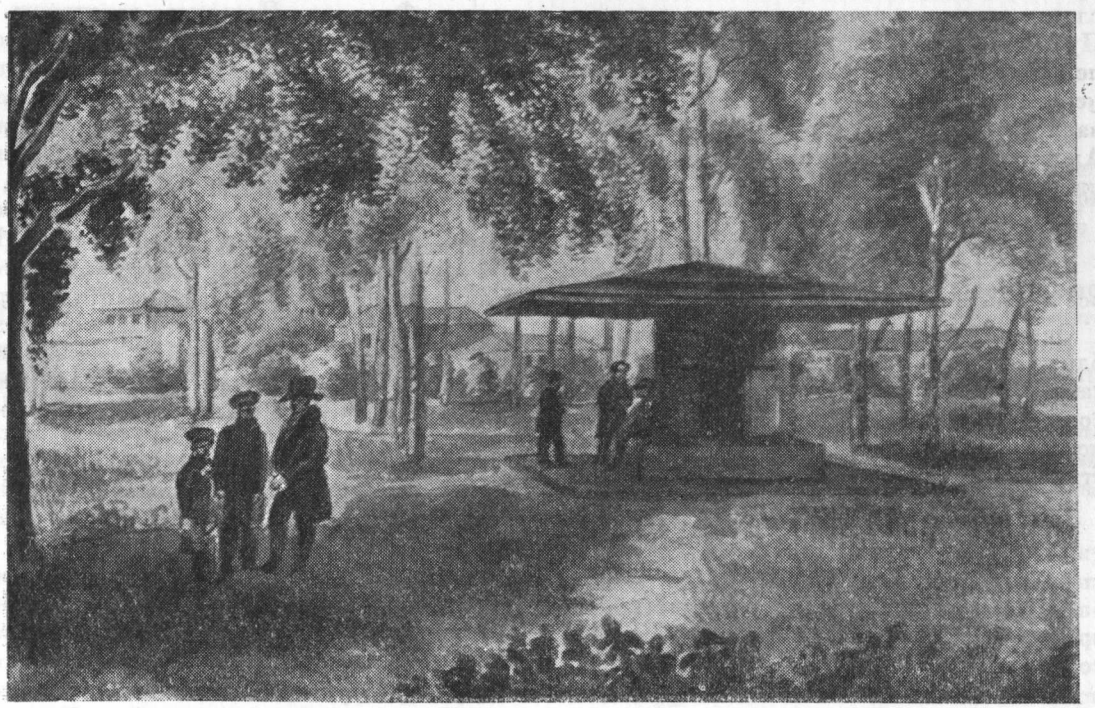
Однако общий дух, царивший в лицее, был для того времени чем-то совершенно исключительным. Достоинство воспитанников уважалось, учителя говорили им «вы» с прибавкой к фамилии слова «господин», дисциплина была не строгая, телесных наказаний совершенно не существовало: лицей был единственным учебным заведением того времени, в уставе которого стояло: «Телесные наказания запрещаются». Кормили воспитанников хорошо, помещение было роскошное, каждый ученик имел отдельную комнату. Что так редко бывало в царских школах до самого последнего времени: воспитанники всю жизнь вспоминали лицей с любовью. С любовью не раз вспоминал лицей и Пушкин:

«Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское-Село».

Как мы видели, учебное начальство было невысокого мнения о Пушкине: ленив, поверхностен, легкомыслен, способен только к предметам, требующим малого напряжения. Такое впечатление Пушкин и во всю свою жизнь производил на людей, мало его знавших. В действительности он уже в лицее много работал, читал и думал. В стихотворении «Городок» (1814) Пушкин перечисляет своих любимых писателей. Приходится изумляться необычайной начитанности этого пятнадцатилетнего мальчика. Вот его любимцы: Гомер, Виргилий, Гораций, Тассо, Мольер, Расин, Вольтер, Руссо, Парни; из русских: Державин, Фонвизин, Богданович, Дмитриев, Крылов, Карамзин. Мальчик прилежно изучает шестнадцать томов сочинений одного из лучших тогдашних французских критиков— Лагарпа:



Царскосельское озеро.



Беседка «Грибок» в лицейском саду.

«...часто, признаюсь,
Над ним я время трачу».

Все товарищи Пушкина по лицею чувствовали, что он по развитию много старше их. Один из ближайших школьных друзей Пушкина, Иван Пущин, рассказывает:

«Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил. Но он и не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает со скороспелками. Все научное он считал ни во что и как будто желал доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячи и проч. Случалось удивляться переходам в нем; видишь его, бывало, поглощенным не по летам в думы и чтение, и тут же внезапно он оставляет занятия и входит в припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли...»

Шалун он был ужасный. Остроумный, задиристый, непоседливый — «егоза», как сам он себя называл. Во французском стихотворении «Мой портрет» Пушкин писал о себе: «Не бывало пустомели несносней и крикливей моей особы... Сущий бес в проказах, сущая обезьяна лицом, много, слишком много ветренности, — вот вам Пушкин». Остроумные его выходки долго передавались впоследствии от одного лицейского поколения к другому. Рассказывали, например, что однажды император Александр, обходя классы, спросил учеников.

— Кто у вас первый?

Пушкин поднялся и бойко ответил:

— Здесь нет первых, ваше величество, все вторые.

Очень распространен был рассказ, как однажды учитель задал ученикам написать стихотворение, описывающее восход солнца. Ученик Мясоедов, отличавшийся исключительной глупостью, написал один стих:

«Блеснул на западе румяный царь
природы...»

Дальше ничего не мог придумать. Попросил Пушкина помочь. Тот моментально докончил:

«И изумленные народы
Не знают, что начать:
Ложиться спать или вставать».

Нередко случалось, что Пушкин своими шутками больно задирал того или иного товарища; случалось, что тот давал ему соответствующий отпор. Как часто бывало с Пушкиным и впоследствии, такой ответный удар был для него совершенно неожиданным, и он от него сильно страдал. По ночам плакал, делился своими огорчениями с товарищем — Иваном Пущиным; они вместе обсуждали, как ему вперед держаться более тактично. Некоторые товарищи не любили Пушкина за его шутки, но было у него много и друзей.

Близким другом был Иван Пущин, веселый и жизнерадостный парень с благородной душой, прекрасный товарищ, всеми любимый. Однажды он, Пушкин и с ними еще третий лицеист, Малиновский, попались в истории, вызвавшей в лицее большой шум. Компания воспитанников, в том числе и они трое, задумали устроить тайную пирушку. Достали бутылку рома, яиц, натолкли сахару, принесли кипящий самовар, приготовили напиток «гогель-могель» и стали его распивать. Одного из товарищей сильно разобрало от рома, он стал шуметь, громко разговаривать; это обратило на себя внимание дежурного гувернера, и он доложил инспектору Фролову. Начались расспросы, розыски. Пушкин, Пущин и Малиновский об'явили, что это — их дело и что они одни виноваты. Фролов донес о случившемся директору, а тот поспешил доложить министру — графу Разумовскому. Министр всполошился, приехал из Петербурга, вызвал преступников, распек их и передал дело на рассмотрение конференции. Конференция постановила: две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы, сместить виновных на последние места за обеденным столом и занести их фамилии в черную книгу. В послании к Пущину Пушкин так вспоминает происшествие с «гогель-могелем»:

«Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом пенистом вине?
. . . . . .
Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?
Закипев, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!

Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали,—
И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно,
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.
Убегаем торопливо...»

Другим очень близким другом Пушкина был барон Антон Дельвиг, тучный, вялый и болезненный мальчик, невозмутимо хладнокровный, с начальством дерзкий и насмешливый. Он был очень ленив, учился плохо, но обладал острым умом и самой богатой фантазией. Любил поэзию, внимательно изучал иностранных и русских поэтов, сам писал стихи; первым из всех товарищей выступил со своими стихами в печати. К творчеству Пушкина Дельвиг относился восторженно и предсказывал ему великую будущность. Впоследствии из Дельвига вышел талантливый поэт. С Пушкиным его всю жизнь связывала самая близкая дружба. В 1825 году в псковской ссылке Пушкин так вспоминал Дельвига и радости поэтического творчества, переживавшиеся ими в лицее:

«С младенчества дух песен в нас горел
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали
И сладок был их лаской наш удел;
Но я любил уже рукоплесканья,—
Ты, гордый, пел, для муз и для души:
Свой дар, как жизнь, я тратил без
вниманья,—
Ты гений свой воспитывал в тиши».

Оценка Дельвига—конечно, сильно преувеличенная — характерна для отношения к нему Пушкина.

Еще был у Пушкина приятель — Вильгельм Кюхельбекер. И фамилия у него была смешная, и сам он был смешной: длинный, тощий, с выпученными глазами, тугой на ухо, с кривящимся при разговоре ртом, весь какой-то извивающийся — настоящая «глиста». Такое ему и было прозвание среди товарищей. Еще прозвание ему было «Кюхля». Был он вспыльчив до полной необузданности, самолюбив, обидчив. И ко всему еще писал стихи. И в неуклюжих стихах так же был смешон, как и во всем. Ни на кого в лицее не было писано так много эпиграмм, рисовано так много карикатур, как на Кюхельбекера.

Пушкин заболел и лежал в лазарете. Там он написал стихи «Пирующие студенты» и пригласил товарищей послушать. После вечернего чая они пошли к нему с гувернером Чириковым. Началось чтение:

«Друзья, досужный час настал,
Всё тихо, всё в покое,
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино златое!»

Потом следовало обращение отдельно к каждому товарищу, например:

«Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный,
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни, здесь круг твоих друзей,
Бутыль вином налита...»

Товарищи слушали с жадным вниманием, глубокая тишина по временам прерывалась восторженными восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать: он слушал в полном упоении. И вдруг заключительные стихи:

«Писатель! За свои грехи
Ты с виду всех трезвее:
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее».

Раздался общий хохот. Слушатели забыли поэта, стихи его и бросились тормошить Кюхлю, совершенно ошалевшего от неожиданности.

Однако под смешной и нелепой внешностью в Кюхельбекере таился чистейший энтузиаст, горевший мечтами о добре и красоте, восторженный любитель поэзии, добрейший и незлопамятный человек. Учился он хорошо, был начитан, знакомил товарищей с немецкой литературой. Пушкин называл его живым лексиконом и вдохновенным комментарием.

В лицее издавались рукописные журналы; многие воспитанники писали стихи. Особенно выдвинулись как поэты двое: Илличевский и Пушкин. Илличевский оказался впоследствии мало даровитым стихотворцем, но в то время большинство товарищей ставило его много выше Пушкина. Еще писали стихи Дельвиг и Кюхельбекер.

Год за годом Пушкин завоевывал все большее признание, и товарищи с уважением наблюдали его растущий талант. Тот же Илличевский писал другу: «Лучи славы его будут отсвечиваться и в его товарищах».

Пушкин писал в лицее очень много. Самостоятельного художественного значения его ранние стихи не имеют, но уже по его первым опытам ценители почувствовали в Пушкине молодого орла, уверенно расправляющего для полета крепкие крылья.

Наибольшее влияние на молодого поэта оказали русский поэт Батюшков, французские — Парни, Грекур и др. Жизнь дана для наслаждения; радости ее: вино, любовь, беспечная лень, небрежное творчество—игра. «Веселиться—мой закон»,— писал Пушкин в одном из самых ранних (1814) своих стихотворений:

«Миг блаженства век лови;
Помни дружбы наставленья,
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви».

Слабее было влияние Жуковского с его чувствительной меланхолией, порывами в туманную даль и грустной покорностью судьбе. Слишком все это противоречило натуре Пушкина. Влияние Жуковского отразилось преимущественно на элегиях Пушкина, в которых он писал про свою любовь к фрейлине Бакуниной, сестре лицейского товарища. В условных романтических тонах, сильно преувеличивая подлинные настроения, Пушкин называл себя «страдальцем», говорил о своем «хладном взоре», «тяжком стоне» и т. п.

Писал Пушкин и в других принятых тогда родах поэзии, например послания. Одно из таких посланий, «К другу-стихотворцу», было напечатано в лучшем тогдашнем журнале — «Вестнике Европы». Это был первый печатный дебют пятнадцатилетнего поэта.

8 января 1815 года в лицее производился публичный экзамен воспитанникам, переходившим из младшего отделения в старшее. На экзамене в числе почетных гостей присутствовал старик-поэт Державин, автор од, воспевших преимущественно Екатерину Вторую и торжественные события ее царствования, один из талантливейших русских поэтов восемнадцатого века. Вызвали Пушкина. Стоя в двух шагах от Державина, он стал читать свои стихи «Воспоминания в Царском Селе», написанные в стиле патриотических од Державина. В своих стихах молодой поэт вспоминал век Екатерины, победы ее полководцев Орлова Чесменского, Румянцева, Суворова, поэтов Державина и Петрова, воспевавших эти победы.

Стихи вызвали общий восторг. Державин со слезами на глазах бросился целовать мальчика. Смущенный Пушкин убежал, а Державин воскликнул:

— Вот кто заменит Державина!

Пушкин впоследствии часто вспоминал об этом не забываемом для него дне:

«И славный старец наш, царей певец
избранный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек незнаемое мной».

Пушкин все больше начинал обращать на себя внимание самых выдающихся писателей того времени. На него с надеждой смотрели Карамзин, Батюшков, Жуковский и князь Вяземский. Весной 1816 года Карамзин посетил лицей с князем Вяземским и дядей Пушкина—поэтом Василием Львовичем. Он вызвал Пушкина и сказал:

— Пари, как орел, но не останавливайся в полете!

Летнее время Карамзин проводил в Царском селе. Пушкин часто бывал у него. Общение с Карамзиным было очень полезно для литературного развития Пушкина. Еще полезнее было то влияние, которое через того же Карамзина, Жуковского, Вяземского и других оказывало на поэта-лицеиста петербургское литературное общество «Арзамас». Это было задорное, боевое общество, в нем об'единялась тогдашняя молодая литература для борьбы со старыми литературными течениями. Защитницей старины являлась чопорная «Беседа любителей российского слова» во главе с адмиралом А. С. Шишковым. При крайней политической реакционности она стояла за классицизм в литературе, за торжественный славяно-российский слог, враждебно относилась к Карамзину, введшему в литературу «подлый слог» обыкновенной разговорной речи. На эту-то «Беседу» и пошел боем «Арзамас» — за простоту русской речи, за свободу художественного творчества. Пушкин был принят в «Арзамас» еще лицеистом, заглазно. Кличка ему была дана «Сверчок» (каждый член

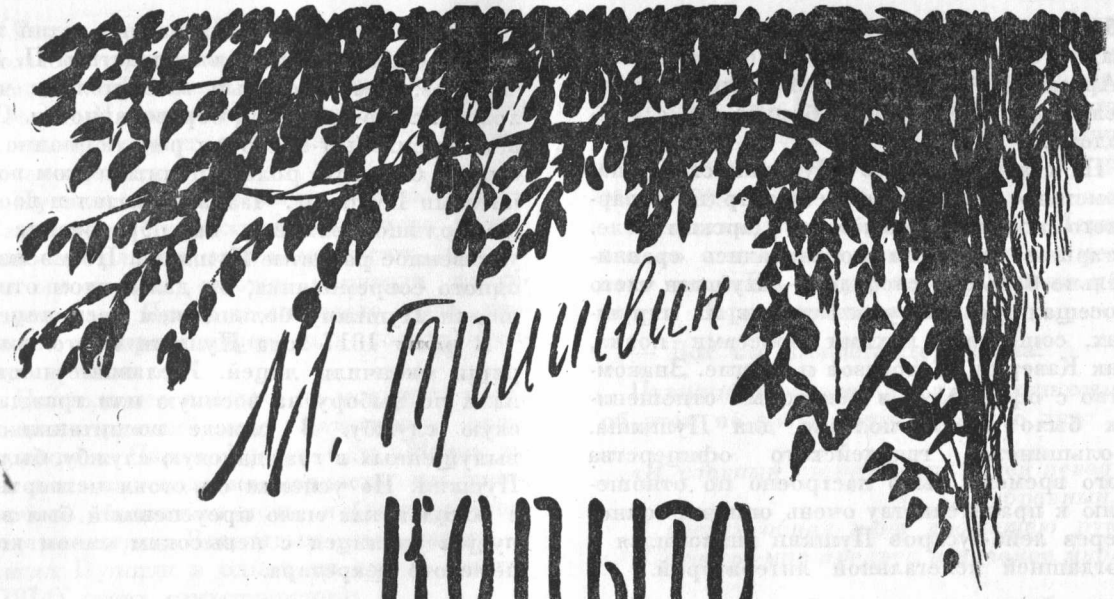
общества носил особую кличку). Пушкин жадно следил из лицея за деятельностью «Арзамаса» и посланиями, эпиграммами деятельно участвовал в борьбе его с «Беседой».

На старшем курсе Пушкин свел знакомство с офицерами лейб-гвардии гусарского полка, стоявшего в Царском селе. Старшие лицеисты пользовались сравнительно большой свободой — Пушкин часто посещал гусаров, участвовал в их пирушках, сошелся с лихими повесами полка, как Каверин, Молоствов и другие. Знакомство с офицерами в некоторых отношениях было очень полезно для Пушкина. Большинство гвардейского офицерства того времени было настроено по отношению к правительству очень оппозиционно; через лейб-гусаров Пушкин знакомился с тогдашней нелегальной литературой.

Большое влияние имел на него один из офицеров, знаменитый впоследствии П. Я. Чаадаев, замечательный мыслитель и человек исключительной образованности. Он в то время был настроен революционно и сыграл большую роль в политическом воспитании Пушкина. Чаадаев оказал и вообще большое влияние на образование и умственное развитие Пушкина. По мнению одного современника, он дал в этом отношении Пушкину больше чем весь лицей.

В июне 1817 года Пушкин и его товарищи окончили лицей. Желавшие поступали по выбору на военную или гражданскую службу. В списке воспитанников, выпущенных в гражданскую службу, был и Пушкин. По успехам он стоял четвертым с конца и как мало преуспевший был выпущен из лицея с невысоким чином коллежского секретаря.

Этот портрет Пушкин нарисовал с самого себя.



М. Пришвин

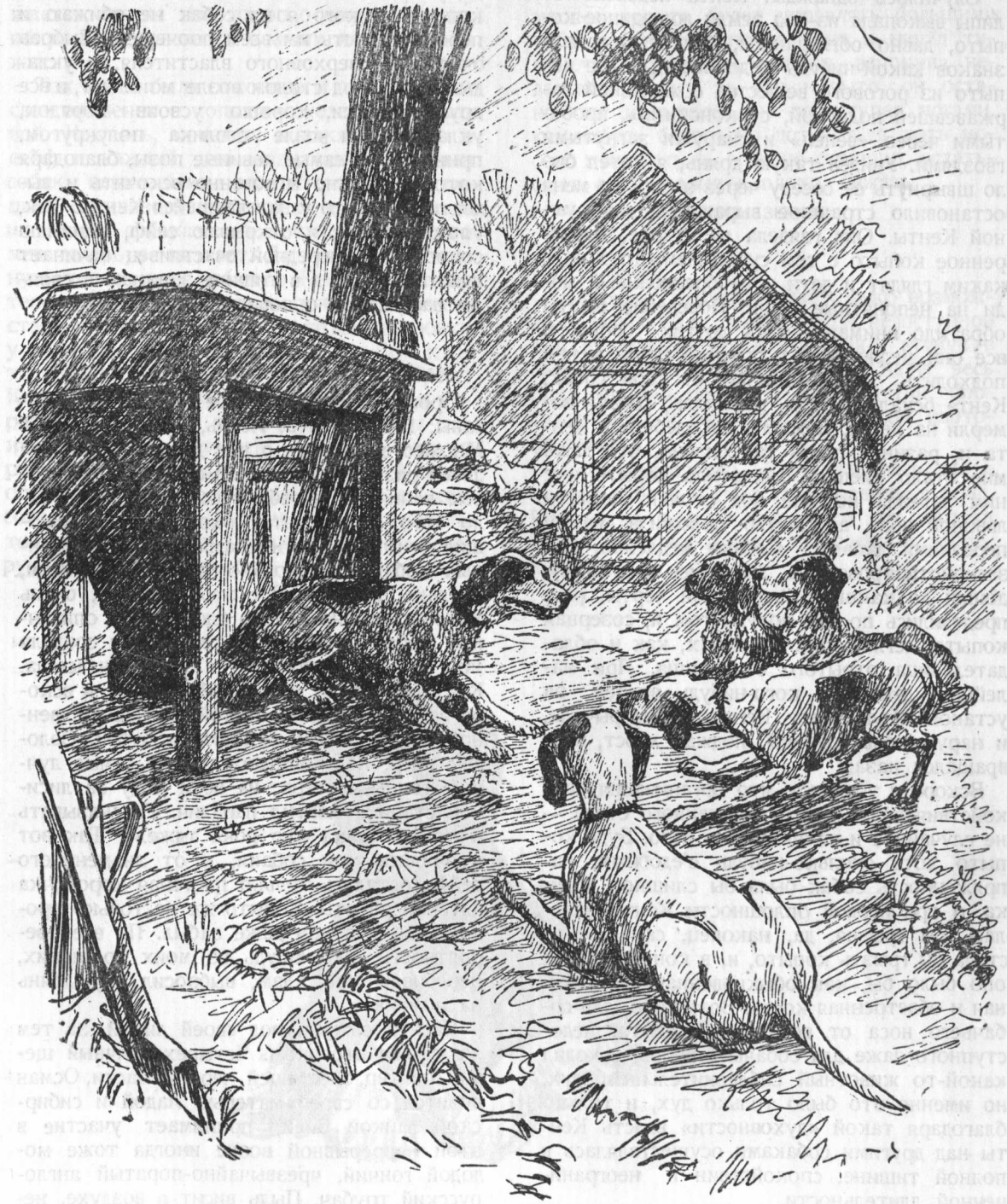
КОПЫТО

Рис. П. Митурича

Ровно десять лет тому назад, в 1926 году, я приехал в Сергиев (ныне Загорск) и несколько дней потерял там в напрасных поисках квартиры: никто не хотел пускать меня с пятью охотничьими собаками. Мне пришлось купить кое-какой домик с пустырем и тут устраиваться на долгое житье. Тарасовна, соседка моя справа, держала коз. Сосед слева был драч. К нему приводили старых и увечных лошадей, он их колол, сам пользовался мясом, шкуры отдавал хозяевам, а кости растаскивали чужие собаки. Теперь это давно покончено: сосед служит сторожем на бойне. Заборов между нашими участками никаких не было. Множество обглоданных собаками и обветренных костей белелось на моем участке. Козы Тарасовны паслись и у меня и у соседа-драча, где часто их обижали шальные собаки. Из-за этих коз и собак отношения соседей были невозможные. Немедленно я обставил весь свой участок хорошим забором на дубовых столбах, кости выбросил, пустырь распахал и отделил коз от собак. В то время у меня были такие охотничьи собаки: Ярик—ирландский сеттер; Кента—немецкая лягавая, континенталь; дети Кенты — годовые щенки Нерль, Дубец — и гончий Соловей. Все эти собаки, свободно разгуливая на обгороженном участке, время от времени выкапывали лошадиные кости, возились с ними, ворчали друг на друга. Заметив кость у собак, я немедленно отнимал ее и швырял через забор обратно к соседу. Мало-помалу таким образом были уничтожены все следы прошлого беспорядка, после чего мы купили петуха, и все пошло хорошо: петух закричал, и дом наш начал жить.

★

В летнее время, между весенней и осенней охотой, я писал свои рассказы под единственной липой на огороде, возле забора, на простом столике со врытыми в землю ножками. Над столиком у меня висела трапеция; пописав, я кувыркался, подтягивался, поливал огурцы, тут же пил чай, опять писал, и так жизнь проходила, как мне желалось. Одно было неважно, что собаки мне очень мешали писать. Это понятно, что я был для них притягательным центром: они возле меня то играли, то ссорились и пыль поднимали ужасную. Надо бы их разгонять, но как-то все не мог собраться круто расправиться с друзьями, тем более, что глядеть на игры их мне иногда бывало интересней, чем даже писать. Пылища при играх душила меня, при ссорах обиженные жались к моим коленкам. Я должен судить, наказывать виновных. Так по слабости запускал отношения с собаками,



Кента оскалила зубы, порычала—собаки замерли на месте.

потом злился, и это больше всего мешало моим занятиям.

Случилось однажды: Кента недалеко от липы выкопала из-под земли лошадиное копыто, давно обглоданное, без всяких признаков какой-нибудь с'едобности, голое копыто из рогового вещества с железной заржавевшей подковой, с «конскими», пробитыми через «венец» и снаружи загнутыми гвоздями. Увидев такую дрянь, я хотел было швырнуть ее соседу через забор, но меня остановило страшное выражение глаз умной Кенты. Она глядела на старое, выветренное копыто с тем суеверным страхом, с каким глядят и дети и необразованные люди на непонятные вещи. Поведение Кенты обратило внимание всех других собак, и все они медленно и с опаской стали к ней подходить. Увидев близко от себя собак, Кента оскалила зубы, порычала; собаки замерли на месте. Немного поколебалась Кента и, разинув пасть так сильно, что даже мне стало смешно, захватила копыто и с ним залезла ко мне под столик, легла в львиной позе, а копыто положила между передними лапами. Собаки медленно, как загипнотизированные, двинулись к столику, дошли до какой-то невидимой черты, распределились по ней полукругом и, созерцая копыто, легли в тех же позах, как и обладательница отрытого сокровища. При малейшем движении кого-нибудь вперед за установленную черту Кента злобно рычала, и нарушитель границы, поджав хвост, возвращался назад.

Вскоре я убедился, что организация спокойствия возле моего письменного стола — не случайное и не временное дело. Будь копыто хоть сколько-нибудь с'едобным, напряженность собак была бы слишком велика, и при первой оплошности Кенты началась бы грызня, да, наконец, сама Кента стала бы грызть копыто, и, в конце концов, оно было бы, как обыкновенная обглоданная и обветренная кость. Возможно, для собачьего носа от вещества копыта, недоступного даже для собачьих зубов, исходил какой-то животный соблазнительный дух, но именно это было только дух, и только благодаря такой «духовности» власть Кенты над другими собаками осуществлялась в полной тишине, спокойствии и неограниченной длительности.

У моих собак нет ни малейшего сомнения в существовании бога: бог — это я. И все сущее на земле, в том числе и копыто, произошло от меня. Бог дал, и бог взял. Так вот, окончив работу, я беру копыто и уношу с собой. На другой день вместе с бумагами и книгами я захватываю с собой из дому хранимое в особом плетеном ящичке копыто. Никого я из собак не обижаю и передаю власть им всем поочереди. Выбрав очередного верховного властителя, я укладываю его под столом возле моих ног, и все другие собаки, хорошо усвоив порядок, укладываются возле столика полукругом, принимая те самые львиные позы, благодаря которым можно мгновенно вскочить и выхватить копыто у зазевавшейся Кенты. Так, уложив собак, я открываю сейф, вынимаю сокровище, очередной счастливец начинает властвовать, а я в тишине занимаюсь своими рассказами о повадках животных.

★

Прошло десять лет. Все собаки мои описаны: Ярик, Кента, Нерль, Дубец, Соловей. Множество книжек о них для взрослых, для детей разошлись в нашей стране, и некоторые начинают перебираться заграницу. Мало того, встречаются охотники, называющие этими моими именами своих собственных собак. И сколько дружеских писем, сколько друзей! Все это, конечно, очень хорошо, и одно только плохо: всех описанных собак нет уже на свете; они создали мне дружбу с людьми и ушли навсегда. Кента умерла от сердечной болезни, и вскоре за ней внезапно от той же наследственной болезни погибли Нерль и Дубец. Соловей умер, как умирают только самые лучшие гонцы-мастера: на всем ходу за лисицей старика хватил паралич. Рассказывать о конце Ярика мне пока тяжело. Так вот кончились мои собаки, и от знаменитого сейфа осталась только плетеная коробочка вятской работы. Копыто же не только пропало, но я о нем даже забыл. По всей вероятности, кто-нибудь из моих домашних, перебирая мой хлам, выбросил эту дрянь на помойку.

Наднях сижу я под своей липой, за тем же самым столиком. Четырехмесячный щенок, понтер, блестящей черной масти, Осман возится со своей матерью Ладой и сибирской лайкой Бией, принимает участие в этой непрерывной возне иногда тоже молодой гончий, чрезвычайно-поратый англо-русский трубач. Пыль висит в воздухе, нечем дышать. Вдруг игра обрывается, и Лада начинает копать, быстро работая передними лапами. Сын ее Осман ей смешно подражает. Остальные собаки стоят в недоумении. И вот точно с тем же странным выра-

жением, как было у Кенты, Лада глядит вниз и грозным оскалом зубов и рычанием отгоняет собак. Осман один только не слушается, но за это здорово ему попадает, обиженный бросается к моим ногам и визжит.

Так вновь было откопано и появилось на свет знаменитое копыто с железной подковой. И опять, конечно, я заключаю его в сейф и каждый день назначаю очередных собак верховными властителями. В тишине организованного мирка я пишу о своих новых собаках, но признаюсь, чего-то мне теперь не хватает. Да, никогда не вернуть теперь мне любимую Кенту, и только теперь мне стала вполне понятна примета старых охотников, что настоящая собака у охотника бывает только одна. Вот кто-то постучал в калитку. Разве в свое время Кента, услыхав стук, могла броситься к воротам и оставить на произвол судьбы таинственное сокровище?! Она бы только рычала в ответ на стук у ворот. А Лада опрометью летит к воротам и увлекает всех собак за собой. Мне удалось задержать только маленького Османа, показать ему рукой на копыто, вообще дать понять, что, пока нет никого, он легко может захватить власть. Мне было очень забавно представить себе, как этот маленький Осман с помощью копыта будет управлять большими собаками. Осман понял меня и начал тихонечко подходить. Однако, вспомнив недавнюю трепку за это копыто, он остановился и пытался, не переступая ногами, как-нибудь безопасно дотянуться хоть носом: понюхать и, если не страшно, остаться, а если окажется плохо, бежать.

— Вперед! — приказываю.

Посунулся.

— Смелее!

Задрожал. Вытянулся насколько возможно и, повидимому, достиг носом недоступной нам атмосферы копыта. Однако, втянув в себя воздух собственности, он вдруг весь опал, поджал под себя свой прутик, бросился назад и спрятался в высоком картофельнике.

Собаки вернулись. Лада хватилась. Но я кончил работу и спрятал сокровище в сейф. Вот когда только опомнился от страха Осман, высунул голову из зелени и забрехал.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «КОМПАС»

«Известия Географического общества» читателей журнала «Пионер» № 7

Имена на карте

В прошлом номере «Известий Географического общества» мы начали с вами большое путешествие по карте нашего Севера. Мы решили узнать, кто были те люди, именами которых названы острова, заливы и целые моря, узнать, как они путешествовали, какие открытия совершили.

Первая наша остановка была в Баренцевом море. Мы тогда узнали о голландском моряке Виллеме Баренце. В этом номере мы продолжаем наше путешествие. Мы остановимся на большой группе островов — на Земле Франца-Иосифа. Почему эта земля получила имя австрийского императора, никогда и не помышлявшего о путешествии в высокие широты? Кто открыл и исследовал эту землю? Чьи имена по праву должны стоять на ее карте? Обо всем этом мы поговорим сегодня.

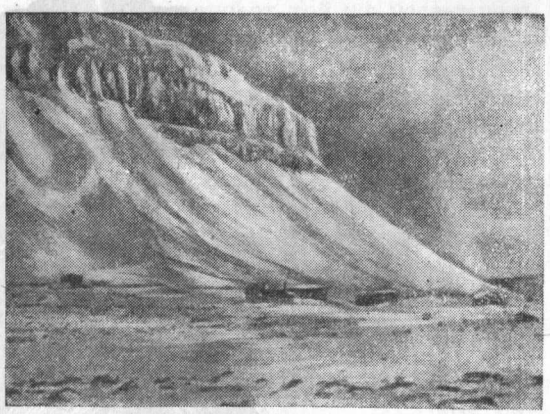
Земля, открытая в кабинете

«К северу от Новой земли действительно должна существовать земля, лежащая под более высокой широтой чем Шпицберген. На это указывают неподвижное состояние льда на северозапад от Новой земли, камни и грязь, находимые на плавающих здесь ледяных полях, и некоторые другие мелкие признаки».

Так написал Петр Алексеевич Кропоткин в конце 70-х годов прошлого столетия в своем докладе о полярной экспедиции, которую собиралось организовать Русское географическое общество. Кропоткин был тогда секретарем этого Общества. Он должен был возглавлять экспедицию, но она не состоялась. Царское правительство не рискнуло истратить 30 тысяч на это неверное дело.

Кропоткин был твердо уверен в том, что он прав. Если бы у него был корабль, он непременно привел бы его к новой, неизвестной земле. Но Кропоткин должен был сидеть на берегу, а в это время другие люди, которые ничего не знали о земле Кропоткина, неожиданно наткнулись на нее.

Два австрийских богача, Вильчек и Зичи,



Сурово выглядит Земля Франца-Иосифа.

снарядили экспедицию для поисков Северного морского пути. Корабль экспедиции «Тегеттгоф», названный так в честь австрийского адмирала, 13 июля 1872 года вышел в свое знаменитое плавание. Трудный полярный поход возглавляли Вейпрехт и Пайер, ученые, которые так же, как и Кропоткин, хотели проникнуть подальше

на север не для выгоды и не для славы, а для науки.

Поход «Тегеттгофа» был неудачен. Уже в августе льды спаялись вокруг судна, и целый год оно носилось вместе с ледяными полями. 31 августа 1873 года с палубы «Тегеттгофа» увидели неизвестную землю. Это и была та самая земля, открытие которой предсказал Кропоткин.

Вейпрехт и Пайер в честь австрийского императора Франца-Иосифа назвали эту землю его именем.

Но никто из состава экспедиции еще не побывал на вновь открытой земле. Льдина вместе с вмерзшим в нее кораблем непрерывно двигалась, и невозможно было перебраться на берег. Только в конце октября разыгравшийся шторм неожиданно принес «Тегеттгоф» к одному из островов, который путешественники назвали островом Вильчека.

1 ноября 1873 года экспедиция высадилась на этот остров.

Весной Пайер с шестью членами экспедиции отправился исследовать Землю Франца-Иосифа. Он поднимался на вершину мыса Тегеттгоф, он побывал на севере, на острове Рудольфа — самом северном острове архипелага. Но в то время он еще не знал, что Земля Франца-Иосифа — архипелаг. И он и Вейпрехт считали открытую ими землю состоящей из двух больших островов: земли Зичи на западе и земли Вильчека на востоке, разделенных единственным большим проливом — Австрийским.

После открытия Земли Франца-Иосифа там побывали многие научные, промысловые и туристские экспедиции. Все точнее и точнее наносили они на карту новые острова и проливы, и каждая из этих экспедиций оставляла на карте новые имена.

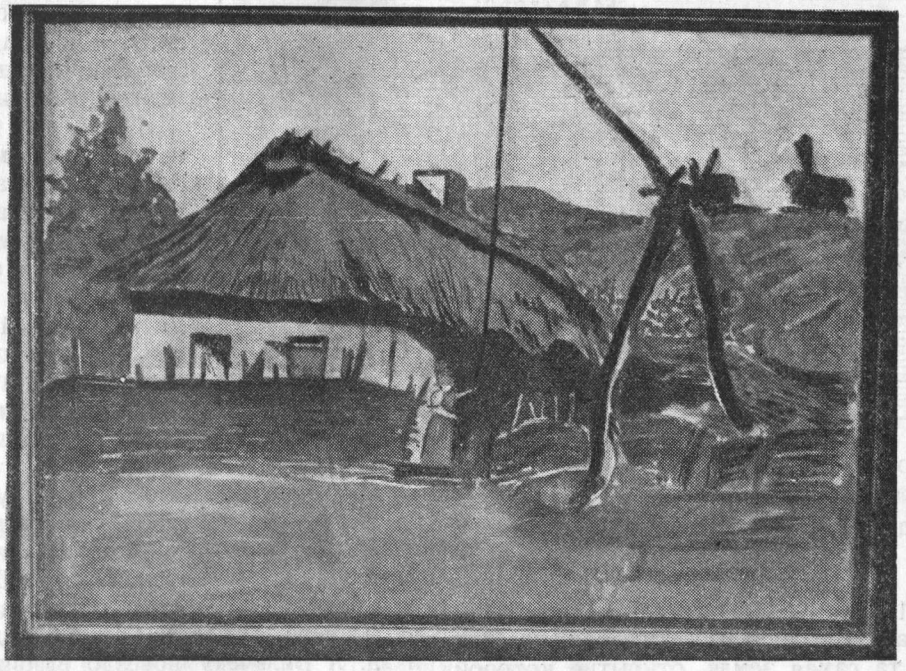
Иногда это были имена ученых, никогда не бывавших на Земле Франца-Иосифа, как например остров Гукера, мыс Флигели или залив Норденшельда, иногда имена королей и принцев, как остров Рудольфа или земля принца Георга, иногда имена кораблей, как остров Уинд-Эйры.

Одни из этих имен прочно укрепились на карте, другие давно уже стерты с нее и забыты. Первому не повезло Зичи. Земли Зичи нет на современной карте. Вместо нее на карте стоит группа островов: Джексона, Пайера, Циглера, Грили, Луиджи, Чамп и др. А Вильчеку повезло вдвойне: теперь существует два острова Вильчека, маленький, на который впервые высадился экипаж «Тегеттгофа», и большой — Земля Вильчека. Карта изменилась. Одни острова на ней слились, как острова Евы и Лив, названные открывшим их Нансеном в честь жены и дочери. Оказалось, что это один остров, он называется сейчас островом Евалив. Другие, наоборот, разделились, как острова Джексона и Пайера, которые раньше принимались за один. Третьи пропали совсем, как земля короля Оскара, которая была намечена к северозападу от острова Рудольфа. На самом деле там глубина больше 100 саженей.

Но самое поразительное в названии на карте Земли Франца-Иосифа — это скромность ее исследователей. Многие из них имели право и возможность увековечить свои имена, назвав ими остров, мыс, пролив или залив, но почти никто не воспользовался этим правом. И если все-таки появились на карте Земли Франца-Иосифа имена первых ее исследователей, то только потому, что о них вспомнили другие, шедшие по их следам. Только одного имени, из тех что по праву должны стоять на карте Земли Франца Иосифа, нет на ней до сих пор — имени Кропоткина, предсказавшего ее открытие.

Конкурс на лучшие рисунки, карты и фотографии

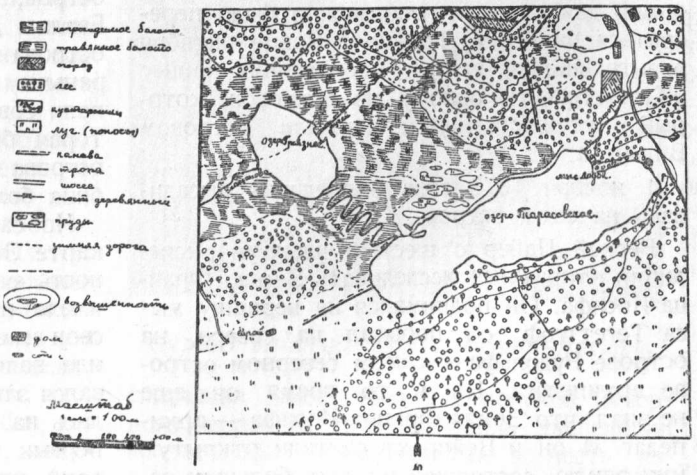
Рисунок Толи Аквилева. Ст. Юдино, УССР



Украинская хата.

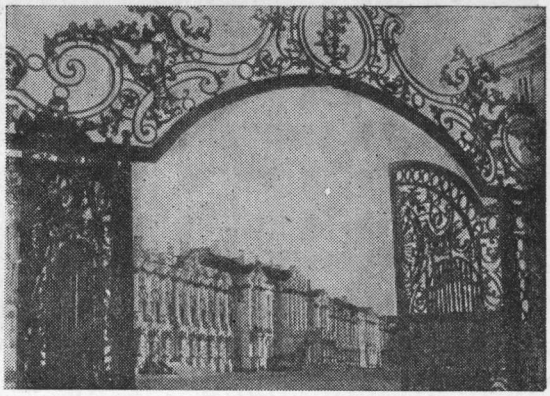
Рисунок Андрея Анохина

Жители Северной Карелии.

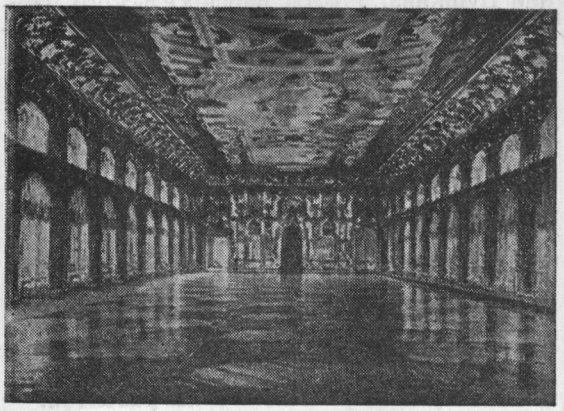


План окрестностей ст. Лоухи в Карелии.
План снят при помощи компаса, линейки и планшета Андреем Анохиным и Витей Сазоновым.

Ст. Лоухи, Кировской ж. д.



Очень красивы дворцовые ворота.



Парадный зал Екатерининского дворца.

Детское село

В болотистой и низменной равнине, на которой лежит Ленинград, в 23 километрах от него находится чудесный уголок — Детское село. Оно представляет собой своеобразный оазис, лежащий на высоте 250 футов над уровнем моря.

Сухая почва, возвышенность положения, множество зелени и прекрасная известковая вода, годная для питья даже в сыром виде, делают это место очень благоприятным для здоровья. Здесь много домов отдыха и санаториев, главным образом детских.

Я очень люблю Детское село — это прекрасный, очень чистенький городок, с правильно расположенными улицами, со множеством красивых домиков.

Он славится своими пышными парками и роскошными дворцами-музеями, принадлежащими к числу важнейших художественно-исторических памятников прошлого.

На месте Детского села до завоевания Петром I побережья Финского залива, которое произошло в самом начале 18-го века, было имение — мыза шведского помещика, которое называлось «Сарри мойсь», что значит возвышенное место. Отсюда произошли последовательно названия: Саарская мыза, Саарское село и, наконец, Царское село. После революции Царское село было переименовано в Детское.

Здесь для жены Петра I, Екатерины I, был отстроен загородный дворец, впоследствии перестроенный знаменитым архитектором Растрелли. Это исключительное по красоте и ценности здание должно было демонстрировать богатство и величие русского царя и этим прикрыть нищету и убожество крепостной страны. На одну позолоту украшений дворца пошло 6 пудов 17 золотников чистого, червонного золота.

Замечательно хороши залы дворца.

В Янтарном зале стены сделаны из очень дорогого и редкого материала, янтаря, т. е. из окаменевшей смолы, пролежавшей много сотен лет на дне моря. Янтарь для этого зала был обменен Петром I на 248 рослых солдат.

Очень красивы Лионский зал-гостиная, со стенами, отделанными драгоценной горной породой — ляпис-лазурью, и парадный зал, величина которого 900 квадратных метров и где такая акустика, что хлопок ладошами раздается в потолке, как перекаты отдаленного грома.

Очень изящны личные комнаты Екатерины II, отделанные золоченой бронзой.

Этот замечательный дворец был создан даровым трудом крепостных. Оборванные и голодные, они работали от зари до зари. С крепостных тогда, как сказал товарищ Сталин, «драли три шкуры».

Скоро исполнится 100 лет со дня смерти Пушкина. Детское село тесно связано с его именем. Здесь проходили дни его юности: Пушкин учился в Царскосельском лицее. Он жил там и впоследствии, в 1831 году, в домике Катаева, который сохранился.

Царское село воспето в ряде произведе-

ний Пушкина. Уголок царскосельского парка описан в «Капитанской дочке» (там происходит свидание Марии Ивановны с Екатериной II).

В своих стихах Пушкин изобразил Чесменскую колонну на Лебедином озере и одну из статуй парка — девушку, разбившую кувшин. Из разбитого кувшина льется вода. Вот эти стихи:

«Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо, не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой.
Дева над вечной струей вечно печальна сидит».

Пушкин очень любил Царское село и лицей. Эта любовь отразилась в следующих стихах:

«Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское — Село».

Памятник Пушкину в Детском селе.

Эти стихи вырезаны на пьедестале памятника Пушкину, находящегося в Детском селе. Памятник замечательно хорош. Юноша Пушкин, в мундире лицеиста, сидит на скамеечке. У него грустное, полное вдохновения лицо.

Владимир Саппак
Москва, ул. Горького, д. 19, кв. 320

На геологической разведке

Вокруг географического кабинета в школе у нас об'единились ребята, особенно интересующиеся географией. Мы подготовляли наглядные пособия для уроков, беседовали. Весной 1935 года зародилась у нас мысль о создании кружка краеведов. Заведующий бюро краеведения Н. М. Маслов взялся руководить нами. Нас особенно интересовала геология, так и создалась у нас геологическая группа. В нее вошло 5 человек: Женя Станкеев, Олег Смирнов, Стася Вольский, Эдуард Блосфельдт и Николай Дренов. Женя учится сейчас в геолого-разведочном институте, а мы, остальные, окончив школу — это будет у кого через 2, а у кого через 3 года,—тоже собираемся поступить туда.

Мы хотим вступить в Географическое общество при журнале «Пионер». Если мы достойны этого, то будем работать с радостью.

Сейчас мы посылаем вам свою корреспонденцию. Наша группа провела около 25 — 30 экскурсий. В этом году мы занимались исключительно разведкой месторождений огнеупорной глины. ЦК ВКП(б) указал, что дома колхозников должны быть покрыты черепицей. Как раз в нашем районе намечается постройка ряда черепичных заводов. Вот райплан и возложил на нас задачу найти месторождения глины. Одну из своих экскурсий мы и хотим описать.

Экскурсия в деревню Верхнюю Вырку

Накануне мы собрались у руководителя и обсудили план экскурсии. Он поручил нам выяснить месторождения глины в окрестностях деревни Верхней Вырки, а попутно описать добычу «перламутровой» ракушки, которая водится в озере Вырке.

На следующий день мы тронулись в путь в 6 часов утра.

Дорога сначала шла полями. Было жарко, ветренно и так пыльно, что небо над горизонтом казалось окутанным туманом. Отойдя километра 3 от города, мы взошли на высокий холм. С него открывается красивый вид на Калугу. Дома города расположены на горе, уступами спускающейся к Оке. Когда Гоголь жил в Калуге, он писал:

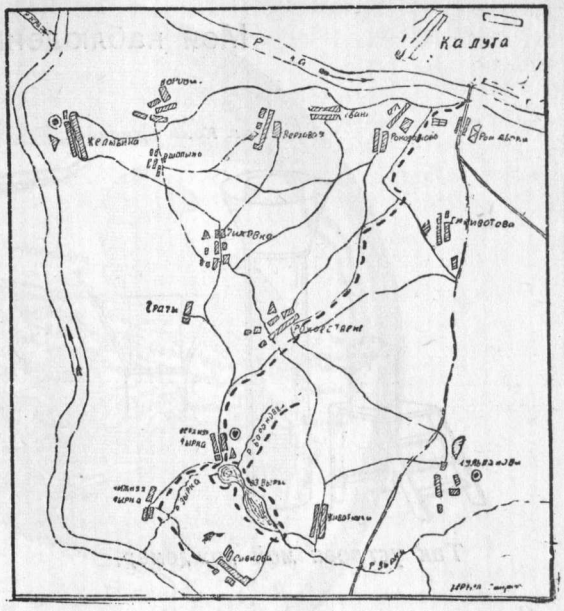
«Калуга походит своим видом на Константинополь, только у нее вместо моря — река».

Потом мы прошли через лес и вышли к деревне. Она стоит на правом скате ложбины, на дне которой находится озеро Вырка. Вернее, это 2 озера, соединенных каналом метров в 100 шириной. Озеро тянется в длину на полтора километра. Берега его заросли лесом и ракитами, подходящими к самой воде.

В восточную часть озера впадает речка Вырка с прозрачной и холодной водой. С запада озеро окаймляет земляная плотина. Озеро устроено искусственно, с помощью этой плотины. Через выемку в плотине речка Вырка течет дальше.

Этой весной в озере обнаружены крупные ракушки-беззубки, содержащие перламутр. Теперь многие жители деревни собирают эти ракушки и сдают в кооператив. Собирают их у самого берега, так как даже там их еще очень много. Затем ракушки вываривают в котле, и пустые створки размером не меньше 8 сантиметров в диаметре сдают.

Мы тщательно осмотрели и описали озеро, так как при проектировании заводов важны все условия. Затем занялись разведкой глины. Овраг Барановка по склонам весь зарос кустарниками и лесом. Но ручей, который течет на дне и размывает его, обнажил глину черного цвета. Ручей течет



План обследованного района.
— — — — — наш путь.

теперь по плитам известняка. В глине находится ввиде блесток серный колчедан (FeS_2), он попадается и кусками килограммов до 5 весом.

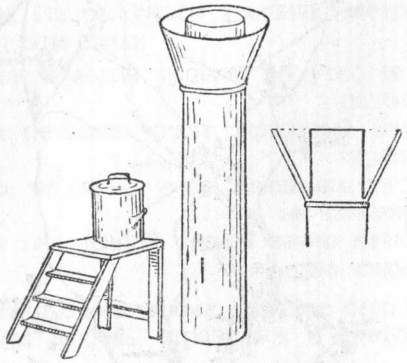
Отметив это месторождение и взяв образцы глины, мы пошли дальше. Один старик рассказал нам, что километра за 2—3 от Верхней Вырки, около деревни Сивкова, тоже есть глина. Мы пошли туда и, действительно, нашли ее в так называемом «Котовом вершке». Глина там залегает слоем в 1,5 метра. В ней встречается серный колчедан и черный известняк с отпечатками.

Взяв образцы всех пород, мы тронулись обратно, в Вырку, где оставался один из наших товарищей. Там закусили и отдохнули. Потом пошли домой. По дороге попали мы под дождь и основательно промокли. Но это не ослабило наш энтузиазм.

Олег Смирнов и Коля Дренов
Калуга, Интернациональная улица, 168

Мои наблюдения над погодой

Рис. Коли Ермакова



Так устроен мой дождемер.

Я веду систематические наблюдения за погодой. Рано утром, проделав гимнастику, бегу во двор, где у меня поставлен дождемер. Я сделал его сам по чертежам в книжке. Это—металлическое ведро, выставленное на открытом месте. В дождемере собираются осадки.

Измерив количество осадков, я записываю его. Измеряю и также записываю температуру воздуха. Делаю запись о том, какой сегодня день: солнечный или пасмурный, какие облака, какой ветер.

Все эти записи я делаю в специальной тетради, разграфив ее на разделы: число месяца, температура, ветер, осадки, другие явления.

Наблюдения и запись я веду 3 раза в день: в 8 часов утра, в 12 дня и в 9 вечера. Плохо только то, что у меня термометр старый.

Я думаю, что мои наблюдения могут помочь освоению нашей великой родины.

Коля Ермаков

г. Горький, Рыночная ул., 14, кв. 1

Систематические наблюдения за погодой имеют огромное значение. Чем больше будет у нас метеорологических точек, чем лучше мы сможем изучить атмосферные условия, тем точнее будем предсказывать погоду.

В г. Горьком есть метеорологическая станция; я советую Коле Ермакову сходить туда, проверить, точно ли он делает измерение осадков. Там же Коля сможет определить поправки к своему термометру, сравнивая его с показаниями правильного термометра.

На метеорологических станциях наблюдения сейчас обычно производятся 4 раза в сутки: в 7 часов, 13, 19 и в 1 час ночи. Ночное наблюдение Коля, конечно, вести не может, но хорошо будет и то, если он дневные будет вести акуратно. Только я советую ему раздвинуть промежуток между первым и вторым наблюдениями: производить второе наблюдение не в 12, а в 13 часов, конечно, если позволяет школьный распорядок времени. Температуру воздуха лучше измерять 2 раза: один раз у самой поверхности почвы, другой — на высоте 2 метров.

Очень хорошо, что Коля производит наблюдения также над ветром и облаками. Приобретя некоторый опыт в этих наблюдениях, он сможет довольно точно предвидеть погоду и этим многим окажет большую услугу. Как важно, например, садоводам заранее знать о заморозках, а их очень легко предсказать, если наблюдать за облаками. Я советую Коле прочесть книжку Михельсона «О погоде и как ее предвидеть».

Коле нужно продолжать свои наблюдения. Это очень хорошо, что в г. Горьком, кроме метеорологической станции, будет еще одна метеоточка, тем более, что Коля живет в другом районе.

Доцент 1-го МГУ ШУСТОВ Б. С.

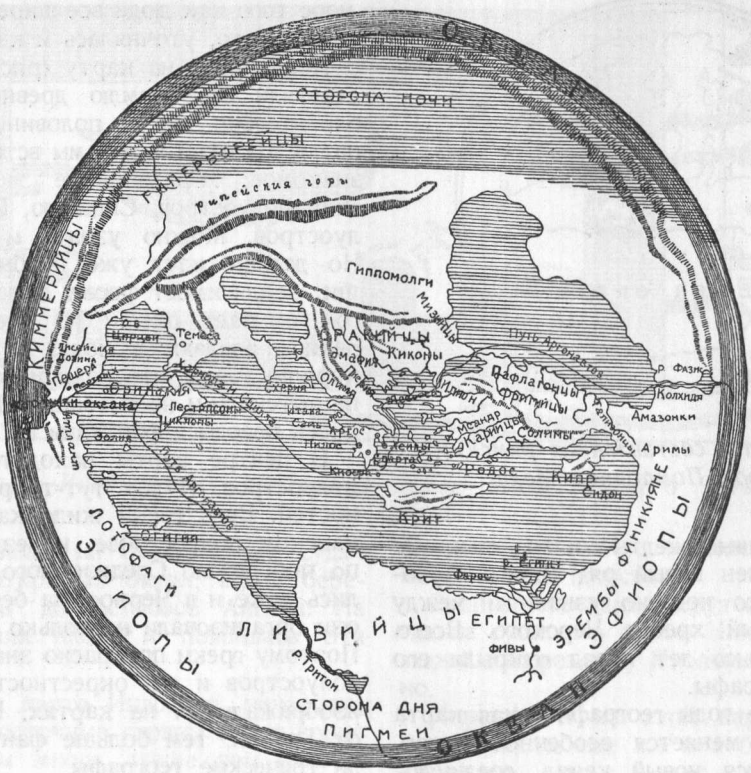


Рис. 1. Такой представляли себе землю древние греки.

Как менялась карта

Доцент 1-го МГУ Б. С. Шустов

Предположим, что нас интересует полярная станция на Северной земле. Мы разворачиваем карту Советского союза и ищем мыс Оловянный на острове Октябрьской революции. Но что за странность, не только мыса Оловянного, но и самого острова мы найти не можем! На том месте, где должна быть Северная земля, на нашей карте только туманное пятно, намеченное пунктиром. В чем тут дело? А дело очень простое: карта, на которой мы пытались найти мыс Оловянный, напечатана в первые годы революции. Тогда очертания Северной земли еще не были известны, не знали даже того, что это не один большой остров, а целый архипелаг. Вот и ставили на карте расплывчатое белое пятно.

Если мы сравним такую старую карту с картой, напечатанной в этом году, то увидим большую разницу. На старой карте много белых пятен, особенно в Арктике Они есть также в Восточной Сибири, в Средней Азии, на месте пустыни Кара-Кум, в районе Памиро-Алайских гор. Еще больше этих белых пятен на дореволюционной карте Росссии.

За годы революции карта очень изменилась. В Арктике было сделано много крупных географических открытий. На карте появились новые острова, уточнились очертания берегов. После нескольких экспедиций под руководством товарищей Крыленко и Горбунова мы узнали, что представляет собой горная страна Памир. На географической карте появились пики Ленина и Сталина — вершины, высотой около 7 километров.

На старой карте Восточной Сибири бы-

Рис. 2. Карта, составленная римским географом Помпонием Мела.

ли неопределенные желтые пятна там, где сейчас обозначен целый ряд горных хребтов. Их только недавно узнали и между ними громадный хребет Черского. Всего только несколько лет назад открыли его советские географы.

За последние годы географическая карта нашей страны меняется особенно быстро. На ней появился новый канал, соединяющий Белое море с Балтийским. Уже видны очертания канала, который должен привести воды Волги в Москву-реку. Появились точки городов, которых раньше на карте не было. Это новые города: Игарка на Енисее, Кировск на Кольском полуострове, Магнитогорск, Ленинск-Кузнецкий и целый ряд других. Можно перечислить десятки новых городов, появившихся в нашей стране и на ее карте.

На современной карте мира мы видим большие куски суши. Тут Евразия, Северная и Южная Америка, Африка, Австралия и Антарктида. Очертания этих кусков суши — материков — были нанесены на карту не сразу. Они появлялись на ней очень медленно. Карта изменялась вместе с изменением географического кругозора людей. И по мере того как люди все шире и точнее узнавали землю, уточнялась и карта.

Посмотрите на карту (рис. 1). Так представляли себе землю древние греки приблизительно две с половиной тысячи лет назад. На этой карте мы встречаем кое-что знакомое: Средиземное море, Апеннинский полуостров, Сицилию, Балканский полуостров. Можно узнать и Черное море. Но дальше идут уже необыкновенные вещи: земля имеет форму диска; ее всю кругом омывает океан; из океана вытекают реки и впадают в моря. А ведь мы очень хорошо знаем, что реки из океана никогда не вытекали и не вытекают. Какая странная смесь правды и фантазии на этой карте!

В центре карты находится Балканский полуостров. И вот тут-то разгадка странностей. Ведь греки жили как раз на Балканском полуострове, но ездили торговать по побережью Средиземного моря. Забирались даже и в Черное, на берегах которого они организовали несколько своих колоний. Поэтому греки прекрасно знали Балканский полуостров и его окрестности и правильно изображали их на картах. Но чем дальше от Греции, тем больше фантазии проявляли греческие географы.

А вот другая карта (рис. 2). Она составлена примерно 1900 лет назад. Автор ее — римский географ Помпоний Мела. Он уже лучше знает землю. В это время предпринимались уже более далекие путешествия. Народы, жившие по берегам Средиземного моря, доплывали до Геркулесовых столбов, как называли тогда Гибралтарский пролив,

Рис. 3. Карта Птоломея — одна из лучших карт древности. Ей 1800 лет.

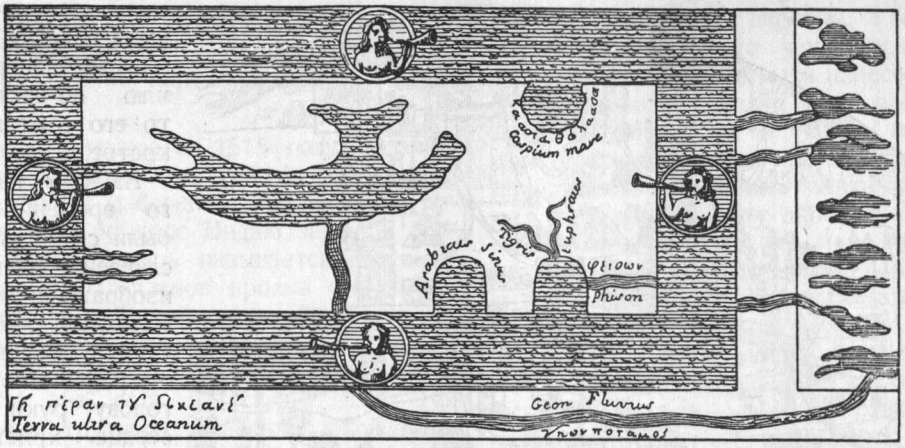


Рис. 4. Козьма Индикоплевст изображал землю ввиде плоского четырехугольника.

и, не отваживаясь на своих утлых судах пускаться в открытый океан, вдоль берегов добирались до островов Англии. На карте Помпония Мелы и появились эти острова.

Появился на карте Индостан, начерчена и река Инд. Восточные страны в это время стали известны много лучше чем раньше благодаря большим военным походам, совершенным под предводительством Александра Македонского.

Во времена Помпония Мела, как и во времена Гомера, считали, что Земля—это круглый диск. Но карта тех земель, которые были известны Помпонию Меле, не получалась круглой. И вот он подрисовал на юге большой кусок суши.

Время шло. Путешествуя, люди узнали много новых земель. Они появились и на карте. Одна из лучших карт древности, составленная 1700—1800 лет назад, — это карта Птоломея. (рис. 3). Здесь хорошо изображено Средиземье. Довольно верно изображен Восток. На его карте мы видим Аравию, Индостан, Индокитай, отдельные моря. На ней уже нет океана, омывающего всю землю кругом, как на более древних картах. Птоломей уже не пытается изобразить неведомые ему страны, он попросту честно пишет на карте «terra incognita», что значит «земля неизвестная».

На карте Птоломея мы впервые встречаем географическую сетку. К карте он приложил таблицу, на которой были указаны широты и долготы 8 000 пунктов, выведенные им из сопоставления расстояний между этими пунктами.

Реки на его карте берут свое начало всегда на суше — в горах. Например Нил, который изображен у Птоломея довольно верно.

Конечно, и на этой карте еще много фантазии, но все же она более или менее

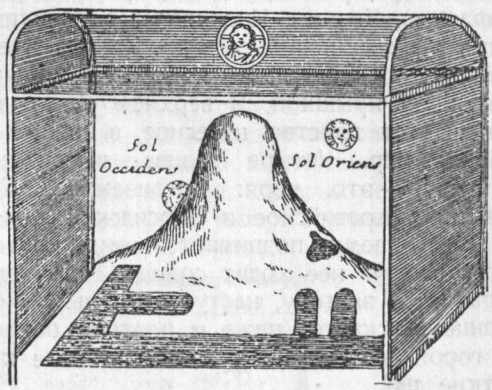


Рис. 5. Схема мира, по Козьме Индикоплевсту.

правильно показывает то, что существует на самом деле.

В средние века наступил упадок науки. Это было мрачное время господства религии. Взгляните на средневековую карту— и вы будете сразу поражены ее нелепым и непонятным видом. Вот для примера карта мира, которая относится к 6—7-м векам нашей эры, когда наука целиком основывалась на священном писании (рис. 4).

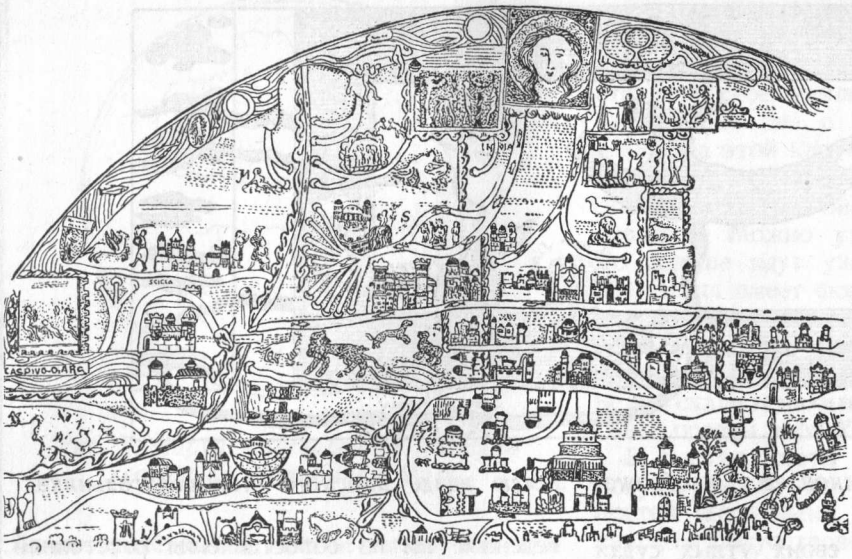


Рис. 6. Средневековая географическая карта.

Четырехугольная земля окружена океаном. За океаном помещается рай, откуда вытекают 4 реки: Нил, Ганг, Тигр и Евфрат.

А вот (на рис. 5) схема мира, по представлению Козьмы Индикоплевста — купца и путешественника 7-го века. Козьма представлял себе мир ввиде какого-то сундука с двойной крышкой. В верхнем отделении помещается царство небесное, в нижнем— земной мир. Четыре залива, вдающихся в сушу, — это моря: Средиземное, Каспийское, Аравийское и Персидский залив. На севере земля поднимается ввиде крутой горы. Вокруг нее ходит солнце. Когда оно скрывается за гору, наступает ночь. Зимой солнце спускается ниже и поэтому бывает за горой дольше. Оттого зимой более короткие дни.

И вот такое нелепое, сказочное представление о мире было очень распространено в средние века.

Вот еще географическая карта (рис. 6). На рисунке только часть ее. Карта составлена сравнительно недавно, всего 600 лет назад, но попробуйте-ка в ней разобраться! А в карте Птоломея, которая старше этой карты больше чем на тысячу лет, мы разобрались легко, узнав на ней знакомые очертания полуостровов и островов. Здесь же мы ничего знакомого не встречаем. Географы 13-го века знали землю лучше чем Птоломей, но знать запрещала религия. Если бы географ начертил землю по-настоящему, то его сожгли бы на костре.

Наука и карты того времени должны были служить на прославление религии. Их изображали ввиде религиозной эмблемы — креста. Рисовали на географической карте голову, руки, ноги и сердце христа. Посмотрите как раз на этой карте наверху и нарисована голова христа. Конечно, такая карта только мешает узнавать действительность.

Правда, вы можете прочесть на ней много интересных сведений о странах и народах. Здесь нарисован, например, северный олень. Нарисованы рыбы, описывается охота в полярных странах. Но наряду с этим на этой же карте изображен рай, где видны Адам и Ева, а также гора, на которой стоит ноев ковчег. Все это сопровождается фантастическим религиозным текстом.

Средневековье сменяется эпохой Возрождения. Географический кругозор начинает быстро расширяться.

К концу 15-го века начались поиски новых торговых путей. Древняя торговля, которую вела Европа с Азией, была затруднена. Малую и Среднюю Азию к этому времени населяли тюркские народы, которые не пропускали европейских купцов в Индию. Португалец Васко де Гама, обогнув Африку, открыл новый путь в Индию и доказал, что Африка не простирается, как это было показано на карте Птоломея, далеко на восток навстречу южной Азии.

В 1492 году Колумб пересек Атлантический океан и открыл острова, которые назвал Вест-Индией, думая, что открыл путь в Индию вокруг земного шара. Но вы знаете, что земля, открытая Колумбом, ничего общего с Индией не имеет.

В то время развивается мореплавание и карты служат морякам. Карты того времени пересечены многочисленными линиями, сходящимися в определенных точках.

Это компасные точки и линии, при помощи которых мореплаватели узнавали направление. Такие карты назывались «компасными».

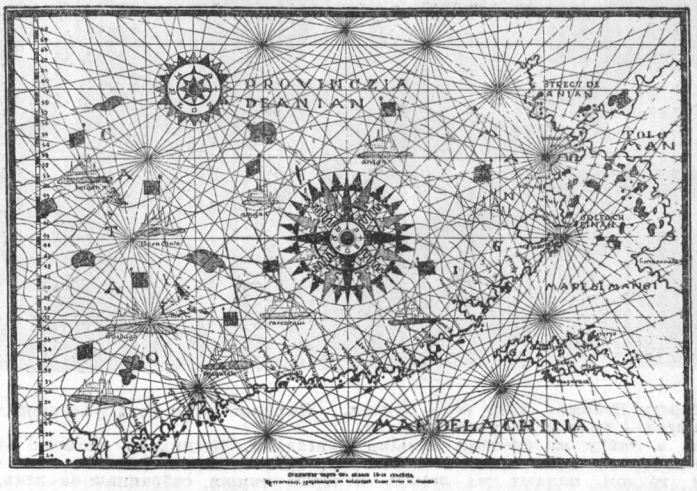
Несколько позже, в 1515 году, путешественник Магеллан пересек Атлантический океан, прибыл к берегам Америки и в поисках пути в богатую Индию зашел в пролив, который теперь называется его именем. Через Магелланов пролив его экспедиция вошла в Тихий океан. Магеллан думал, что тут же, рядом, будет и Индия. Тогда вообще считали, что земля много меньше, чем она есть на самом деле. После очень трудного плавания экспедиция Магеллана пересекла Тихий океан и прибыла на Филиппинские острова, где Магеллан погиб. А спутникам его удалось вернуться домой. Но плавание их продолжалось целых 3 года. Таким образом, только после путешествия Магеллана, всего около 400 лет назад, впервые стала приблизительно известна величина земного шара.

Вскоре после этого Южная Америка полностью попала на карту. Несколько позже появились очертания Северной Америки. Но Австралии на карте еще не было. Она появилась только в конце 18-го века, т. е. всего-навсего около 150 лет назад. Ее очертания стали известны после путешествий капитана Кука, предпринятых в 1766 — 1794 годах.

Таким образом, на географической карте конца 18-го века были очертания Австралии, Африки, Южной Америки и частично Северной Америки и Евразии. Я говорю «частично» потому, что арктические берега этих двух материков были нанесены на карту много позже. Карта этих районов продолжает уточняться и сейчас, но об этом стоит рассказать как-нибудь особо. Последний, шестой материк — Антарктида — попал на мировую карту окончательно только в 20-м веке. Берега его и до сих пор известны очень плохо. Центральную Африку и сейчас недостаточно подробно знают. Леса и реки в верховьях Амазонки в Южной Америке тоже недостаточно известны. Наша громадная Сибирь еще настолько мало исследована, что каждая географическая экспедиция обнаруживает там что-нибудь новое. Например нанесена на карте река. Приезжает на место экспедиция. Оказывается, реки нет, до нее надо ехать еще километров 200. Понятно, что карту исправляют: реку чертят на другом месте. Часто находят новые, еще не известные до того горы, реки и озера.

Таким образом, шаг за шагом, с большими трудностями появляются на географической карте Центральная Африка, Средняя Азия с ее горными хребтами, Сибирь, арктические страны и далекая Антарктида. Даже в этом году советские экспедиции обнаружили новые небольшие острова в полярном океане и уточнили очертания советских берегов на севере.

Вот так, на протяжении долгого времени, карта постепенно изменялась и, наконец, приобрела тот вид, который нам известен и по которому мы теперь изучаем географию.



Компасная карта.

На южном берегу Байкала стоит село Култук... Жителям этого села большой доход дает кедровый промысел — добыча кедровых орехов.

Отправляются в тайгу за орехами целыми бригадами. Несколько человек вооружается огромными деревянными молотками — «колотами». Они сильно колотят ими по стволам кедров — шишки градом падают на землю. Вечером шишки, собранные за день, растирают зубчатыми катalками, вроде тех, которыми катают белье. Просеивают через железное сито и отвеивают шелуху. Орешки готовы, и остается только складывать их в мешки.

Фото Ковригина.

Фонд Географического общества

ЖЕНЯ ГОРОДИЛОВ (г. Глазово, Удмуртской АССР) прислал письмо, в котором описывает встречу с лосем в лесу. Вы можете прочесть его в прошлом номере «Известий Географического общества».

В том же письме Женя предлагает организовать фонд, где будут собираться работы действительных членов и членов-корреспондентов общества, их коллекции, фотографии, зарисовки, статьи, дневники и т. п., из которых к с'езду общества можно будет сделать выставку.

Мы обсудили это предложение и согласились с ним. Сейчас такой фонд уже создан. Начиная с № 9 «Известий Географического общества» мы будем каждый раз сообщать о работах наших корреспондентов, если нет возможности напечатать их полностью.

● **Валерий Малин** (Москва) каждое лето живет на лесном хуторе около реки Ветлуги. Валерий описывает огромные ветлужские леса. В них водится много птиц. Валерий собрал коллекцию из 38 яиц разных птиц и подарил ее Географическому обществу «Компас».

● **Витя Албул** (Севастополь) пишет о своем городе и его окрестностях. Недалеко от теперешнего Севастополя в 5-м веке до нашей эры находилась богатая греческая колония Херсонес.

На этом месте теперь ведутся раскопки, устроен музей. Там хранятся монеты, оружие, посуда, которыми пользовались люди, жившие 25 веков назад. Витя был в этом музее.

● **Петр Васильев** (Кировский район, Челябинской области) собрал сведения о своем селе Шаламове и городе Челябинске, составил план села и его окрестностей. От стариков Петя узнал, что предки жителей села Шаламова переселились сюда из Пензенской губернии в поисках плодородных и привольных мест.

● **Алексей Четвериков** (Донбасс) описывает среднюю часть Донецкой области. Степь там во многих местах изрыта оврагами. Реки по большей части мелкие и тихие. Но весной они вздуваются и выходят из берегов. А по оврагам текут бурные потоки. Особенно широко разливается река Крынка, на которой построена Зуйгрэс, дающая энергию для промышленных предприятий Донбасса. Очень сильное наводнение было весной 1932 года. Вода прибыла ночью так быстро и сильно, что шла чуть ли не стеной. Многие избы, стоявшие на берегу, были разрушены.

● **Бума Гилерман** (Одесса) рассказывает, что в далеком прошлом, в 17-м веке и раньше, Одесса была турецким городом Хаджибей. В Историческом музее Бума видел макет Хаджибея. Город был бы похож на деревушку со своими хатками и садиками, но кругом шли грозные укрепления.

Еще и сейчас сохранились полуразвалившиеся башни с почерневшими от времени и поросшими мхом стенами.

Об Одессе Бума обещает написать еще.

● **Миша Семиряга** (село Екатериновка, Винницкой области) ведет изо дня в день наблюдения за погодой и результаты записывает.

● **А. Енбаев** (село Шаламово, Челябинской области) ходил на озеро Щучье, в северовосточной части Галкинского района, Челябинской области, и описал его. Озеро это заметно сохнет. Глубина его теперь — 4 — 5 метров, а еще на памяти старых колхозников была 9.

● **В. Р. Хмура** (Сталинградский край) описывает падение болида, которое он наблюдал. Его письмо мы переслали в метеоритный отдел Академии наук СССР.

Ответы на задачи, помещенные в № 9

На картах, помещенных в № 9 журнала «Пионер», изображены озера: Ладожское, Чудское, Онежское, Аральское, Байкал и Балхаш.

Правильные ответы прислали: Кира Долдонов (Ленинград), Инна Лисовская (Москва), Коля Мадасон (Восточная Сибирь, ст. Култук), Геня Петров (Тюмень), Коля Корнев (Ленинград), Слава Разумков (Сормово), Лия Бреусова (Чимкент), Даня Подоляк (Москва), Н. Атабаев (Пошнары, ЧАССР), Боря Лубягин (Тюмень), М. Польский (Москва), Нина Точинская (Киев), Людмила Сиунова (Кирилловская школа Мордовской АССР), Юрий Бунаков (Макеевка, Донбасс), Жора Кашихин (Москва) и члены географического кружка (Ульяновск, 65-я школа): Пятов, Кузнецов, Пичужкин, Иструнин, Иванов, Румянцева, Сорокин.

Учитесь видеть и любить свою родину

«У нас в Минске совсем нет географии, как же мне быть?»

«Я хочу вступить в члены Географического общества «Компас», но я живу в Винницкой области — у нас нет ни высоких гор, ни морей, что же мне изучать?»

Так пишут некоторые из наших корреспондентов. Очень немногие, правда. Большинство ребят умеет видеть много интересного, заслуживающего изучения и там, где нет высоких гор и морей. В адрес «Известий» Географического общества приходит много писем из разных концов нашей необ'ятной родины. Они рассказывают о том, как она велика, разнообразна, богата.

Посмотрите хотя бы этот номер «Пионера». Пишут ребята из Калуги, Одессы, г. Горького, Донбасса, Челябинской области, Москвы, Севастополя и других мест. И в каждом месте есть свое замечательное, особенное, о чем интересно узнать жителям других областей. Из этих писем мы видим, что неинтересных мест нет: везде есть свои особенности в природе, в климате, в обычаях людей. Мало того, страна наша быстро меняется. Строятся новые заводы, прокладываются новые дороги, меняют свои течения русла рек. Сама природа меняет свое лицо. Разве не интересно рассказать обо всем этом?

Некоторые ребята думают, что это уже известно, поэтому и писать не стоит. Но, во-первых, то, что известно местным жителям, может быть вовсе неизвестно всем другим. Например, охота на перепелов в Абхазии, которую описал Олег Оленичев в девятом номере, конечно, хорошо известна абхазцам, но ребята, скажем, из Калуги прочтут о ней с большим интересом.

А, во-вторых, даже о тех местах, где мы живем, мы знаем далеко не все. Приглядитесь — и вы увидите буквально вокруг себя очень много нового и замечательного. Но для этого надо уметь видеть. Надо любить свою родину, и она раскроется перед нами.

Писатель Паустовский, один из первых членов нашего Географического общества, открыл белые пятна на карте Мещорского края, в трехстах километрах от Москвы. Он написал о нем и прислал свой рассказ нам. Паустовский смотрел на Мещорский край глазами писателя. Люди разных профессий подходят к одним и тем же явлениям по-разному. Ученый-географ описал бы Мещорский край иначе. И художественное и научное описание имеют свои права и свою ценность.

Прочтите, ребята, рассказ тов. Паустовского «Вторая родина» и напишите нам о нем свое мнение.

Вторая родина

Константин Паустовский *Рис. П. Митурича*

„Леса учат человека понимать прекрасное“

Чехов

Чтение географических карт

Еще с детства моим любимым занятием было чтение географических карт. В слова «читать карту» я вкладывал особый смысл. Прочесть карту—это еще не значило разобраться в топографических знаках, определить направление или точно вычислить расстояние от истока до устья извилистой реки.

Я читал карты и странствовал по незнакомым странам. Я создавал в своем воображении таинственные области, нанесенные на карты, и мир казался мне таким же прекрасным и загадочным, каким он кажется и сейчас.

Так же, как и большинство людей, я не могу сказать, что знаю землю. В силу многих разнообразных причин я вынужден видеть только небольшой клочок земного шара, тогда как вся земля дана нам для жизни. Я твердо знаю, что революция сотрет границы между странами и весь мир будет открыт каждому, умеющему странствовать и видеть, — мир во всем великолепии и простоте его лесов, озер, морей, прозрачных вод и высокого неба. Но пока мне еще приходится странствовать по картам и вызывать только в своем воображении берега великих материков, отделенных от моей родины тысячами миль воздушного, океанского и сухопутного пути.

Ничего не может быть заманчивее воплощения в жизнь географических карт. Так было, например, с картой Мещорского края.

На топографических картах тот небольшой квадрат, куда нанесен этот край, помечен номером XII — 17.

Изучение Мещорского края началось с того, что в эту измятую и засаленную карту XII—17 был завернут голландский сыр. Я развернул его, хотел нарезать, но тут же забыл о еде: море лесов зеленело на карте, разлив сухих сосновых боров с островами болот и березовых зарослей расстилался передо мной на столе.

Я рассматривал карту, пытаясь найти на ней знакомый город или железную дорогу, чтобы определить, где находится этот край. Но ни городов, ни дорог не было, если не считать едва заметной узкоколейки, робко тянувшейся по краю лесов.

Солотчинский лес и узкоколейка.

Леса шумели передо мной на карте, как океаны. В них прятались глухие озера, журавлиные стаи тянули над болотами к югу, где за обширными гарями и песчаными берегами извилистых лесных рек я наткнулся, наконец, на знакомое имя—«Ока». Значит, край этот лежал где-то здесь, почти рядом, невдалеке от Москвы.

Так, по карте, я открыл для себя Мещорский край. Он тянулся к северу от Рязани почти до Владимира.

Несколько дней я изучал карту Мещоры. Хотя она была издана в 1930 году, но на ней я нашел белые пятна. Казалось невероятным, что в трехстах километрах от Москвы лежит девственная земля, куда еще не проникли топографы.

Я проследил по карте течение глухих лесных речек — Пры и Солотчи. Берега их были безлюдны, и лишь кое-где карта показывала постоялые дворы на неведомо куда ведущих дорогах и заброшенные смолокурни.

Когда-то это были, очевидно, разбойничьи места, дебри, где тонули в трясинах лоси и крики диких лебедей пугали ленивую озерную рыбу.

Часть моего детства прошла в таких же дремучих лесах. Чтение карты вызвало в памяти множество позабытых вещей: белый дым лесных пожаров, настойчивый стук дятлов, густое пение пчел на полянах, где среди пней растут лиловые бессмертники, и, наконец, заросшие подорожником лесные дороги, опасные, как западня, потому что они тонут в зарослях и никуда не приводят. Дремучие леса! Мы теряем ощущение многих слов, а между тем они точны и образны. Какое иное сравнение может лучше всего передать глухой сумрак и безмолвную чащу лесов, чем слово «дремучий»?!

Карта показывала множество безыменных озер, окруженных мелколесьем и сухими болотами — мшарами. У иных озер были имена, но они вызывали недоумение: в них не было ничего русского. То были озера Сегден, Негарь, Орса, Камгар, Уржа. Названия озер остались от баснословных времен, когда эти места населяло финское племя «мещора».

Озера соединяли тонкие нити каналов. В шестидесятых годах прошлого века генерал Жилинский решил осушить мещорские болота и провел в них запутанную сеть глубоких каналов. Из этой затеи ничего не вышло: болота не обсохли, а каналы заросли тростником, лилиями и белокрыльником и стали приютом диких уток и бронзовых карасей и вьюнов.

К югу леса редели и за селом Солотчей сменялись неизмеримыми заливными лугами. То была пойма Оки, которую иные ученые не без основания сравнивают с дельтой Нила. В лугах сверкали цепи небольших поемных озер, протоков, стариц, прорв и заводей, а за ними среди широких белых пля-

жей, нагретых солнцем, струилась зеленоватая и тихая Ока.

За Окой начинались иные земли: рязанские—кудрявые яблочные сады, ржаные поля, рощи, дороги, где пыль, поднятая стадами, пахнет парным молоком. За Окой начинались места, обжитые тысячелетиями, богатые и спокойные.

«Чтение карты» заставило меня поехать в Мещорский край, и с тех пор он стал как бы второй моей родиной.

Черная вода

Чтобы попасть на озеро Сегден, надо доехать по узкоколейке до глухой станции Ласково. На поляне, пахнущей порубкой и простыми полевыми цветами, стоит бревенчатый сруб — станция и глубокий колодец. Станционный сторож — старик с растрепанной рыжей бородой, прозванный неизвестно кем «лангобардом» — достанет из колодца ледяной воды. От нее потеют бутылки и ноют зубы. Белые облака лениво плывут над сухими лесами, и если задуматься, то слышно, как падают сосновые шишки и под землей в своих нагретых пещерах трещат медведки. Кузнечики сыплются градом в шершавую, выгоревшую к осени траву.

Дорога на Сегден идет лесами. Неподвижный воздух настаивается на сосновой коре, папоротнике и лекарственном запахе скипидара. Рыжие муравьи ползут полчищами через дорогу, перетаскивая в муравейники высохших золотых ос и шершней. Липкие маслюки вспучивают над землей бурые прошлогодние листья.

Жара дрожит над просеками, и если пристально посмотреть на небо, то видно, как уходят в высь и растворяются в ее синеве розовые, как бы раскаленные облака.

Потом из лесу потянет сыростью и запахом водяных лилий — тем сложным и свежим запахом, который утоляет жажду, — и в просвете дороги блеснет как бы поставленное наискось синее зеркало — озеро Сегден.

На Сегдене живет сутулый ласковый мальчик Вася Зотов — будущий натуралист и следопыт.

Отец его, Кузьма Зотов, бывший портной из Рязани, кроткий и больной человек, рыбачит на озере на дырявом столетнем челне.

У Зотовых в избе живет прирученная дикая кошка. Она приносит в дом зайчат и глухарей, ловит рыбу и пренебрежительно зевает, поглядывая на редких городских гостей ленивыми зелеными глазами.

Вася Зотов знает Сегден и все соседние озера: Малое, Черненькое, Урженское, Черное и Ласковское. Он обегал все лесные тропы и мшары, осмотрел все глухариные гнезда и проследил медвежьи дороги. Любимая книга Васи — «Картины из жизни природы» Кайгородова. Он ее зачитал до дыр.

Зимой Вася Зотов обматывает ноги онучами — у него нет сапог — и бегает за восемь километров в солотчинскую школу.

Ночевать на Сегдене, как и на всех озерах, нужно под открытым небом. Можно, конечно, ночевать на сеновале у Зотовых, но тогда вы не увидите величавого зрелища лесной и озерной ночи, хотя одинокие звезды и будут светить сквозь дырявую крышу.

Кроме того у Зотовых не дадут спать петух и корова. Оба они дряхлые старики, и, как всем старикам, им по ночам не спится и приходят в голову печальные мысли. Петух хрипло поет всю ночь безо времени, не соблюдая петушиных часов, и после каждого крика долго прислушивается, не отзовутся ли соседские петухи. Но вокруг спят черные леса, спит вода в озерах, и ни один петух не откликается даже за краем этой темной земли. Только сова бесшумно пролетит над крышей да в озере спросонок ударит вялая щука. Петух прислушивается к лесному безмолвью, моргает красными глазами и снова кричит призывно и оглушительно, и в горле у него после каждого крика что-то долго ворчит и затихает.

Корова тяжело стонет всю ночь, и в ее шумных вздохах ясно слышны слова: «Ох, боже мой, боже мой!»

По ночам к озеру подходят волки. Они заунывно и коротко воют в березовых зарослях, и тогда петух громко хлопает крыльями, чтобы разбудить хозяев, а корова ворочается и грозно мычит. У нее нет телят — лупоглазых и тепломордых, но она по старой памяти тревожится за них и мотает рогами, готовясь защищать их от волка.

Ночевать нужно у костра на Холмище — песчаном бугре между Сегденом и Черненьким озером, около заросшего канала.

В Сегдене и в Черненьком озере вода, как говорят местные жители, «суровая», — торфяная, черного, глубокого цвета, но совершенно прозрачная. Днем белые водяные лилии лежат целыми созвездиями на этой воде. Ночью лилии закрываются, и в озере вместо них плавают отражения далеких настоящих созвездий: Ориона, Большой Медведицы, Кассиопеи и Стрельца. Но особенно ярко горит Юпитер, прорываясь сквозь за-

росли волчьей ягоды и кроны мачтовых сосен, а ближе к рассвету низко над горизонтом переливается в необыкновенной ясности воздуха прозрачная Венера.

К четырем часам ночи небо на востоке начинает зеленеть. Береговые заросли стоят на этом небе кущами каких-то пышных и небывалых садов.

Просыпаются птицы. На мшарах курлычут журавли, воркуют горлинки, с тяжелым свистом пролетают над головой дикие утки.

Костер гаснет. Его горький дым сливается с предрассветным туманом. Туман клубится от воды, плывет косматыми островами, подымается до верхушек ольхи и берез, и озеро превращается в море — берегов не видно.

В черной воде и тумане начинает играть рыба. Темные спины щук всплывают над водой и гонят к берегам широкие ленивые круги.

Начинается клев. Челн шуршит по листьям лилий и останавливается у края бездонной заводи. Слышно, как с веток ольхи падает в озеро роса. Вода неподвижно налита в берега, как черное стекло. Белый перяной поплавок стоит, как свеча, и кажется, что все вокруг мертво и неподвижно. Только зотовский петух все голосит в тумане, дожидаясь отклика.

Вдруг поплавок туго и медленно уходит вкось, в таинственные озерные глубины. Бамбуковое удилище гнется, леска режет воду, и видно, как под челном сверкает и извивается большой полосатый окунь.

Над зарослями, лесами и туманом подымается белый шар—восходит огромное летнее солнце. Медленно раскрываются лилии.

Уже просвечивает высокая голубизна неба, и первая волна нагретого лесного воздуха сдувает туман. Впереди яркий день, зной, купанье с песчаного берега и пляска белых поплавков в упругой воде.

Из Сегдена в Черненькое озеро ведет узкий канал. Мы с трудом перетаскивали по нему челн, путаясь в зарослях ежевики. Мох свисал с берегов мягкими пластами, и весь челн покрывался яркой зеленой пылью — спорами кукушкиного льна. Вася Зотов научил нас доставать из мха эту удивительную пыль, похожую на молотый изумруд. Она была спрятана в маленькой чашечке с легко отлетающей крышкой.

Мы пересыпали ее на ладонях и жалели о том, что до сих пор никто не нашел способа делать из этой пыли зеленую краску. Ни на одной из картин великих мастеров я не видел такого насыщенного и блестящего зеленого цвета!

Обсыпанный зеленой пылью челн медленно вплывал в круглое Черненькое озеро. Там всегда стояла тишина, и черный блеск воды качался под ветхим днищем челна непроницаемой упругой массой.

Все было черным в этом озере: и вода, и илистое дно, и коряги, и окуни, как будто покрытые копотью. Только лилии сверкали, как снежные шары, в его спокойных заливах.

Однажды вечером на Черненьком озере нас захватила гроза. Приближалась осень. Косяки журавлей летели над мелколесьем к югу, откуда розовыми горами вздымались к зениту тяжелые и пышные облака. Зловещий свет шел от воды, и далеко за мшарами ворчал хмурый гром. Первая молния гигантской трещиной расколола озерную воду, и вздрогнули и тревожно заговорили сосны. Птицы низко летели к северу, уходя от грозы. Костер испуганно заметался под первыми ударами ветра.

Потом пришла грозовая ночь, вся в мутном розовом блеске, в громыханье дымного неба, в железном шуме дождя. Раскаты возникали в непроглядной дали, медленно катились по горизонту, сотрясая леса и болота, и глохли на востоке, где в серой волчьей мгле шумели свинцовым ночным прибоем безвестные лесные озера.

Ветер бил в лицо холодными каплями. Внутри каждой капли лопались пузырьки свежего воздуха. Ночь несла дикие запахи березовой листвы, грибов и гари, и свежесть входила в легкие с каждым порывом ночного веселого ветра.

Над нами проходила ночная гроза, обыкновенная гроза, но нас не оставляло чувство, что такую грозу мы видим впервые в жизни.

Из долгих скитаний по земле, из опыта всей жизни я знал, что ничто не повторяется, что нет одинаковых вещей и что каждый день и час этой жизни непохож на другие и наполнен только одному ему свойственными чертами.

Трудно сосчитать, сколько дней, то моросивших теплым дождем, то шумных от ветра, то ярких, как летнее небо, прошло на Сегдене, на Черненьком озере, на Урженском озере, где вода фиолетового цвета и чирки ныряют около поплавков, на Великом озере с его затопленными на дне тысячелетними лесами и плавучим берегом из водяной травы и, наконец, на Черном озере, где в траве выше человеческого роста

Озеро Сегден.

прячутся барсуки, волчата подходят к костру на сорок шагов, жуки-плавунцы склевывают с удочек червей, а глухари, об'евшиеся брусникой, ломают заросли, как медведи.

Но и сюда, в эту глухомань, доходят иногда неясные отзвуки иной человеческой жизни.

Однажды на рассвете мы услышали на Черном озере жалобное пенье пастушеского рожка. До тех пор в этих местах мы слышали только свист птиц и плеск рыбы, шум леса и волн и свои собственные человеческие голоса. Рожок пел в лесах очень далеко — очевидно, пастух звал заблудившуюся корову. Мелодия рожка показалась знакомой. Мы узнали в ней песню пастушеского рожка из «Евгения Онегина». Она затихала где-то за краем лесов, временами ее уже заглушал шелест осиновых листьев: осины шелестят и трепещут даже в безветрие.

Чайковский вторгся в глухие лесные дебри, но его тотчас же вытеснили мысли о Пушкине. Когда входишь в самую сердцевину нашей жизни, то внезапно узнаешь, что Пушкин сказал почти все; что о нем нельзя забыть, как нельзя днем не видеть солнца.

Куда бы меня ни забрасывала судьба: и в горы Кавказа, и на берега Черного моря, и под слюдяное небо Онежского озера, и в сосновые боры Мещорского края, — всюду в памяти возникали звенящие строфы простых и точных пушкинских стихов.

Здесь, в глуши, следуя совету Пушкина, я «старался наблюдать различные приметы» и был, как всегда, поражен верностью пушкинских строф.

Особенно осень была полна Пушкиным. «Роняет лес багряный свой убор, сребрит мороз увянувшее поле» — даже эти две строки передавали осень с точностью необыкновенной, и с неиз'яснимой прелестью подлинной живой поэзии.

Последняя строка звенела, как звенят под ногой ломкие, покрытые первым инеем стебли некошенной травы:

«Сребрит мороз увянувшее поле...»

Трава и ветер

Луга за Солотчей в сумерки похожи на море. Как в море, садится солнце в обширные пространства трав и тусклыми маяками горят на горизонте сигнальные огни на берегах Оки. Так же, как в море, над лугами дуют широкие ветры, и высокое небо опрокинулось бледной зеленеющей чашей.

Луга — это небо, ветер, шелест трав, крики ястребов и нагромождения грозовых туч на головокружительной высоте над землей.

Только в лугах можно увидеть, как торжественно и зловеще накапливаются грозы, увидеть их рожденье, слоистость розовых, лиловых, ослепительно белых и желтых туч, можно проследить мгновенные изломы молний и услышать гром, сотрясающий самые недра земли.

Только в лугах можно почувствовать, как иногда упруг и даже тверд ветер, и увидеть на закате, как низкое солнце просвечивает через венчики гвоздик пурпурным огнем. Кусты шиповника пылают оранжевыми каплями терпких сухих плодов, и едкая роса блестит в густой траве и брызжет на руки.

В сумерки в лугах протяжно и ласково голосят бабы, скликая заблудившихся телят.

— Тялуш! Марусь! Тялуш! — кричат бабы, и, перекликаясь с бабами, в траве отзываются перепела. Скворцы трескучими стаями носятся над скошенной травой, и орланы — белохвосты — часами парят над луговыми озерами, выслеживая водяных крыс и глупых уклеек.

В лугах теряется заросшая кугой и кувшинкой Старица — древнее русло Оки — и прячется много луговых озер и протоков. Из озер самое глубокое — Промоина, а из протоков самый широкий и многоводный — Прорва.

Каждый раз, когда я попадаю на Прорву или Старицу, я жалею о том, что я не натуралист и ботаник. Часами можно лежать в густых прибрежных зарослях на Прорве и рассматривать неслыханное разнообразие трав, цветов и кустарников. Там растут чертополох с колючими цветами величиной в кулак и грибы-дождевики, огромные, как тыквы. Вьюнок заплетает чащи серебристых ив, полощущих в глубокой и тихой воде свои ветки. Мальки прячутся в гуще затопленных ивовых листьев. Плакун-трава стоит высокими красными островами над путаницей ржавых корней, сползающих в воду и заросших черно-зеленой ноздреватой губкой-бодягой.

Прорва — царство ив с выжженными молнией стволами. Во время ветра берега Прорвы тонут в серебристом, свинцовом блеске: то сверкает под солнцем изнанка ивовых листьев, как бы сбрызнутая серой росой.

Старые ивы подымают над этим шумящим живым серебром тяжелые кущи черной листвы и роняют с нее в траву зеленых гусениц с оранжевыми пятнами на теле. Шиповник цветет в непролазных зарослях, от него тянет едва уловимым дыханием роз. Зонтичные травы теснятся по крутоярам, и павилика, ромашка и цикорий прорываются сквозь цепкие сети ежевики.

Стволы ив изогнуты столетними ветрами, завязаны в узлы и высушены солнцем. Они низко нависают над омутами и зарослями хвоща и стрелолистника. В засохших лишаях на ивовой коре живут тысячи красных божьих коровок. Они падают при каждом порыве ветра на листья кувшинок и в темную воду, где тихо ходят стаи голубых головлей.

А ночью на Прорве особенно темно от ив, звезды не могут прорваться сквозь их густую листву и только на далеком берегу, за озером Хотец, дымят костры—там мальчишки стерегут лошадей, согнанных в ночное. Среди ночи над лесами разгорается мутный, тяжелый пожар: подымается луна, и ее багровый свет обнаруживает на небе гряды редких и неподвижных облаков.

Тишина стоит под шатрами ив — не слышно даже плеска воды о прибрежные корни, — тишина такая глубокая, что первая капля дождя, если он начинается ночью, бьет о полотнище палатки, как отвесный камень.

Изредка где-то в гуще ночи прокричит на Оке пароход, и если долго прислушиваться, то можно услышать тяжелый плеск пароходных колес.

В деревнях за Окой: в Окоемове, Богослове, Новоселках — все спит, нет огней, и только по многоголосому крику петухов можно догадаться, что где-то невдалеке есть человеческое жилье.

На Прорве живет паромщик Степан — одноглазый сердитый старик, враль и корзинщик. Весь день он сидит у воды и плетет кошолки из ивовых прутьев, окруженный острым и терпким запахом молодой ивовой коры.

Если подвернется прохожий человек, то Степан, раньше чем перевезти его через Прорву, расскажет несколько баснословных историй о том, что Прорва соединяется с морем подземной трубой или что в Прорве живет щука с телячьей мордой.

Но так как прохожих людей мало, то Степан весь день бормочет и спорит сам с собой.

— Не-е-ет, милай, — говорит он хитро и сплевывает в воду, — как ты ни чеши языком, а колхоз не умреть! Нет ему нужды помирать: он навеки поставлен. Не умреть!

С бабами Степан разговаривает коротко и сурово.

— Надысь, — жалуется баба, — натерпелась я страху. Иду из Рязани по-над Окой, а на берегу лежат голые отдыхающие, калятся на солнце. Нешто можно!

— На пясках? — строго спрашивает Степан.

— Чего?

— На пясках лежат, спрашиваю?

— Известно, на пясках.

— На пясках можно, — коротко решает Степан, и баба успокаивается.

Когда Степану надоедают разговоры с самим собой и с бестолковыми бабами, он удит с парома рыбу и плюет на червей так громко, что нам слышно в зарослях за поворотом. Мы смеемся.

Прорва — государство ив и прибрежных зарослей, Старица—целый мир водяных растений. Старица у берегов густо заросла кувшинкой. Нужно долго пробиваться на челноке сквозь упругие заросли, чтобы попасть на чистую воду.

Вода в Старице зеленого таинственного цвета. На глубине этот цвет переходит в черный.

В омуты на Старице лодка вплывает как в громадный тихий аквариум. Тучи мальков стоят в красных зарослях водяной елочки, золотые красноперки с огненными плавниками плещутся в розовой водяной гречихе. На куге растут колючие шишки, похожие на каштаны в скорлупе; к прочным и толстым стеблям этих шишек мы смело привязываем лодку во время любого ветра.

Растительность на Старице гораздо богаче и пышнее чем на других луговых озерах. Листья лилий по величине почти не уступают молодым листьям тропической виктории регии. Когда на закате играет рыба, десятки плотиц выскакивают на листья и долго бьются на них и трепещут, прежде чем им удается уйти в воду. Громадные спиральные улитки живут на этих листьях вместе с желтыми божьими коровками и жуками-водомерами.

Среди лилий черным островом стоит куга. В ней живут крошечные и зябкие птицы—камышевки. Они часто принимают за камыш наши бамбуковые удилища и качаются и трещат на них, поглядывая на нас веселыми черными глазами.

У берегов стенами тянутся осока, стрелолист и незнакомые растения с шуршащими листьями, будто сделанными из жести. Сладкий и влажный запах лилий вызывает головную боль. Розовые сухие цветы сусака, собранные в высокие букеты, растут на мелких местах, где вода прогрета до дна и на песке переплетаются дорожки, оставленные ракушками.

В Старице водятся большие лещи — красивая и странная рыба, плоская как доска, окрашенная в розово-пепельный цвет. Ловят их на глубоких местах в полной тишине: даже зажженная спичка может спугнуть медлительного и осторожного леща. Ловля лещей — одно из самых трудных и захватывающих занятий. Пойманный лещ идет из глубины, качаясь и вспенивая воду, весь розовый и серебряный, в брызгах и отблесках солнца. Его плавники и хвост сверкают черным лаком, и невольно он кажется сказочным хозяином всех этих причудливых пахучих зарослей и затишливых, безветренных вод.

На Старице даже в сильный ветер вода неподвижна, и на ней нет ряби: высокие берега, поросшие крушиной и ольхой, и камыш опоясывают омуты непроницаемой для ветра стеной.

Я любил ездить на Старицу во время дождя, в те дни, когда дым из труб ложится на огороды и деревня пахнет мокрой соломой и холодными яблоками.

Из-за безветрия и тихой воды обычный и даже докучливый дождь превращался на Старице в необыкновенное зрелище. Еще до того, как первые капли дождя падали на лицо и на руки, был уже слышен тонкий стеклянный звон. Это дождь пел на воде. Потом звон усиливался и переходил в глухое шипение пара, а в разгар дождя все заглушал мерный и торжественный плеск. Тысячи капель, ударяясь о воду, подскакивали вверх и оставляли на воде круглые выемки, полные пузырей и легкой пены. Казалось, что с неба льются не капли дождя, а легкий серебряный град.

Дождь проходил, и в необыкновенной ясности воздуха и речной синеве вспыхивали ржавым огнем сосновые боры, вплотную подступившие к лугам. Приближались вечер, тишина, розовые дали, мычание стад и, наконец, ночь, когда белые и холодные созвездия будут неподвижно отражаться до утра в озерах и даже в глухой воде деревенских колодцев, куда ветер сбросил ворох желтых листьев.

Желтый свет

Я проснулся серым утром. Комната была залита ровным желтым светом, как будто от керосиновой лампы. Свет шел из окна снизу и ярче всего освещал бревенчатый потолок.

Странный свет — неяркий и неподвижный — был непохож на солнечный. Это светили осенние листья. За ветренную и долгую ночь сад сбросил сухую листву, она лежала шумными грудами на черной земле и распространяла тусклое сияние. От этого сияния лица людей казались загорелыми, а страницы книг на столе как будто покрылись слоем старого воска.

Так началась осень. Для меня она пришла сразу в это утро. До тех пор я ее не замечал: в саду еще не было запаха прелой листвы, вода в озерах не зеленела и жгучий иней еще не лежал по утрам на дощатой крыше.

Осень пришла внезапно. Так приходит временами ощущение счастья от самых незаметных вещей: от далекого пароходного гудка на Оке или от случайной улыбки, — так приходит после тяжелой болезни глубокий, освежающий сон.

Осень пришла врасплох и завладела землей: садами и реками, лесами и воздухом, полями и птицами. Все сразу стало осенним.

В саду суетились синицы. Крик их был похож на звон разбитого стекла. Скворцы висели вниз головами на ветках, заглядывали в окно из-под листьев клена и издавали щелканье, похожее на стук молотка о подметку: в соседнем дворе жил весельчак—деревенский сапожник,—и скворцы передразнивали его и дрались из-за скворечниц.

Каждое утро в саду, как на острове, собирались перелетные птицы. Под свист, клекот и карканье в ветвях подымалась суматоха и с деревьев сыпались ливни сбитой листвы. Только днем в саду было тихо: беспокойные птицы улетали на юг,— а на рассвете за окном опять подымали возню перелетные птицы. Начался листопад. Листья падали дни и ночи. Они то косо летели по ветру, то отвесно ложились в сырую траву. Леса моросили дождем облетавшей листвы. Этот дождь шел неделями. Только к концу сентября перелески обнажились, и сквозь чащу деревьев стала видна синяя холодная даль сжатых полей.

Тогда же безответный старик Прохор, рыболов и корзинщик (в Солотче почти все старики делаются с возрастом корзинщи-

В Старице водятся большие лещи.

ками), рассказал мне сказку об осени; до тех пор я эту сказку нигде не слышал: должно быть, Прохор ее выдумал сам.

— Ты гляди кругом поострей,—говорил мне Прохор, ковыряя шилом лапоть, — ты присматривайся, милый человек, чем каждая птица или, скажем, иная какая живность дышит. Гляди, об'ясняй. А то скажут: зря учился. К примеру, лист осенью слетает, а людям и невдомек, что человек в этом деле — главный ответчик. Человек, скажем, выдумал порох, враг его разорви вместе с тем порохом. Сам я тоже баловался. В давние времена сковали деревенские кузнецы первое ружьишко, набили порохом, и попало то ружьишко дураку. Шел дурак лесом и увидел, как иволги летят под небесами, летят желтые веселые птицы и пересвистываются, зазывают гостей. Дурак ударил по ним из обоих стволов — и полетел золотой пух на землю, упал на леса, и леса посохли, пожухли и в одночасье опали, а иные листья, куда попала птичья кровь, покраснели и тоже осыпались. Небось, видел в лесу, есть лист желтый и есть лист красный. До того времени птица зимовала у нас. Даже журавль, и тот никуда не подавался, а леса и лето и зиму стояли в листах, цветах и грибах. И снега не было. Погоди смеяться-то, завели нынче моду над стариками смеяться! Не было зимы, говорю. Не было! Да на кой она ляд сдалась нам, зима, скажи на милость?! Какой с нее интерес? Убил дурак первую птицу — и загрустила земля. Начались с той поры листопады, и мокрая осень, и листобойные ветры, и зимы — и птица испугалась, от нас отлетает, обиделась на человека. Так-то, милый, выходит, что мы себе навредили и надобно нам ничего не портить, а крепко беречь.

— Что беречь?

— Ну, скажем, птицу разную, или лес, или воду, чтобы прозрачность в ней была. Все, брат, береги, а то будешь землей швыряться—дошвыряешься до погибели.

Я изучал осень упорно и долго. Для того чтобы увидеть что-нибудь по-настоящему, надо убедить себя в том, что ты видишь это впервые в жизни. Так было и с осенью. Я уверил себя, что эта солотчинская осень первая и последняя в моей жизни. Это помогло мне пристальнее всмотреться в нее и увидеть многое, чего я не видел раньше, когда осени проходили, не оставляя никакого следа кроме памяти о мрачных дождях, слякоти и мокрых крышах московского трамвая.

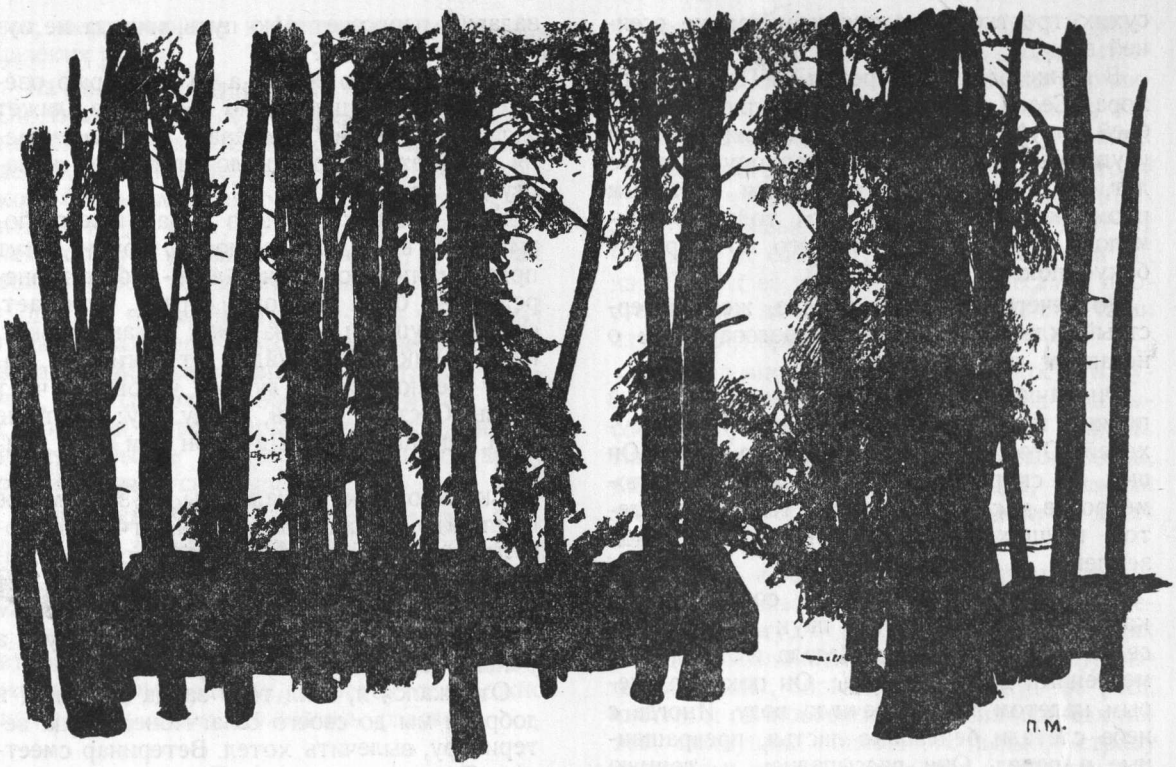
Я узнал, что осень смешала все чистые краски, какие существуют на земле, и нанесла их на далекие пространства, покрытые золотом лесов и синевой холодного неба.

Я видел сухую листву, не только золотую и пурпурную, но и алую, фиолетовую, коричневую, черную, серую и почти белую, как будто серебряную. Краски казались особенно мягкими из-за осенней мглы, неподвижно висевшей в воздухе. А когда шли дожди, мягкость красок сменялась блеском: небо, покрытое облаками, все же давало достаточно света, чтобы мокрые леса могли загореться вдали как величественные багряные и золотые пожары. В сосновых чащах дрожали от холода березы, осыпанные сусальным золотом поредевшей листвы. Эхо от ударов топора, далекое ауканье баб и ветер от крыльев пролетевшей птицы стряхивали эту листву: так непрочно она держалась на ветках. Вокруг стволов лежали широкие круги из палых листьев. Деревья начинали желтеть снизу: я видел осины, красные внизу и совсем еще зеленые на верхушках.

Однажды осенью я ехал на лодке по Прорве. Был полдень. Низкое солнце висело на юге. Его косой свет падал на темную воду, отражался от нее; полосы солнечных отблесков от волн, поднятых веслами, мерно бежали по берегам, подымаясь от воды и потухая в вершинах деревьев. Полосы света проникали в самую глубину трав и кустарников, и на одно мгновение берега вспыхивали сотнями красок, как будто солнечный луч ударял в россыпи драгоценной разноцветной руды. Свет открывал то черные блестящие стебли травы с оранжевыми засохшими ягодами, то огненные шапки мухоморов, как будто забрызганные мелом, то слитки слежавшихся дубовых листьев и желтые спины божьих коровок.

Часто осенью я пристально следил за опадающими листьями, чтобы поймать ту незаметную долю секунды, когда лист отделяется от ветки и начинает падать на землю, но это мне долго не удавалось. Я читал в старых книгах слова о том, как шуршат падающие листья, но я никогда не слышал этого звука. Если листья и шуршали, то только на земле, под тяжелыми ногами человека. Шорох листьев в воздухе казался мне таким же неправдоподобным, как рассказы о том, что весной слышно, как прорастает трава.

Я был, конечно, неправ. Нужно было время, чтобы слух, отупевший от визга и скрежета городских улиц, мог отдохнуть и



Опушка леса.

уловить очень чистые и точные звуки простой осенней земли.

Как-то поздним вечером я вышел в сад, к колодцу. Я поставил на сруб тусклый керосиновый фонарь «летучую мышь» и достал воды. В ведре плавали желтые листья. Они были всюду. От них нигде нельзя было избавиться. Черный хлеб из пекарни приносили с прилипшими к нему мокрыми листьями. Ветер бросал горсти листьев на стол, на койку, на пол, на книги, а по дорожкам сада было трудно ходить: приходилось идти по листьям как по глубокому снегу. Листья мы находили в карманах своих дождевых плащей, в кепках, в волосах— всюду. Мы спали на них и насквозь пропитались их винным, горьким запахом.

Бывают осенние ночи, оглохшие и немые, когда безветрие стоит над черным лесным краем, и только колотушка сторожа глухо доносится с деревенской околицы.

Была такая ночь. Фонарь освещал колодец, старый клен под забором и растрепанный ветром и дождями куст настурции на пожелтевшей клумбе.

Я посмотрел на клен и увидел, как осторожно и медленно отделился от ветки красный лист, вздрогнул, на одно мгновение остановился в воздухе и косо начал падать к моим ногам, чуть шелестя и качаясь. Впервые я услышал шелест падающего листа — неясный звук, похожий на детский шопот, и почему-то у меня забилось сердце.

Ночь стояла над притихшей землей, глухая звездная ночь. Разлив звездного блеска был ярок, почти нестерпим. Я зажмурился. Никогда, ни летом, ни зимой, я не видел такого неба. Оно как бы слилось с темнотой лесов, исчезла граница между ним и землей, и осенние созвездия блистали в ведре с водой и в маленьком оконце избы с такой же напряженной силой, как и на небе.

Осенние созвездия Персея и Ориона, туманное пятно Стожаров и Близнецы проходили над землей свой медлительный закономерный путь, дрожали в черной воде озер, тускнели в зарослях, где дремали волки, и отражались на чешуе рыб, спавших на отмелях в Старице и Прорве.

К рассвету на востоке загорался зеленый Сириус. Его низкий огонь всегда запутывался в косматой листве ив. Юпитер закатывался в лугах над черными стогами и сырыми дорогами, а Сатурн подымался с другого края неба, из лесов, забытых и брошенных по осени человеком.

Звездная ночь проходила над землей, роняя холодные искры метеоров, в шелесте

сухих тростников, в терпком запахе осенней воды.

В конце осени я встретил на Прорве Прохора. Седой и косматый, облепленный рыбьей чешуей, он сидел под кустами тальника и удил окуней. На взгляд Прохору было сто лет, не меньше. Он улыбнулся беззубым ртом, вытащил из кошолки толстого очумелого окуня и похлопал его по жирному боку—похвастался добычей.

До вечера мы удили вместе, жевали черствый хлеб и вполголоса разговаривали о недавнем лесном пожаре.

Он начался около деревушки Лопухи, на поляне, где косари забыли костер. Дул суховей. Огонь быстро потпало на север. Он шел со скоростью поезда, двадцать километров в час. Он гудел как тысячи самолетов, идущих бреющим полетом над самой землей.

В небе, затянутом дымом, солнце висело как тяжелый багровый паук на плотной седой паутине. Гарь раз'едала глаза. Падал медленный дождь из золы. Он покрывал серым налетом тихую речную воду. Иногда с неба слетали березовые листья, превращенные в пепел. Они рассыпались в тонкую пыль от малейшего прикосновения.

Стаи диких птиц бросались в огонь и сгорали. Медведи с обожженными лапами залезали в озера и тонули в глубоком илу. Они ревели от боли и ярости. Змеи не успевали уйти от огня; после пожара деревенские мальчишки приносили с болот много змеиных обгорелых шкурок.

По ночам угрюмое и тусклое зарево металось и клубилось на востоке, по дворам тоскливо мычали коровы, ржали лошади и на горизонте вспыхивали белые сигнальные ракеты — это красноармейские части, гасившие пожар, предупреждали друг друга о приближении огня.

— Я в ту пору, перед самым пожаром,— тихо рассказывал Прохор,—подался к Малому озеру, взял ружьишко. Встретился мне заяц, рыжий, с рваным ухом. Я выстрелил, промахнулся: стар стал, глаз у меня нет-нет, да и мигнет не ко времени. Или, скажем, слеза набежит. Плохой я охотник.

Днем это было, самая духота. Я от нее сомлел. Лег под березу, заснул: так-то легче дожидаться, пока жар к вечеру свалит. Проснулся от гари, вижу: ветер дым стелет над озером, глаза щиплет, дышать нечем. Пожар, а огня не видно.

Ну, думаю, злой мне вышел конец. Леса стояли в ту пору сухие, как порох. Куда я пойду, куда подамся? Все одно — огонь задавит, пересечет мою путь, никуда не пустит. Чего делать?

Побежал я по ветру, а на том краю озера уже пламя шумит по осиннику, лижет мшары, ест траву на глазах. Дыхания у меня уже нету, сердце колотится, чую я, наступает огонь.

Бегу, сослепу не знаю куда, ничего, почитай, не вижу, спотыкаюсь о кочки, а тут прямо из-под ног скачет заяц и бежит вперед меня безо всякого страха, хромает, стрижет ушами. Я за ним, думаю, может, вдвоем как-нибудь уйдем от погибели, потому лесной зверь лучше человека чует огонь. Отстать боюсь, кричу ему: «Потише беги, сделай милость!» А он сам едва скачет.

Сколько так бежали мы с зайцем, не припомню. Однако гарь стала легче. Я обернулся, вижу: огонь ветром в сторону отжимает, несет от нас на Красное болото. Тут я упал: кончились мои силы. Лежу, а рядом заяц лежит и громко дышит. Я глянул, а у него задние лапы обгорели.

Отлежался я, взял того зайца в мешок, и добрели мы до своего села. Понес зайца ветеринару, вылечить хотел. Ветеринар смеется. «Ты его,—говорит,—Прохор, лучше зажарь да с'ешь с картошкой». Плюнул я, ушел, обозвал ветеринара нехорошим словом.

Помер заяц. Перед ним я провинился будто перед дитем.

— Чем же ты, дед, провинился?

Прохор помолчал и улыбнулся:

— Как чем? А у зайца-то, у спасителя моего, ухо было рваное. Зверя ведь тоже понимать надо, как ты думаешь, милый человек?

— А, небось, все охотишься?— сказал я Прохору.

— Н-н-не, милай, что ты! Теперь я и ружьишко продал, ну его к лешему! Теперь я руки на зайца не подыму.

Возвращались мы с Прорвы к вечеру. Солнце садилось за Окой, и между нами и солнцем лежала серебряная тусклая полоса. Солнце отражалось в лучах, как в море. Солнце отражалось в густой осенней паутине, покрывшей луга.

Днем паутина летала по воздуху, запутывалась в нескошенной траве, седой пряжей налипала на весла, на лица, на удилища, на рога коров. Она тянулась с одного берега Прорвы на другой и медленно заплетала реку легкими и липкими сетями. По утрам на паутине оседала роса. Покрытые паутиной и холодными росами, ивы стояли под солнцем как сказочные дере-

вья, пересаженные в Мещорские земли из далеких стран.

На каждой паутине сидел маленький паук. Он ткал паутину в то время, когда ветер нес его над землей, и пролетал на паутине десятки километров. Это был перелет пауков, очень похожий на осенний перелет птиц. Но до сих пор никто не знает, зачем каждую осень летят пауки, покрывая землю своей тончайшей пряжей.

Дома я отмыл паутину с лица и затопил печь. Запах березового дыма смешивался с запахом можжевельника. Пел старый сверчок, и под полом ворошились мыши. Они стаскивали в свои норы осенние богатые запасы: забытые сухари и огарки, сахар и окаменелые куски сыра.

Под шорох мышей я уснул, и мне снилось, что звезды падают в озера, кружатся, шелестят и тонут, оставляя в черной воде золотой и пенистый след.

Глубокой ночью я проснулся. Кричали вторые петухи, неподвижные звезды горели на привычных местах, и ветер осторожно шумел над садом, дожидаясь рассвета.

Признание

Мещорский край стал второй моей родиной. Первой родиной для меня так же, как и для всех людей нашей страны, оставался Советский союз. Но любовь к моей огромной родине жила рядом с любовью к небольшому клочку советской земли, где каждая старая ветла над водой, каждая лесная заброшенная дорога, каждое облако, оставляющее на небе туманный след, похожий на след корабля в море, и даже запах сена и дыма — все напоминало о жизни с друзьями, прочитанных книгах, спорах, радости, о событиях, то смешных, то печальных, то полных глубокого смысла, то легких и задевающих сердце, и, наконец, о людях, простых и давно уже ставших своими: ворчливых стариках, любопытных мальчишках, жалостливых бабах, корзинщиках и рыбаках.

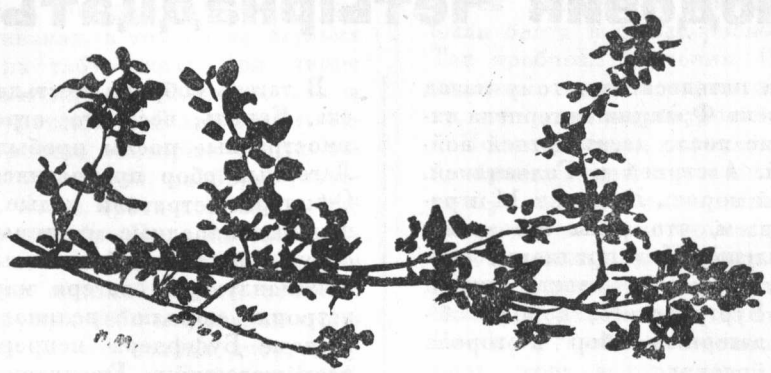
Так, постепенно росла любовь к этому краю, то чувство, которое мы привыкли называть любовью к родине. Оно состоит из гордости за свою страну и преданности ей, из любви к ее людям, городам, лесам и просторам, из любви ко всей ее, плохо нами изученной, прекрасной природе.

Я видел много примеров жестокости и тупости по отношению к природе. За бессмысленное убийство деревьев надо карать. Нам должны быть дороги каждая ветка, каждый родник холодной воды, каждый клочок зелени, дышащий травами и листвой.

Я вижу в будущем счастливую страну, где девственные заросли лесов, несущих свежесть и влагу, будут шуметь на площадях городов, бывших некогда каменными пустынями, страну, богатую и радостную от рощ, чистых и полноводных рек, неизмеримых полей, пахнущих пшеничной пылью, страну разумного труда, творчества и веселья.

Убийству природы должен быть положен конец. Из нашей жизни навсегда должен быть изгнан один из опаснейших врагов социалистического общества — обыватель и хищник с пустыми глазами, плюющий на природу и калечащий ее для удобства своей копеечной и бессмысленной жизни.

Если меня спросят, почему я написал рассказ о Мещорском крае, то я могу лишь ответить словами известного французского художника Альберта Сислея: «Я не буду рассказывать вам о всех небесах и странах, любимых нами, художниками. Я говорю сейчас лишь о тех, которые крепче всего заключены в моем сердце».



Людовик Четырнадцатый

Почти двести пятьдесят лет тому назад в конце 17-го века Франция потерпела тяжелое поражение после десятилетней войны с Испанией, Австрией и Голландией. Но французский король Людовик 14-й решил показать всем, что силы его армии далеко не сломлены. Под предлогом обучения военному искусству своего внука, юного герцога Бургундского, король об'явил большой лагерный сбор в городе Компьене.

В лагерь собрали шестьдесят тысяч войска. Король, весь его огромный двор и иностранные послы пробыли там неделю. Лагерный сбор превратился в праздник. Офицеры истратили целые состояния на пышные парадные мундиры, драгоценную сбрую для лошадей и званые обеды. Главнокомандующий лагеря маршал Буффлер устроил королю великолепный прием. В доме Буффлера непрерывно угощали всех желающих. Ежедневно у него выпи-

вали 600—900 бутылок самого дорогого вина. «Меркурий» — одна из французских газет того времени — писал, что у главнокомандующего работает 72 повара и 340 человек другой прислуги, мясо, дичь, рыбу привозят со всех концов Франции и из-за границы, 14 перекладных доставляют каждый день из Парижа фрукты и овощи, даже питьевую воду привозят издалека, из лучших источников.

На пятнадцать верст кругом Компьена все было заполнено народом. Войска, одетые в новую парадную форму, производили внушительное впечатление. Король сам показывал их дамам. Король был доволен. Небывалая пышность пиров и парадов заставила забыть позор поражения. Придворные, любуясь парадными мундирами и пышно украшенными палатками лагеря, забывали о тысячах других французских солдат, оборванных и измученных походами, погибших в несчастной войне.

Правда, этот блестящий праздник стоил Франции около 16 миллионов франков. Для разоренной страны это было почти то же самое, что новое военное поражение, но зато вся Европа снова удивлялась великолепию французского двора. А величие своей королевской особы Людовик 14-й ставил выше всего!

В это время королевская власть во Франции была ничем не ограничена: слово короля было высшим законом. Раболепные придворные восхищались каждым самым ничтожным замечанием короля, раболепные историки доказывали божественное происхождение королевской власти. Людовик сам, не шутя, считал себя полубогом: целая пропасть должна была отделять его от всех остальных людей, даже от ближайших его родственников. Только некоторые, самые знатные, дамы пользовались правом сидеть в присутствии короля, но сидели они не на креслах или диванах, а только на стульях без спинок — на табуретках; при дворе этих дам с почтением и завистью так и называли «табуретками». Были еще и частичные «табуретки», которые могли сидеть только по утрам или, наоборот, только по вечерам. Жена брата короля, конечно, была «табуреткой». Но когда она стала просить у короля права сидеть при нем на стуле со спинкой, он ей отказал.

Людовик окружил себя небывалой пышностью и блеском. Он создал двор, равного которому не было в Европе. Французский этикет, французская утонченность и роскошь надолго сделались образцом для дворов других европейских монархов.

В девятнадцати километрах от Парижа, в Версале, на месте охотничьего замка своего отца, Людовик построил новый, грандиозный дворец. Версаль был неинтересным, плоским местом, безводным и песчаным. В живописных окрестностях Парижа, конечно, можно было найти сотни прелестных уголков. Но Людовику ненужна была красота природы: она казалась ему слишком простой. Придворный архитектор и садовод Ленотр разбил около тяжелого и пышного версальского дворца огромные сады, украшенные статуями и фонтанами. Все тут было искусственно и чопорно. Ничего своевольного, ни одного неправильного сучка! Причудливо подстриженные деревья напоминали придворных в вычурных, неудобных костюмах. В этих садах не было тени, зато они целиком открывались взору, как на карте, поражая геометрическим великолепием своих правильных аллей, цветников, многочисленных прудов, каналов и фонтанов.

На постройке дворца работали 22 тысячи человек. Дворец поражал прежде всего своими размерами. Тут все было грандиозно, роскошно, пышно, но неудобно. Парадные залы были великолепны, особенно так называемая королевская галерея. На ее потолке знаменитый живописец Лебрен изобразил сцены из истории царствования Людовика 14-го. Но рядом с этими залами ужились грязные лестницы, темные и тесные жилые комнаты.

В огромном дворце помещалось множество народа. Придворные, которым не хватило места, строили себе дома поблизости или ездили в Версаль из Парижа.

Вся эта толпа, наполнявшая дворец, была одета в самые роскошные костюмы. Так требовал Людовик. Он ввел в моду пышный, завитой парик и высокие каблуки, увеличивающие рост.

Посмотрите на портрет. Художник Риго изобразил короля во всем его великолепии: в нарядном, отделанном кружевами костюме, в бархатной мантии, расшитой золотом и подбитой горностаем. Над королем нависают складки дорогой тяжелой ткани, подхваченной золотыми шнурами. Все вокруг величественно и пышно. Король стоит в горделивой позе, опираясь

на свой скипетр, символ власти. Тут же лежит корона. На боку у короля меч, но он кажется таким неуместным на этом кружевном и бархатном наряде! Лицо короля ничего не выражает кроме величавого самодовольства. По отзывам современников, это было обычное выражение Людовика: он считал неприличным для великого монарха обнаруживать живые, человеческие чувства.

Вся жизнь членов королевской семьи проходила на виду. Умывание, одевание, еда — все превращалось в торжественную церемонию. Право присутствовать при королевском туалете считалось величайшею честью. С самого пробуждения короля в его спальне теснился народ. Это были самые знатные и близкие королю лица, обладавшие правом «великого входа». Торжественно откидывался полог кровати. После того как на короля было надето утреннее платье, входили лица, обладавшие правом «второго входа». Они заставали короля уже за обуванием. Рядом со спальней, в кабинете, собирались к этому времени все, кто имел доступ в эту комнату. Остальной двор ожидал выхода короля в галерее. Все стремились проникнуть поближе к «королю-солнцу», как прозвали Людовика придворные льстецы. Ловили каждый его взгляд.

Права каждого придворного были строго определены в зависимости от его знатности и близости к королю. Двор зорко следил за соблюдением этих прав. Из-за почетных мест на торжествах происходили горячие стычки. Один родственник короля, младший из принцев Бульонских, пошел по учебно-богословской части. Он должен был защищать в Сорбонне диссертацию. На выступление такого знатного ученого собралась, конечно, самая блестящая публика. Пришел и герцог Куален, человек необычайно вежливый. Опасаясь, что потом придут герцоги старше его по званию, он занял место позади. Но тут явился президент парламента, который был совсем незнатного происхождения, и уселся перед Куаленом. Наш вежливый герцог взбесился: он сорвался с места, подбежал к президенту и шлепнулся вместе со своим креслом прямо на него. Конечно, поднялся шум. Куален не вставал, придавив, как тисками, ноги президента. Доклад был прерван. Вне себя от гнева, Куален заявил, что он защищает честь всего сословия, и вся титулованная знать с ним согласилась. На утро Куалена вызвал к себе сам король и похвалил за решительность.

Все это придворное общество несмотря на свою галантность и блеск было по существу грубым и невежественным. По целым дням во дворце пьянствовали, играли в карты. Воровство было во дворце делом самым обыкновенным, каждый должен был зорко следить за своим карманом. Однажды брат короля, играя в карты, дал кавалеру д'Антену, одному из знатных придворных, подержать свою шляпу с выигранными деньгами. Д'Антен не постеснялся выкрасть часть этих денег.

Аристократия в это время не имела прежней власти, все решал сам король, все милости она получала из королевских рук. Какая независимость или самостоятельность могла сохраниться у людей, оспаривающих друг у друга честь застегнуть королю платье или подать воду для умыванья?!

Только в одной области дворяне занимали прежнее положение. Этой областью была война. А войны Людовик вел почти непрерывно. Главная цель этих войн — подчинить Англию и Голландию торговым интересам Франции, перехватить у слабеющей Испании господство над миром. Ради этого Людовик увеличил армию до небывалых размеров и обложил население новыми налогами. Он вел войну самыми жестокими средствами, не останавливаясь ни перед чем. Его противники были правы, утверждая, что нет ни одного договора, который бы Людовик не нарушил. В мирное время без всяких оснований он захватил имперский город Страсбург. «Христианнейший король» до тла уничтожил мирный Пфальц только для того, чтобы не дать там укрепиться противникам. Французские военачальники об'явили почти полумиллиону людей, чтобы они в три дня очистили свои жилища. Толпы мирных жителей с детьми побрели по занесенным снегом дорогам: они стали нищими. Освобожденные местности подожгли, города разрушили, и цветущая область по Рейну превратилась в пустыню. Когда король воевал с Нидерландами, население само прорвало плотины, защищающие страну от моря, предпочитая разорение ненавистному господству короля. Наводнение заставило французов отступить. Против королевских войск здесь выступил республиканский народ.

В первую половину царствования Людовика войны его были успешны. Но дальше во Франции начались голод и разруха. И на фронтах Людовик начал терпеть поражение за поражением несмотря на многочисленную и хорошо вооруженную армию. Побеждали буржуазные страны Англии и Голландии, более передовые и более богатые. Те области, которые были захвачены Людовиком в результате долгих войн: Страсбург, Франш-Конте и ряд городов по границе с испанскими Нидерландами, — стоили Франции страшных жертв.

«Король-солнце» разорил страну своей безумной роскошью и войнами. Крестьянство жило в нищете и платило королю огромные налоги. Платили за землю, за соль, за самое право жить и даже за право умирать, потому что при Людовике была введена особая плата за свидетельство о смерти, без которого не разрешали хоронить. Против этого налога было восстание женщин в Провансе. Там у одной бедной старухи умер ее единственный сын, старуха и так не знала, чем она будет жить дальше, а тут приходилось продавать последнюю рухлядь, чтобы сколотить деньги на свидетельство. Соседки подняли настоящий бунт: они собрали толпу и бросились к дому сборщика налогов.

— Это уж слишком бессовестно—грабить человека и после смерти!—кричали женщины.

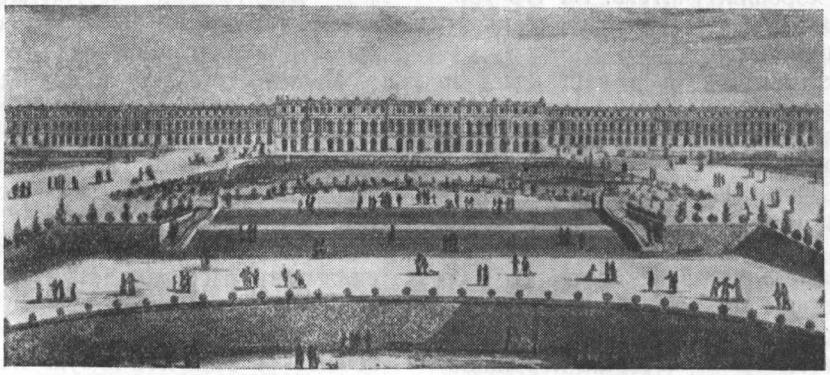
Дом сборщика был разгромлен. Сам он еле спасся. Но, конечно, этот налог король не отменил.

Крестьянские волнения не прекращались во время царствования Людовика. То в одной, то в другой провинции поднимались голодные бунты, бунты против налогов, бунты против общественных работ. В бретонских деревнях крестьяне вели настоящую войну с правительством.

Один бедный сельский священник, Жан Мелье, покончивший самоубийством, в своем «Завещании» выразил протест народных низов против бога, короля и богачей. Мелье писал:

«Нет других королей, которые так далеко простирали бы свою неограниченную власть, которые ввергли бы свои народы в такую бедность, в такое рабство и в такие лишения, как французские короли, и никакой другой король не заставил литься столько крови, не принес в жертву столько человеческих жизней, не исторг столько слез у вдов и сирот, не подверг разорению и опустошению столько городов и провинций, как король Людовик 14-й, прозванный великим поистине не за великие и похвальные деяния, совершенные им, ибо он ничего такого не совершил, что заслуживало бы этого имени, а за поистине великие несправедливости, за великое воровство, за великую узурпацию, за великое разорение и истребление людей, которые совершались по его приказанию во всех концах света, на море и на суше».

Н. Ильина.



П О Ч Т А

До нового года осталось немного — всего один месяц. Мы хотим, чтобы в будущем году наш журнал стал еще лучше, еще интереснее.

Пусть все читатели напишут, как им нравится журнал и что они хотели бы прочитать в 1937 году. Мы постараемся исполнить их просьбы!

Напишите, какие рассказы, стихи, повести, рисунки вам понравились. Не бойтесь писать и о том, что было неинтересно, скучно. Какие новые отделы надо ввести?

Надо серьезно подумать и над тем, как интереснее и лучше сделать отдел «Почта». Нужно ли помещать в нем рассказы? Может быть, нужно изменить название?

Самые важные предложения мы напечатаем, а когда будем составлять план на будущий год, — все их обязательно обсудим.

Ждем предложений.

Интересный урок

Письмо Вовы Федорова

Москва, 3-й Тверской-Ямской, д. 7/44

Больше всех уроков я люблю уроки естествознания. Наш учитель Сергей Петрович — очень хороший учитель. На его уроках всегда интересно и ребята слушают его очень внимательно.

Как-то раз он пришел в наш класс и говорит:

— Сегодня, ребята, я расскажу вам про жителей моря.

С собой Сергей Петрович принес много картинок. На них были нарисованы медузы, кораллы, блестящие глубоководные рыбы и удивительные растения. Этот урок был самым интересным из всех уроков. Сергей Петрович рассказывает очень хорошо. Мы слушали его и смотрели на яркие картинки. Я представил себе, как интересно и страшно, наверное, на дне моря.

«Вот водолазы счастливые, они все видят!»—подумал я.

Вдруг Сергей Петрович спросил одного мальчика:

— Вот ты, например, купаешься, и вдруг рядом с тобой появится медуза. Как ты думаешь, она укусит тебя?

Мальчик подумал и сказал:

— Они колются, как иголки.

— Нет, — ответил Сергей Петрович, — медузы не колют, а если дотронутся до тела, обжигают. Но бывают совсем безвредные медузы.

Сергей Петрович всегда так делает: рассказывает, рассказывает, а потом вдруг кого-нибудь спросит из ребят. Но ребята на его уроках не шалят и поэтому всегда отвечают. А если кто-нибудь не может ответить, Сергей Петрович об'ясняет сам.

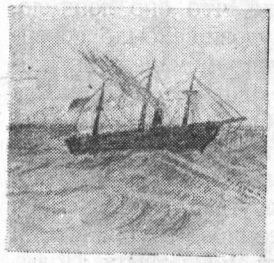
На этом уроке он нам рассказал много интересных историй про краба, рака-отшельника.

На помощь Шуре и Геле!

Письмо Бори Фадеева

Москва, Садовая Земляника, д. 83

Рисунки Геры Гольдштейн



По морю плыл корабль.

Я прочитал в журнале «Пионер» № 6 письмо Гели и Шуры. Сначала я позавидовал им: мне захотелось попасть на «Ялмез», но потом я испугался. Ведь они там одни без всякого оружия и не могут вернуться на землю. Скорей! Надо помочь товарищам, решил я. Но как им помочь? Ведь все металлические предметы, если мне даже и удастся их отправить на «Ялмез», распадутся так же, как распался автомобиль. Значит, ракету посылать нельзя. Воздушный шар? Тоже не годится.

Вдруг я вспомнил про шагреневую кожу. Я читал о ней в книге Бальзака «Шагреневая кожа». Эта кожа не поддается действиям кислоты, она не растягивается, не рвется, ее никаким способом нельзя разрезать: такая она твердая и крепкая. Может быть, в ней можно послать письмо на «Ялмез» и все необходимые приспособления для спуска ребят на землю?

Но где достать шагреневую кожу?

Я бросился бегом в Академию наук, к одному знакомому профессору:

— Мне нужна шагреневая кожа, — запыхавшись, сказал я.

Профессор выслушал меня, очень подробно все расспросил. Я ему рассказал про то, как Шура и Геля попали на планету и не могут спуститься.

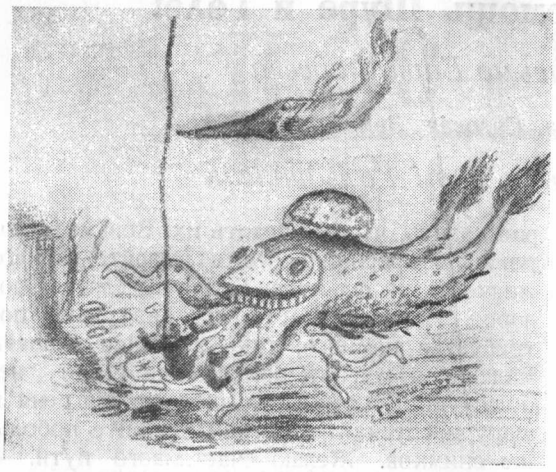
Через пять дней я держал в руках мешок из шагреневой кожи. Кроме того профессор дал мне порошок и жидкость, которые при соединении выделяли водород. В мешок я положил воздушный шар в свернутом виде, фотоаппарат «ФЭД», порошок, флакон с жидкостью и письмо:

«Здравствуйте, дорогие ребята Шура и Геля! Ваше письмо мы получили. Многим ребятам не верится, что вы действительно попали на какую-то планету. Когда вы спуститесь на землю, вам придется самим все рассказать, чтобы убедить их. Возьмите порошок в красной коробке, вылейте на него жидкость из флакона. Будет выделяться водород. Наполните им шар. Газа вам потребуется немного, так как ваша планета маленькая и силу притяжения имеет небольшую. Привяжите мешок из шагреня к шару и спускайтесь в нем. Делайте побольше снимков. Желаю счастливого пути. С пионерским приветом Борис Фадеев».

После того как я все уложил в мешок, передо мной встал очень трудный вопрос: где найти такую силу, которая вытолкнула бы шагреневую кожу, и она долетела бы до «Ялмеза»? Я долго думал, советовался с ребятами и, наконец, решил спуститься на дно моря, выбрав при этом большую глубину. На дне я решил отпустить наполненный водородом шагреневый мешок, и, по моим расчетам, он должен был с необычайной силой вылететь из воды и долететь до «Ялмеза».

...струя воздуха разгоняла воду.

И вот я в особом костюме стою на борту корабля готовый к спуску. Мне дали сигнал, и я бухнулся в воду. Впереди себя я держал резиновый шланг, по которому с корабля шла сильная струя воздуха. Эта струя разгоняла передо мной воду, и мне было очень легко опускаться. Кругом была непроглядная тьма. Сквозь стекло маски я видел, как мимо меня проплывали блестящие рыбы. Слышно было, как работал мой небольшой приборчик, разлагавший воду на кислород и водород. Кислородом я дышал. Вдруг раздался сильный грохот, точно свалилась каменная громада: это я коснулся ногами морского дна (ведь в воде звук раздается очень сильно). Вокруг меня была масса ярких, сияющих нето растений, него



Чудовище обхватило меня.

животных. Мешок из шагреневой кожи был прицеплен к поясу, я отцепил его и держал в руках. Вдруг сияющее дно исчезло — все померкло. Какое-то страшное чудовище мягко подплыло ко мне, оно даже не плавало, а как будто шло по дну. Оно обхватило меня цепкими лапами. От испуга я отпустил мешок, но он никуда не полетел. Что случилось? Стало совершенно темно. Меня окружала какая-то странная теплота. Вдруг что-то хлопнуло, стенки, сжимавшие меня, расширились, и я вылетел наружу. Впереди образовался пенистый столб — это, верно, шагреневая кожа полетела вверх. Страшное чудовище с разорванным брюхом как тряпка валялось на дне. Теперь я понял, что случилось со мной. Чудовище проглотило меня вместе с резиновым шлангом. Из шланга шла сильная струя воздуха, воздух так надул чудовище, что оно лопнуло, и я вылетел наверх. Чудовище было совершенно гладкое с множеством маленьких коротких ног на животе, видно, оно никогда не отделялось от дна. Оно еще шевелилось, но скоро умерло. Я стал искать вокруг себя шагреневую кожу, но ее нигде не было. Боясь встретиться с другим чудовищем, я прекратил действие резинового шланга, и вода начала выталкивать меня вверх. Подымался я быстро. Сияющее солнце чуть не ослепило меня. На поверхности моря я увидел корабль. Меня быстро подняли на корабль и сняли с меня костюм. Я стал спрашивать, не видели ли они, как пролетела шагреневая кожа. Они мне сказали, что видели, как из воды со страшной быстротой вылетел шар и быстро скрылся за облаками. Быстрота, говорили они, была очень большая.

«Ну, — решил я, — может, шагреневый мешок и долетит до «Ялмеза». Теперь будем ждать Шуру и Гелю на землю».

В шестом номере журнала «Пионер» было помещено «Письмо с неба» двух мальчиков — Шуры и Гели, случайно попавших на неизвестную планету «Ялмез». В этом письме, удивительным образом очутившемся на Земле, ребята рассказывали, как под влиянием паров на «Ялмезе» распался их автомобиль и они теперь не могут спуститься на Землю.

Мы получили много различных проектов спасения ребят. Многие ребята предлагают послать на помощь ракету.

Боря Мокиевский предлагает Шуре и Геле смастерить машину из металлов, которые есть на планете, и спуститься на землю.

То же предлагает и Белла Немировская. Поля Плисецкая предполагает, что планета «Ялмез» — это Марс. Вероятно, пишет она, когда ребята сломают стену из колючек, то встретят марсиян и найдут общий с ними язык. Мы не поместили всех этих писем потому, что их очень много и они не уместятся в журнале. Мы помещаем пока письмо Бори Фадеева. Напишите, согласны ли вы с ним. Какие ошибки вы в нем находите. Присылайте свои проекты, самые интересные из них напечатаем.

Рисунок Юры Турченко. Харьков

«Конница Буденного».

Встреча с Чапаевым

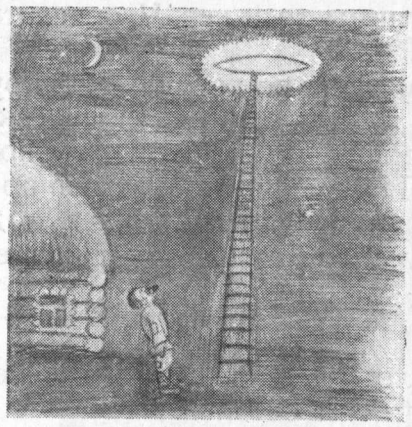
Стихи Миши Пастушенко

Интересный был со мною
Случай. Как
не рассказать!
Раз в село мое родное
В'ехал партизан отряд.
Загорелым, быстроногим
Я тогда мальчишкой был.
Я смотрел, как по дороге
Кони шли,
Клубилась пыль.
Партизаны у нардома
Спешились,
И вдруг ко мне
Дядя стройный незнакомый
Под'езжает на коне.
Показался мне он
страшным.
Быстрый конь замедлил
шаг.

На боку у дяди шашка,
Бурка на его плечах.
Он спросил,
в глаза мне глядя:
— Что, малыш, разинул
рот?
Я хотел бежать. Но дядя
Слез с коня и вдруг берет
Меня на руки — я вижу,
что совсем не страшен
он —
И смеется:—Не обижу!
Кто твой папа? Где
твой дом?
— Нет,— сказал я,—
папы дома...
Расстреляли в прошлый
год

Беляки...
А незнакомец говорит
мне: — Не горюй!
Беляков все реже стая,
Скоро,
Скоро им конец!
Ты ж, героем вырастая,
Будь таким, как твой
отец.
За него отплатишь
белым,
Если с ними будет бой.
Бейся крепко, бейся смело,
А теперь—беги домой!
И с тех пор я вспоминаю
(память время не убьет),
Как увидел я Чапая
В темный вечер, в грозный год.

Лисенка Рыжика знают все ребята, которые бывали в Артеке. Рыжик живет в живом уголке краеведческого музея Артека. Эта фотография снята сверху, и кажется, будто лисенок стоит; на самом деле он лежит на полу клетки.



Как бедный мужик богатого обманул

(Сказка)

Эту сказку записал Юра Золотов в деревне Бортниково, Коммунистического района, Московской области, он же нарисовал к сказке рисунок.

Шли путем-дорогой два мужика: богатый и бедный. Шли они, шли и нашли на дороге свиной окорок. Как быть? Как его разделить?

Вот богатый мужик и говорит бедному:

— Кто за ночь во сне выдумает историю почуднее, тот пускай и берет окорок, а когда один будет рассказывать, то другой пусть не перебивает. А если перебьет, то пусть отдаст двести рублей.

Бедный мужик согласился. Вот пришли они в деревню и легли спать. Ночью встал бедный мужик, с'ел окорок и опять лег спать.

Вот на утро просыпается бедняк и говорит:

— Ну рассказывай, а я слушать буду.

Богатый мужик и начал:

— Вышел это я в первом часу на улицу. Гляжу, а посреди улицы стоит лестница, в небо упирается. Я забрался по ступенькам на небо, а на небе-то у бога бал. На столе яства всякого видимо-невидимо: и жарено, и парено, и засолено, и варено—ешь не хочу.

И начал врать. А бедняк слушает да в бороду смеется. Врал, врал богатый мужик и замолчал. Бедный мужик ни одного словечка не вымолвил, богатый даже обозлился. Вот бедный мужик и говорит:

— Эко диво! И я эту лестницу видел. Вышел ночью выпить воды, а она и стоит. А на ступеньках видны твои следы. Я и полез на небо искать тебя. Влез на небо, там и, правда, пир горой идет, а за столом ты сидишь, свинину ешь, сало течет по губам. Я спустился вниз, на землю, взял да и с'ел окорок, думаю, ты ж все равно сыт. Зачем тебе этот окорок?

Заскрипел богатый мужик зубами от злости, а молчит, не хочет отдавать двести рублей. А бедный мужик дальше врет:

— С'ел это я свинину, вытер губы да опять на небо полез, хотел я там вина выпить. Влез туда, тебя уж там нет и вина нет.

Хотел спускаться обратно, гляжу, а лестницы-то и нет. Что делать? Как быть?

Гляжу: рядом мужик веет рожь, а мякина по ветру летит, крутится. Я эту мякину схватил и стал вить веревку. Свил я веревку, стал спускаться на землю, а в веревку мышь попалась с мякиной, стала она веревку грызть и перегрызла. Я на землю упал, землю прошиб да прямо в ад попал. А в аду-то черти на твоем папаше воду возят, а мой отец в кучерах сидит да дубинкой его подстегивает.

Богатый не выдержит, как закричит:

— Врешь! Врешь! Вре-е-ешь!

Мужику бедному того и надо было: уговор дороже денег. Получил он с богача двести рублей да и сыт остался.

Мой „зоопарк“

Письмо Иосифа Пинелис

УССР, г. Бар, Винницкая обл., переулок 8 марта

Я уже целый год собираю почтовые марки. Я собираю только те марки, на которых изображены звери. Посылаю вам 5 таких марок, хотя у меня их очень много; целый „зоопарк“.

Сейчас я решил собирать советские марки. Я хочу собрать все марки, которые у нас выпускали, начиная с гражданской войны и кончая марками, выпущенными недавно, чтобы получилась вся история СССР.

Жизнь в вечной мерзлоте

Профессор П. Н. Каптерев

Окаменелости—загадка для ученых

Кто их не видел, этих окаменелостей,— остатков раковин, что показывают на уроках по естествознанию? Давным давно их находили. А что они означают, никто понять не мог сотни лет.

Мне приходилось быть в Швейцарии, в Альпах, на высоких горах. Идешь по горам и вот уже на большой высоте находишь у дороги раковины. Посмотришь внимательно, оказывается, раковины-то морские.

Спрашивается: как могли морские раковины попасть на такую большую высоту, почему они окаменели? Как попадали морские животные на такую высоту? Что здесь было раньше? Это всего более занимало ученых.

Наука в то время была еще в детском состоянии. Природу люди представляли себе богиней, которая могла и пошутить, взять да и забросить каких-нибудь рыбок или раковины на вершину горы. Ученые так и об'яснили это — «игра природы», и тогда такое об'яснение считалось научным.

Потом появилось и другое об'яснение: ходили богомольцы в Рим, поклониться папе римскому, набрали у моря раковин на память (ведь даже когда из Крыма едут, всегда везут раковины), а потом, как полезли на горы, тяжело стало тащить эти раковины, богомольцы их и побросали, вот эти раковины и остались на высоких горах.

Об'яснение это ничем не лучше первого. Теперь-то мы знаем, что на месте Альпийских гор когда-то было море. Его дно потом поднялось и смялось в складки. Эти складки и есть Альпийские горы.

Загадку задавали людям и выкопанные из земли кости. Во Франции, например, выкопали бедренную кость, величиною в метр, поглядели на нее, подумали чья она может быть и решили, что это бедро императора Карла Великого, который царствовал больше тысячи лет назад. Раз великий, значит, и большой. Очевидно, это и есть его бедро. Бедро это очень почитали и к нему прикладывались. А оказалось, что это бедро вымершего слона, мамонта. Только узнали-то об этом спустя сотни лет.

Второй случай. Лет триста назад нашли в Валенсии в Испании зуб, размером больше кулака. Чей был зуб? Решили, что это

зуб святого Христофора. Хорош был этот Христофор, если у него зуб был с кулак! Этому зубу тоже поклонялись. Потом уже выяснилось, что это зуб вымершего слона.

Двести лет назад в Германии нашли плиту из песчаника, и в ней какое-то странное существо с большой головой. Были видны позвонки и ребра, а ростом это существо было с человека. Решили, что это допотопный человек, который погиб во время потопа: его убило, песком придавило, он так и спрессовался. Его показывали публике, над ним даже была повешена надпись: «Вот печальный свидетель потопа. Не греши, а то так же утонешь». Оказалось, что это было земноводное животное— саламандра, родственная нашим тритонам и лягушкам. Гигантские саламандры в этом роде водятся и сейчас в Японии.

Но кости слонов и мамонтов смущали людей всего больше. Известно, что ни во Франции, ни в Англии теперь слоны не водятся. Они живут в Африке и в Индии, и вдруг скелеты слонов оказались во Франции. Откуда они могли взяться? Говорили, что с римлянами воевали карфагеняне — африканский народ. Они привели с собой боевых слонов, которые подохли, и кости от них остались во Франции.

Затем нашли множество костей слонов и в Англии, а было известно, что за всю древнюю историю в Англию был ввезен только один слон, там же нашли целое кладбище слонов. Откуда они могли попасть в Англию? Полтораста лет назад наука еще не могла разобраться, в чем тут дело.

Ученые тогда решали так: когда-то и во Франции, и в Германии, и в Англии был совершенно другой климат, и не только климат другой, но другой животный и растительный мир. Там действительно водились слоны и носороги. Прежние носороги, оказывается, не были похожи на теперешних, как мамонт непохож на теперешнего слона. У мамонтов и зубы и бивни не такие, как у современных слонов. Современный африканский слон иногда бывает выше мамонта, но мамонт грузнее, тяжелее, у него голова больше чем у слона и бивни тоже больше. Были вымершие теперь слоны и других видов, гораздо больше мамонта. Скелеты таких слонов найдены, например, в Англии. Их бивни были прямые и достигали 4 метров длины. Эти слоны были выше мамонта, и человек прошел бы под их животом не сгибаясь. Кости их найдены много позже чем кости мамонтов.

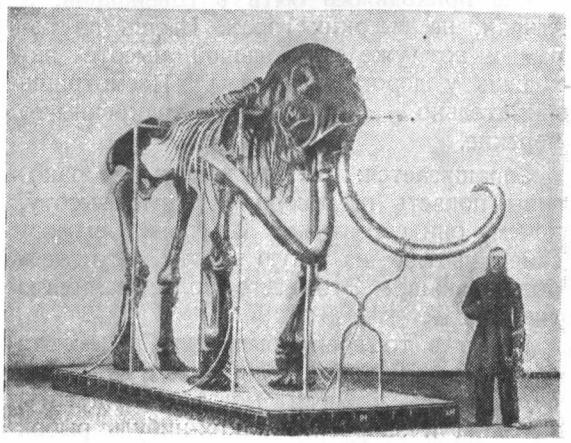
Во времена Екатерины II, когда Россию считали совершенно дикой страной, русские ученые нашли в Сибири не только кости, но целого мамонта, у которого и кожа сохранилась, и мясо, и шерсть.

Когда 170 лет назад это известие пришло в Европу, там никто этому не поверил. Вся беда в том, что не привезли ничего: показать было нечего.

Мамонты в Сибири

Первый, кто не только увидел мамонта, но и привез его остатки, был ученый Адамс. Это было 130 с лишним лет назад. Вот как это произошло. Охотник-тунгус Шумахов нашел этого мамонта на побережье Ледовитого океана. Он увидел, что из земли торчит что-то страшное, ни на что не похожее. Бивни мамонтов в то время знали потому, что они здесь встречались довольно часто, ими торговали как слоновой костью, но на этот раз за бивнями лежала голова, на которой была кожа, даже глаза были видны, а все тело было покрыто рыжей шерстью.

Об этом дошло до сведения губернатора, наконец, до сведения Академии наук. Только через три года послали экспедицию и вытащили мамонта. Мясо настолько хорошо сохранилось, что дикие звери его с'ели. Остались только куски. А шерсть вокруг образовала грязную массу. Это звери, когда приходили драть мясо, втоптали шерсть в землю. В этом виде мамонта привезли в



Скелет мамонта, найденный на побережье Ледовитого океана.

тогдашний Петербург, в Академию наук. Он и сейчас стоит там. На голове и на ногах, у ступней, сохранились частицы сухой кожи.

Долго не могли понять: как мамонт мог попасть на побережье Ледовитого океана? Пробовали об'яснять даже так. Был всемирный потоп, все было залито водой. Сибирь понижается к северу, а слоны утонули где-нибудь в Индии. Их трупы принесло на север, под откос, вниз, а там, в холоде, они и замерзли.

Конечно, это об'яснение никуда не годится. Если бы и был всемирный потоп, то трупы мамонтов в воде давно разложились бы.

Еловые шишки в желудке мамонта

Ровно 90 лет назад, в 1846 году, произошло удивительное событие.

Молодого инженера Бенкендорфа командировали на реку Индигирку, впадающую в Ледовитый океан. Он должен был обследовать район у ее устья. Лето 1846 года было необыкновенно теплое. Все время шли дожди. Здесь река бежит по тундре. Берега пропитались теплой дождевой водой и стали подтаивать. Река разлилась шире и проложила себе новые русла. Большие глыбы земли падали с берегов, мутные, грязные воды несла река по новому руслу, шириной в пять километров.

Исследователи ехали на паровом катере, натыкаясь на плывущие деревья и целые торфяные острова, которые несла бурная река. Исследователей должны были встретить рабочие-якуты с лошадьми, для того чтобы помочь произвести обмер для составления карты. Экспедиция высадилась на берег и расположилась лагерем, а якуты еще не приезжали. Однажды Бенкендорф увидел, что из мутной воды вдруг показалось какое-то черное чудовище. Когда рабочие увидали его, то они закричали от ужаса. Показалась громадная голова с очень большими белыми бивнями и хоботом. Хобот делал движения, как будто бы кого-то ловил.

Инженер сразу догадался, что это мамонт. Впечатление было такое, что он живой, но мамонт, конечно, не был живым. Течение воды колебало его тело, и хобот раскачивался в разные стороны. Мамонт то поднимался, то опускался, а задние ноги его еще держались в мерзлом дне реки.

Бенкендорф распорядился привязать мамонта, чтобы его не унесло водой. Вбили колья на берегу, вокруг шеи и бивней обмотали цепь, попробовали подергать, но мамонт не вылезал: вмерз крепко. Решили ждать до следующего дня. За это время приехали рабочие-якуты с лошадьми. Мамонт успел оттаять и колыхался на волнах. Его удерживала только цепь. Впрягли лошадей, вместе с ними впряглись и 50 рабочих, чтобы вытащить мамонта на берег. С большим трудом они его вытащили на берег. Мамонт был цел совершенно и покрыт бурой шерстью. Шерсть была с подшерстком, с пухом, она свисала бахромой с боков тела. Видны были глаза: казалось, что мамонт смотрит.

Когда его разложили на берегу, Бенкендорф стал его вскрывать. Прежде всего он взялся за желудок мамонта, чтобы вскрыть его и по остаткам пищи решить, чем мамонт питался. Ведь по этому можно было бы судить, какой был климат в Сибири в то время, когда там жили мамонты.

Мамонта вскрыли. День был жаркий, и труп сейчас же начал разлагаться. Стали отделять желудок. Он был полон пищей.

Оттащили желудок, инженер разрезал его ножом и увидел полупережеванные еловые шишки и ветки елки, лиственницы и других деревьев, которые растут в Сибири и теперь. Бенкендорф был поражен. Значит, мамонт жил не в тропическом климате и питался не пальмами, как до тех пор думали. Он питался хвойными деревьями. Значит, мамонты жили в этой же Сибири, в том же климате, какой там и теперь.

Вдруг Бенкендорф услышал страшный крик: обвалился берег, мамонт и пять рабочих упали в реку, их понесло течением. Инженер успел выскочить, лодка была близко, рабочих спасли, но мамонт исчез. Бенкендорф не успел ни зарисовать его, ни взять хотя бы один кусочек трупа.

Когда Бенкендорф вернулся в Петербург и рассказал об этом, на него посмотрели косо и сказали:

— А какие есть у вас доказательства?

— Да вот я видел, рабочие видели.

— Этого мало.

Так этому рассказу и не поверили. Вопрос о мамонте так и остался открытым.

Находка на реке Березовке

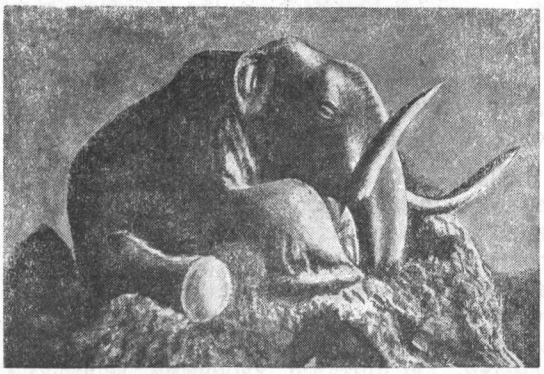
Прошло более 50 лет. В апреле 1901 года в Академию наук пришла телеграмма от якутского губернатора:

«В Якутской области, на реке Березовке, притоке Колымы, в 300 верстах от Среднеколымска, найден прекрасно сохранившийся труп мамонта».

Сейчас же, в начале мая 1901 года, к месту находки за мамонтом выехала экспедиция Академии наук.

Берег реки Березовки высок и покрыт лиственницей. Это — хвойное дерево, которое на зиму теряет хвою, совсем как береза или осина теряют свои листья. Лиственница — основная порода деревьев в огромных лесах, тянущихся на тысячи километров в Северной и в Восточной Сибири. В отдалении от берега были видны горы, тоже покрытые лесом.

Наконец, путешественники увидели и мамонта.



Мамонт, откопанный на реке Березовке.

Его голова торчала из земли. Один бивень вывалился сам собою и лежал около. Другой бивень был отрублен раньше и увезен. Его потом купили за 150 рублей и вставили на место. Кожа на голове расползлась и свалилась вниз вместе с остатком хобота, а конец его был с'еден зверями. Почти голый череп торчал наружу. Видны были две согнутые передние ноги. Мамонт как будто старался вылезть из земли. Пришлось отогревать землю вокруг мамонта, иначе его нельзя было бы выкопать из мерзлой земли.

Неделю отогревали землю. Потом целых шесть недель откапывали мамонта. Оказалось, что он «сидел» в земле по-собачьи, только сильно пригнувшись к земле. Слоны никогда так не сидят. Часть мяса сохранилась так хорошо, что его охотно ели собаки. Позвоночный хребет, ребра и таз были повреждены. Из внутренностей хорошо сохранился только желудок. Вместо кишок оказалась глыба льда. Мамонт был покрыт шерстью, похожей на верблюжью.

Очень важно было, что сохранился именно желудок. Когда его вскрыли, то вынули из него килограммов 12 почти не переваренной пищи. Ее удалось подробно изучить. Ученые смогли даже определить, из каких растений состояла эта пища. Между зубами у мамонта оказался пучок травы, которую он не успел прожевать.

Теперь можно было наверное сказать, в каком климате жили мамонты. Растения оказались те же самые, что и теперь растут в Сибири, по берегам той же реки Березовки. В пище мамонта оказались главным образом разные виды осоки и полевых злаков, а также ветви березы, ольхи и лиственницы.

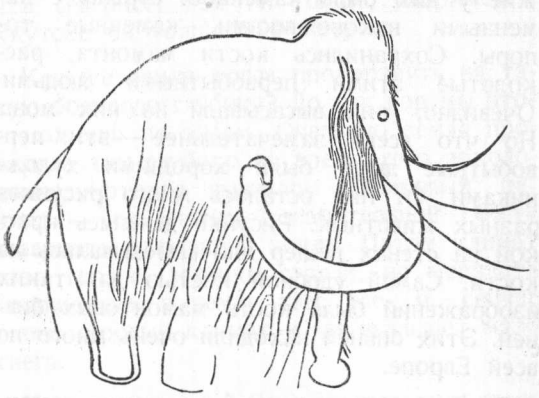
Значит, Бенкендорф был прав! Напрасно ему не поверили. Мамонты водились там же, где теперь находят их скелеты и трупы. Климат Сибири при жизни мамонтов был похож на теперешний. Если бы он был теплее, то и растения были бы другие.

Как погиб березовский мамонт

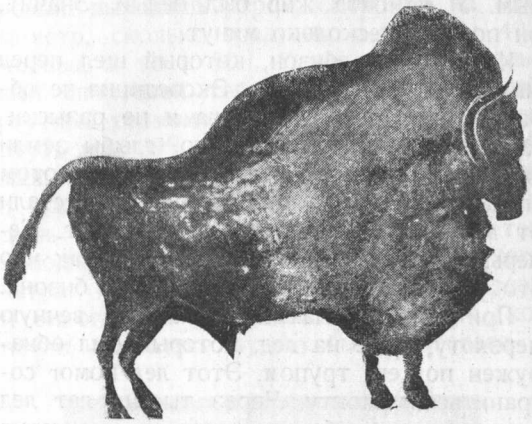
Никто не видел, как погиб мамонт. Однако ученые сейчас дошли до того, что могут описать гибель мамонта так, как будто они при этом присутствовали. Над этим работала в последнее время доктор М. А. Дурденевская, которая позволила мне воспользоваться ее еще ненапечатанной работой.

Теперь расскажем, как погиб мамонт. Он шел по берегу реки Березовки, где был луг. Часть этого луга была вроде болота. Это мы знаем по тем остаткам растительности, которые найдены в желудке и между зубами мамонта. Дело было рано утром, в августе. Как можно узнать

Рисунки первобытных людей на стенах пещеры



Мамонт.



Бизон.

с такой точностью время, когда погиб мамонт?

Очень просто. Пища в желудке мамонта была не переварена и плохо пережевана. Очевидно, он был голоден и наспех наполнил свой пустой желудок. Это бывает со слонами обыкновенно рано утром, так как ночью они не едят. Днем же они едят все время, поэтому в желудке была бы еще и наполовину переваренная пища, если бы он погиб днем. А переваренной пищи не было. Значит, он ел натощак, то есть утром.

Почему мы думаем, что мамонт погиб именно в августе? Потому, что мы знаем, когда в тех местах созревают семена разных трав. На тех травах, которые были найдены в желудке мамонта и между зубами, оказались зрелые и притом неосыпавшиеся семена, и оказалось, что эти семена созревают там именно в августе.

Мамонт шел с одного пастбища на другое или, всего скорее, к реке, на водопой. Впереди него шло стадо бизонов. Откуда мы взяли, что тут были бизоны? До сих пор о бизонах не было и речи. Вот откуда: хвост бизона был найден в 13 сантиметрах от левой передней ноги мамонта. Сохранился он так же хорошо, как и мамонт. Так как хвосты отдельно от животных не ходят, то, значит, где-то рядом с мамонтом были и бизоны. Почему же найден был один только хвост?

Внимательное изучение показывает, что мамонт шел за бизонами по краю обрыва, над рекой Березовкой. Животные очень часто ходят на водопой гуськом, даже толкая друг друга. Почти все бизоны прошли благополучно, но расшатали подтаявшую почву. Когда шли последние бизоны и грузный мамонт, почва не выдержала и обрушилась вниз. Однако высота обрыва была небольшая, и падение было неопасно, от него мамонт не мог бы погибнуть. У него кости всех ног оказались целы, кроме одной плечевой, он их не поломал при падении.

Удивительно, что у него сильно поломаны верхние кости туловища. Если бы он упал на спину, то это было бы понятно. Но ведь он был найден в сидячем положении. Исследование кровеносных сосудов мамонта, переполненных кровью, показало, что он перед смертью задыхался. Мало того, он задохнулся не сразу. Мамонт упал с небольшой высоты, и его засыпало землей. Он пробовал вылезть, все кости его были целы. Когда он выбивался из обвала, то своими резкими движениями вызвал новый обвал. Минуты через полторы—две на него сверху упала новая большая глыба, которая раздавила его, поломала кости и добила его окончательно.

Почему же мы знаем, что мамонт умер так скоро? Ответ на это дает исследование его жира. Причем тут может быть жир? Оказывается, если животное погибает

не сразу, то в его жир просачивается кровь и жир делается розоватым. Если же животное погибает сразу, то жир остается белым. У мамонта жир был белый. Значит, он погиб в несколько минут.

Куда девался бизон, который шел перед мамонтом, мы не знаем. Экспедиция не обратила внимания на бизона и не разыскивала его остатков. Вероятно, глыбы земли вместе с трупом мамонта и бизона потом сползли еще ниже, остатки бизона отстали от мамонта, и остался только хвост. Теперь в Сибири бизоны не водятся, так что это был, очевидно, вымерший вид бизона.

При падении мамонт попал на вечную мерзлоту, даже на лед, который был обнаружен под его трупом. Этот лед помог сохраниться мамонту. Через тысячи лет лед подтаял, откос берега размыло и мамонт снова появился на поверхности земли. Первыми показались бивни. Их заметили ламуты, а дальше все пошло так, как я уже рассказывал.

С трудом откопали мамонта, но откопать — это была только половина дела: нужно было везти его в Петербург. Экспедиции трудно было добраться до мамонта. А теперь нужно было не только ехать назад самим, но еще везти с собой огромного мертвого слона.

Зимой в тех местах ездить легче. Можно по всем болотам проехать на санях. Экспедиция купила 18 оленей и 9 саней-нарт. Мамонта разрубили на части, просолили, чтобы он не испортился, и куски его трупа запаковали в оленьи кожи. В таком разобранном виде мамонт поехал на оленях до Якутска, дальше его везли до железной дороги в Иркутск на семи тройках лошадей. В Иркутске мамонта погрузили в вагон-ледник, и в мае 1902 года он благополучно прибыл в Петербург. Экспедиция проездила 11 месяцев.

В Академии наук сшили все куски кожи мамонта и сделали чучело, которым и сейчас гордится Зоологический музей Академии наук. Под огромным стеклянным колпаком сидит мамонт в том виде, как его застигла смерть на далекой Березовке. Это чучело мамонта — единственное в мире, и ученые из всех стран приезжают с почтением взглянуть на него.

Когда жили мамонты

Теперь на земном шаре нет живых мамонтов. Они все вымерли. Однако наши предки видели мамонтов и охотились на них. Правда, эти наши предки были не очень привлекательны. Это были жалкие дикари, одетые в звериные шкуры. Оружие у них было каменное: стрелы с каменными наконечниками, каменные топоры. Сохранились кости мамонта, расколотые этими первобытными людьми. Очевидно, они высасывали из них мозг. Но что всего замечательнее — эти первобытные люди были хорошими художниками. От них осталось много рисунков разных животных. Рисунки делались краской на стенах пещер или вырезывались на кости. Самой удобной костью для таких изображений была кость мамонтовых бивней. Этих бивней находили очень много по всей Европе.

В то время, когда жили на земле мамонты, климат северного полушария земного шара не раз резко изменялся. Несколько раз наступало сильное похолодание. Огромные ледники сползали с гор и покрывали даже ровные места толстым слоем льда. Потом климат теплел, ледники таяли.

Мамонты жили именно в этот ледниковый период, в суровом климате. Трудно сказать, когда это было, вероятно, десятки тысяч лет назад. С тех пор многое изменилось на земном шаре. Уже давно не бродят волосатые слоны-мамонты, волосатые носороги и бизоны по суровым тундрам Сибири. Может быть, не одна тысяча лет прошла с тех пор, как они вымерли. А теперь над этими суровыми тундрами на мощных самолетах летают новые люди, потомки тех жалких дикарей, которые когда-то с каменными орудиями в руках охотились на мамонтов.

Почему мамонты сохранились

Почему так хорошо сохраняются в Сибири трупы различных вымерших животных? В других странах этого не бывает. Причина та, что значительная часть Сибири занята вечной мерзлотой. Под Москвой земля замерзает каждую зиму метра на полтора в глубину. Летом она полностью оттаивает. А где-нибудь в Якутии даже в конце лета достаточно снять с поверхности земли слой в 2—2,5 метра, и сейчас же под ним окажется мерзлая земля, а иногда и чистый лед.

Пробовали копать и бурить в глубину,

чтобы узнать, как далеко идет этот мерзлый слой. Оказывается, что толщина его в разных местах различна. Повидимому, чем севернее, тем он толще, например в Якутске он толще 100 метров.

Как же земля могла промерзнуть на такую большую глубину? До сих пор мы этого хорошо не знаем. Очевидно земля промерзла так глубоко во время того похолодания, которое вызвало ледниковый период — оледенение значительной части северного полушария земли. Потом климат стал теплее, ледники стаяли, но мерзлота сохранилась в земле там, где и сейчас очень суровый климат и где выпадает мало снега.

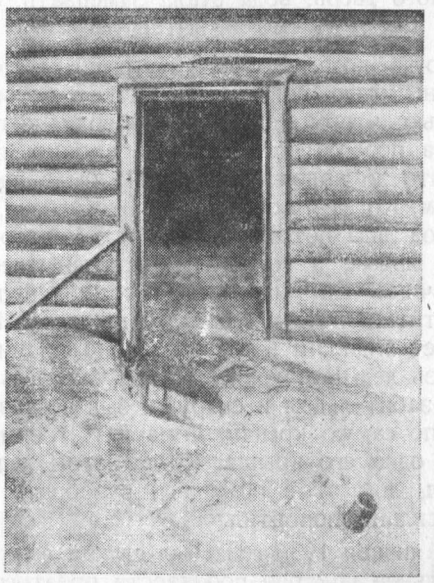
Причем тут снег? Оказывается, снег греет землю, как шуба или одеяло. Там, где снега выпадает очень много, он не пропускает холода и земля глубоко не промерзает. Самый снег состоит из ледяных звездочек и кристаликов. Конечно, греют не они. Но снежинки ложатся неплотно—между ними остается много воздуха. Все дело в этом воздухе. Воздух плохо пропускает тепло, а значит, и холод. Меховая шуба или ватное пальто греют потому, что между волосами меха и волокнами ваты содержится воздух. Он не пропускает тепла от тела наружу и не пропускает холода снаружи к телу. Совершенно так же действует и снег. Чем толще его слой и чем рыхлее он лежит, тем лучше он предохраняет землю от промерзания.

Вечная мерзлота находится в Азии на широте не только Москвы, но Воронежа и даже Харькова. Отчего это может быть? Оттого что климат в этих частях Азии суровее нежели в европейской части Союза. Снега же там выпадает мало, поэтому сильные зимние морозы проникают глубоко в землю. Земля промерзла в древний, ледниковый период да так и не успела оттаять до настоящего времени.

Вечная мерзлота занимает около 45% территории Союза. По размерам это равняется площади, почти в 20 раз больше Германии. Вечная мерзлота захватывает больше половины Канады и Аляски. Вероятно, вся Антарктика находится в области вечной мерзлоты. Если добавить сюда Гренландию, Шпицберген и другие острова, расположенные близ полюса, то окажется, что вечной мерзлотой занята почти о д н а д е с я т а я часть всей суши земного шара.

Как лед может залить дом

В области вечной мерзлоты климат суровый: выходишь утром, смотришь на термометр, сколько градусов, и видишь: 40° мороза, а то и 50°. У нас был специальный спиртовой термометр. Обыкновенный ртутный термометр не годится, потому что ртуть при 39° уже замерзает. Стоит туман, видно плохо, но небо всегда ясное, и сквозь этот туман светит солнце. Выйдешь в поле — и кажется, совсем не так холодно. Потому что тихо, нет никакого ветра. Я каждый день ходил по морозу и никогда не боялся замерзнуть, но, конечно, одеваться нужно было потеплее.



В этом доме помещалась столярная мастерская. Ее залило льдом.

В этом районе вечной мерзлоты бывают совершенно диковинные явления, о которых мало кто знает. Это было в Дальневосточном крае, немного на север от реки Амура. В одном из домов помещалась столярная мастерская. Это был небольшой дом из 4 комнат. В нем работали столяры, и, конечно, там были печи. В феврале 1934 года рабочие заметили, что около дома постепенно стали расти бугры: землю стало вздувать вроде как нарывами. Бугры были сначала высотой в стол, потом — с человека. Снаружи бугры были покрыты льдом. В один прекрасный день под полом этой мастерской люди услышали журчание. За-

журчала вода, а мороз был снаружи около 30°.

Откуда же взялась вода? Земля там на 60 метров всегда мерзлая, и вода в глубь земли проникнуть не может. Поэтому, если есть почвенная вода, она держится неглубоко, метра на два — два с половиной, в том слое земли, который летом оттаивает. Под домом было теплее чем в другом месте, и вода там нашла себе выход наружу.

Вода начала просачиваться через пол. Не успели жители дома оглянуться, как весь пол покрылся водой сантиметров на десять. Рабочие не растерялись: стали вытаскивать вещи из дома. Затем стали тащить кровать. Но когда они приоткрыли немного дверь, вода стала замерзать. Кровать так и не смогли вытащить.

Когда вода замерзла буграми, в домик можно было войти только с осторожностью, чтобы не попасть в воду, которая текла поверх льда. Я вполз в окно, потому что до половины все окно было забито льдом. Когда я вошел в дом, то увидел, что из-под льда потоком бьет вода. Все покрылось льдом, и во льду был виден учебник мальчика. Он упал, мальчик не успел его схватить, он так и остался во льду. И переплет видно, и заглавие можно прочитать сквозь лед. В половине марта уже весь дом был забит льдом и снаружи был весь залит им, по самую крышу. Дома нет, торчит из льда одна его крыша. Когда летом лед растаял, дом этот пришлось разобрать: лед его сильно попортил.

31 января 1936 года был случай еще удивительнее как раз поблизости от этого же места.

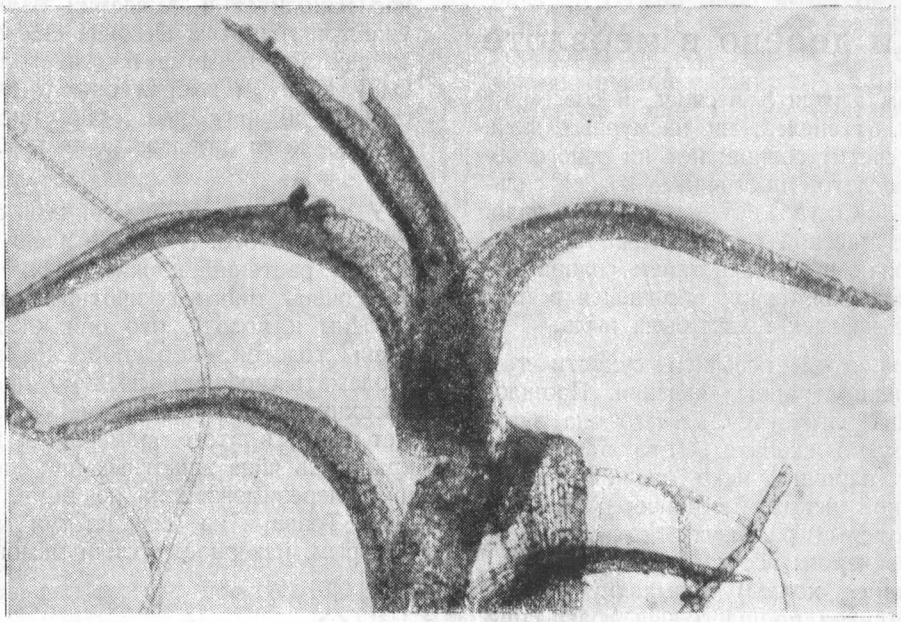
Ледяной бугор. Вода вытекла. Виден сохранившийся ледяной свод.

Было 37° мороза. Место это я хорошо знал. Подхожу и вижу такую картину. Около самого железнодорожного пути сплошной туман: все бело как в молоке. Отчего туман? Оттого что на поверхность земли вырвалась масса воды. Вода при 0°, а воздух при — 37° мороза. От этого пар обращается в капли, в воду, в снег. Отсюда и получается туман. И увидел я: едет какой-то человек на розвальнях. В'ехал он в этот туман, а сам дремал. Вдруг лошадь остановилась и ни с места. Я шел следом. Вижу: что-то странное, думаю: «Ну, я дальше не пойду». Слышу: журчит вода, значит, она где-то из-под земли прорвалась. Человек немножко еще проехал, а потом и примерз со своими санями к земле. Лошадь стала биться, брыкаться, он и проснулся. С удивлением посмотрел: «Что такое?» Слез, а назад ног и не вытащить. Ноги не тонут: воды мало,— но она сейчас же замерзает. Однако этот человек догадался: вскочил на лошадь верхом, обрезал постромки и ускакал. Сани так и остались вмерзшими в лед. Следом ехал грузовик. Только он в'ехал в туман, как его баллоны примерзли. Он подает гудки, пробует двинуться назад, вперед,— ничего не выходит. Сейчас же вызвали трактор, поставили его на сухое место, цепь перебросили на грузовик, и трактор стал тащить этот грузовик в обратную сторону. Баллоны разорвались, так как они крепко примерзли, но грузовик вытащили.

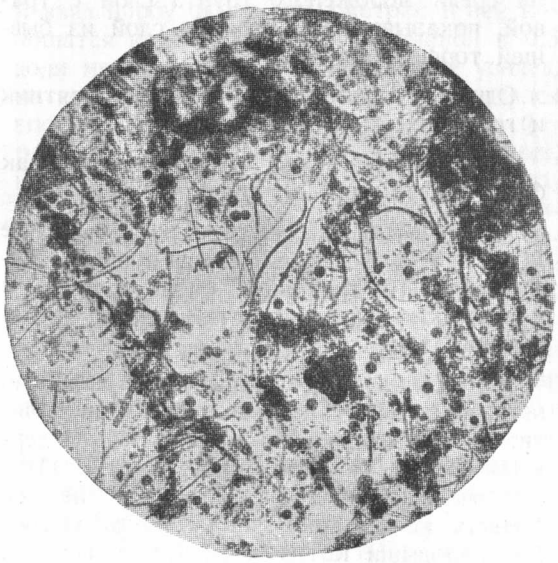
Отчего это получилось? А вот отчего. Один гражданин выкопал яму для хранения картошки. Но картошку не сохранил, потому что она вся замерзла: ведь яма-то была выкопана в вечной мерзлоте. Он думал, что если он утеплит яму соломой, картошка будет в сохранности. Из этой ямы вода и прорвалась. Она имела где-то ход в земле, а он своей ямой приготовил отверстие для выхода воды наружу.

Когда мы обследовали это место, то увидели, что нужно было спасать железнодорожные пути. Вода могла хлынуть туда и залить путь. Мы решили повыше этого места пробурить отверстие, чтобы выпустить воду раньше, чем она дойдет до путей. Бурили, бурили наши рабочие, потом вдруг из глубины земли как хлынет вода целым фонтаном! Мы поставили прибор, чтобы измерить, сколько воды выйдет в сутки. Оказалось, что в сутки вышло 900 кубических метров. Вода тут же стала замерзать, стали расти бугры вроде вулкана.

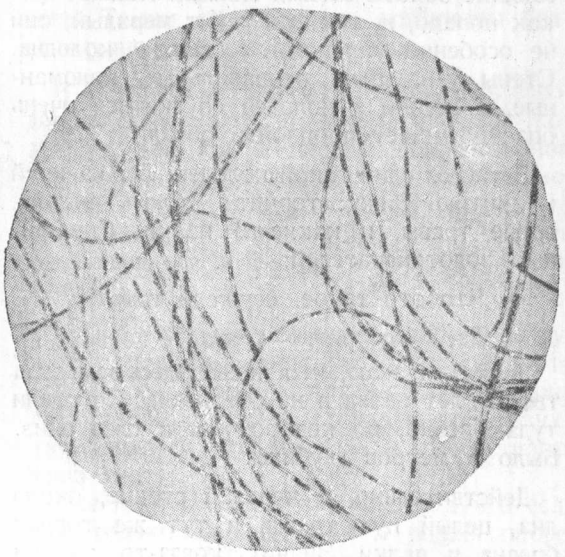
Оживленные организмы



Зеленые стебельки мха.



Водоросли разных видов.



Нитчатые зеленые водоросли.

Но зато в том доме, где замерз учебник, вода уже больше не вытекала. Почему? Мы перерезали путь воде, и она стала вытекать выше, дальше от железной дороги.

Трава и дерево в мерзлоте

Зима там длится 5 месяцев, и совсем не бывает ни оттепелей, ни пасмурных дней. 5 месяцев светит солнце: нет ни одного облачка. Зато летом постоянные дожди, сильные ливни. Снега бывает очень мало. В 1934 году весной снег не таял. Снег лежал на полях и под действием солнца постепенно исчезал, сразу обращался в пар, и в апреле на всех полях была пыль.

Благодаря этой весенней сухости там бывают очень странные явления. Прошлогодняя трава загорается. Отчего она загорается, трудно сказать. Нето эту траву поджигают нарочно, нето она загорается от случайной искры от паровоза или от костра, который разведут охотники. Посмотришь вечером: все сопки (так называют тамошние холмы) полыхают огнем. Это горят сухая прошлогодняя трава, пни и кустарник.

В один из таких дней я возвращался из своей поездки. Ездил в тайгу и в одной долине увидел шурф, то есть колодец, прокопанный золотоискателями-старателями. Старателями там называются люди, добывающие золото своими силами. Копают они как попало, и, так как грунт мерзлый, они не особенно укрепляют стенки колодца. Стены у колодца неправильные, изломанные, и весной в колодец спускаться очень опасно: может произойти обвал.

Я увидел один такой колодец. Лег на край и смотрю. Вижу: торчит что-то рыжее, вроде травы, и какие-то палки. Спрашиваю золотоискателей:

— Что это такое, неужели трава?

— Да, — говорят, — трава.

А ведь я знаю, что почва здесь замерзла тысячу лет назад и не оттаивала. Спустили туда бревно, по которому я и слез вниз. Было 5 метров глубины.

Действительно, в мерзлой стенке, около дна, целый пук травы, и тут же торчат бревна и палки. Значит, когда-то, тысячи лет назад, эти палки, бревна и трава замерзли и в таком состоянии находились до наших дней. Я стал рассматривать. Взял целый моток травы: ее можно было мять руками, и она не рассыпалась. Она была коричневого цвета, как прелое сено, но сохранила свою гибкость. Большой кусок этой травы я привез в Москву, она и сейчас находится в Академии наук. Прошло уже три года, она высохла еще больше, но до сих пор не ломается: настолько гибка. Одну палку я выбрал себе и вместо тросточки ходил с ней. Она нисколько не сгнила, хотя пролежала в земле тысячи лет.

У меня возникла мысль: ведь здесь было когда-то болото. В болоте жило множество всяких растений и животных. Известно, что очень многие животные так приспособлены к холоду, что они кладут яйца с очень толстой скорлупой, которые могут пролежать свободно всю зиму, промерзнуть, высохнуть, и ничего им не сделается. Может быть, в этом промерзшем грунте сохранились яйца животных или споры растений, перезимовавших не зиму, а тысячу зим? Трава и ил были из тех же луж, по которым, наверное, ходили мамонты.

Ожившие организмы

Когда я вернулся на Сковородинскую мерзлотную станцию, где я работал, у нас пробивали шурф глубиной в четыре метра. Пробивали очень медленно. Я часто спускался в него и все смотрел, не появится ли среди мороженого грунта слой с травой, показывающий, что это слой из бывшей торфяной лужи.

Однажды приходит ко мне наш десятник и говорит:

— В шурфе видно что-то темное, как будто бы там есть и трава.

Я слез в шурф. Действительно, в стенке шурфа, у самой земли, видна полоска сантиметров 10 толщиной, очень темная, и в ней ясно видны остатки травы, очень хорошо сохранившейся.

Мы заготовили специальную стеклянную посуду, которую предварительно прокалили: мы поставили ее в особую печь и держали ее там час при температуре в 110°. Это мы сделали для того, чтобы на ее стенках не осталось каких-нибудь микробов, зародыши которых носятся в воздухе и могут быть на стенках даже чисто вымытой банки. В банку я налил дистилированную, то есть перегнанную, воду, которая образуется из пара. Потому что даже

в самой чистой как будто воде часто есть зародыши разных микробов.

Мерзлые куски грунта я обрезал со всех сторон ножом, чтобы не попали в него зародыши микробов. Затем, когда грунт оттаял, куски его мы поместили в банки и налили сверху дистилированной воды.

У меня было несколько таких банок. Они были закрыты стеклом и стояли под стеклянными колпаками. Вскоре мне пришлось уехать на несколько дней в тайгу. Прошло около двух недель, я эти банки не раскрывал и не смотрел.

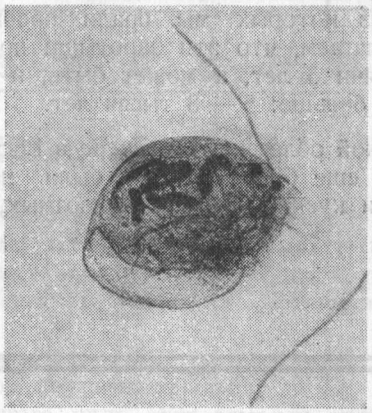
Через две недели на дне банки, где был грунт, я увидел зеленоватое облачко. Я взял пипетку, прокалил на спиртовке, чтобы не занести зародышей микробов, спустил в банку, взял каплю зеленоватого облачка и посмотрел под микроскопом. Вижу: множество водорослей, живых и размножающихся. Это было настолько поразительно, что я даже никому не сказал. «Вдруг, — думаю, — какая-нибудь ошибка? Нужно еще раз все это проверить».

Через несколько дней было видно, что облачко увеличивается, водоросли размножились еще. Их оказалось 12 разных родов.

Прошло еще несколько дней. Я надеялся, что должны ожить организмы, зародыши которых должны быть в этом грунте. Я взял пробу около дна, смотрю: в ней копошатся какие-то шарики величиной в 0,3 доли миллиметра. Как только я их увидел, то сразу мог сказать, что опыт удался вполне. Это были рачки вида хидорус-сферикус. У них имеются глаза, кишечник, нервная система, сердце, бьется пульс (даже можно сосчитать удары), красиво загнутый нос, а тело заключено как бы в раковину, почти круглую. У рачка пять пар лапок, которыми он быстро шевелит, потому что у него на них помещаются жабры. Все это видно потому, что рачки прозрачные, видна даже пища, которой они питались, а ели они водоросли. Они стали размножаться: выйдет из яйца такой рачок, а через 6 дней он уже сам дает следующее поколение. Размножаются они чрезвычайно быстро. В мае 1934 года я их получил в первый раз, а сейчас у меня их штук 300 живет в Академии наук. Это потомки тех, которых я получил из мерзлоты.

Привезти их в Москву было очень сложно. Курьерский поезд идет оттуда 8½ суток. Как везти этих рачков в поезде? Если их закупорить, то они задохнутся.

Откуда взять кислород для дыхания рачков? Нужно было везти не одних рачков, а вместе с зелеными водорослями. Водоросли, как все зеленые растения, впитывают в себя углекислый газ, а выделяют кислород. Если только выставить банку



Оживший из мерзлоты рачок. Снят живым под микроскопом.

с водорослями на свет, на водорослях получатся пузырьки кислорода, которым и будут дышать рачки. Нужно было рачков поместить вместе с водорослями в одну банку и выставлять банки каждый день на свет. Таким способом все организмы благополучно доехали до Москвы.

В Москве я попробовал их посадить в водопроводную воду. Я думал, что они подохнут, так как в нашей водопроводной воде очень много железа. Я отделил несколько штук и посадил в эту воду. Что же оказалось? Они там великолепно стали размножаться и сейчас хорошо себя чувствуют.

Дальше у меня появились грибки. Не думайте, что это грибки со шляпкой: это грибки ввиде тонких нитей. Затем появился мох. Мох у меня сейчас в этой банке так разросся, что для рачков уже осталось мало места.

Все-таки у меня была мысль: а что если это только случайность? Я решил проделать еще целый ряд таких же опытов.

Как только мы начинали где-нибудь бурить землю, я сейчас же искал, нет ли там ила с остатками травы. Мне удавалось находить ее несколько раз, но только трава

была не такой хорошей сохранности. Но и из этих проб ожили водоросли, и сейчас живет до 20 родов этих водорослей. Я привез и их в Москву.

Такие результаты опытов достигнуты в науке первый раз.

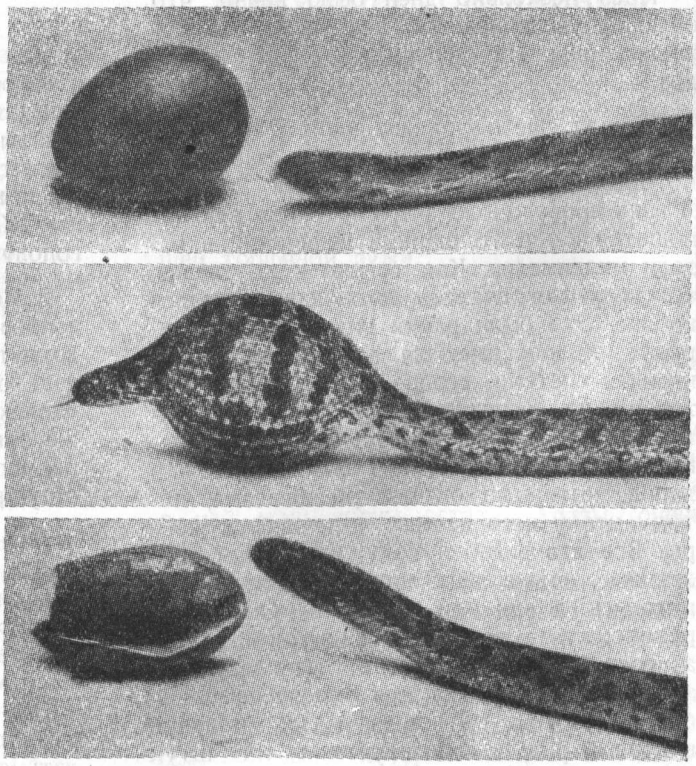
Сколько времени зародыши этих организмов пролежали в вечной мерзлоте? Вероятно, мамонты еще ходили по этим лужам, из которых мы брали пробы. Мы предполагаем, что эти зародыши пролежали тысячи 3 лет, а может быть, и значительно больше: 5 — 8 тысяч лет.

В одной обледенелой пещере в Восточной Сибири еще 60 лет назад были найдены трупы и куски вымерших животных, которых теперь в той местности уже нет. Они вмерзли в дно этих пещер и сохранились с мясом и шерстью. В тех же краях найден целый ряд орудий человека каменного века. Известно, что люди каменного века охотно жили в пещерах.

Необходимо обследовать несколько пещер в вечной мерзлоте, и, может быть, когда-нибудь удастся найти не только трупы животных, но и труп человека каменного века, который мог сохраниться в мерзлоте до наших дней.

Конечно, нельзя сказать, что какая-нибудь экспедиция поедет и найдет все эти диковины. Может быть, ряд лет не случится наткнуться на интересную находку. Однако, чтобы найти, нужно начать искать.

Змея и яйцо



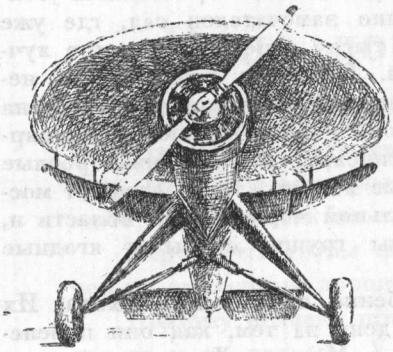
Пасть змеи устроена таким образом, что она может проглотить целое куриное яйцо, которое втрое больше всей ее головы. Здесь снята змея за едой. Вот она подбирается к яйцу. Растянув свою пасть и проглотив яйцо, змея раздулась, как шар. Затем она сжала кольцеобразные мышцы и раздавила яйцо, а скорлупу выплюнула обратно.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

АВИАЦИЯ

«Летающее печенье»



В Америке построен очень странный аэроплан. Вместо вытянутых в стороны крыльев он имеет одно круглое крыло, похожее на круглое печенье. За это его прозвали «летающим печеньем».

Колеса раздвинуты очень широко и приходятся почти под концами крыльев.

Кроме странного вида этот самолет отличается тем, что летать на нем легче и безопаснее чем на обычных.

БОТАНИКА

Пшеница, которая сама удобряет поле

Все растения высасывают из почвы нужные им для жизни вещества. Особенно много берут их культурные полевые и огородные растения, например пшеница или картофель.

Поэтому после нескольких лет посева почва истощается. Чтобы собрать хороший урожай, приходится доставать и прибавлять в почву удобрения, а они не всегда есть и дорого стоят.

Но есть и такие растения, которые не истощают почвы, а, наоборот, делают ее еще более плодородной. У них на корнях живут так называемые клубеньковые бактерии, которые поглощают азот из воздуха и превращают его в питательные соли — нитраты.

К сожалению, эти полезнейшие бактерии живут только на корнях бобовых растений и нигде больше.

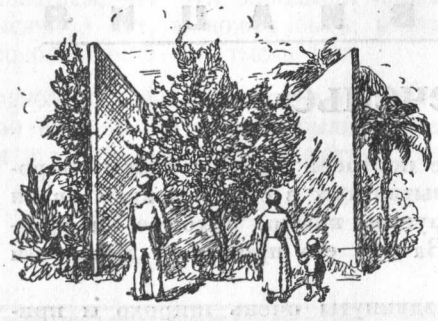
Профессор Омского сельскохозяйственного института Румянцев решил заставить эти бактерии поселиться на корнях пшеницы. И вот то, что не удавалось никому в мире, удалось советскому ученому: он получил пшеницу с бактериями, которая не истощала почвы, а обогащала ее как бобовые.

Правда, такой пшеницы еще очень немного: вся она растет в лаборатории профессора. Но даже несколько кустиков такой замечательной пшеницы — это уже очень много. Эти кустики дают право надеяться, что всю

пшеницу, а может быть, и другие растения удастся «заразить» клубеньковыми бактериями.

А это увеличит урожаи, удешевит хлеб, освободит заводы и транспорт от производства и перевозки миллионов тонн удобрений.

Мичуринский сад



Никто из нас еще не был на той выставке, которая должна открыться летом 1937 года, а про выставку уже рассказывают замечательные вещи.

Много будет там интереснейших уголков. Особенно замечателен сад, где уже посажено 6 тысяч деревьев и кустов лучших сортов. Весь сад разделен на несколько участков. В одном представлена северная зона — челябинские, красноярские, минусинские, ленские низкорослые и карликовые яблони. Затем следуют московские, курские яблони и яблони Центральной черноземной области и, наконец, южные яблони. Так же рассажены груши, сливы и ягодные кусты.

Деревья северной зоны требуют особенно тщательного ухода. Их бережно покрывают мхом, следят каждый день за тем, как они перенесли свое далекое путешествие из Сибири в Москву. Деревья эти поддерживают распорками, чтобы ветер не раскачивал их и не тревожил корней.

Деревья южной зоны требуют столько тепла, сколько его нет в Москве, в обычных условиях. Поэтому вокруг этих деревьев устроены собиратели солнечного тепла — это раздвижные фанерные щиты, окрашенные в белый цвет. Температура около деревьев, окруженных такими щитами, подымается на 5—6 градусов выше.

Особо выделены в саду мичуринские участки. В одном из них целая коллекция мичуринских яблонь, груш и вишен, уже широко распространенных по нашему Союзу. Здесь же в саду насажена замечательная биологическая диаграмма из 18 деревьев. Диаграмма начинается маленькой двухлетней яблоней. Дальше стоят 16 деревьев в разных возрастах. Диаграмма кончается уже загнивающим пнем от срубленной старой яблони. Но жизнь не кончена: от пня пробиваются новые ростки яблонь.

В центре участка устанавливается памятник великому садоводу И. В. Мичурину. А вокруг — карта из живых цветов.

ТЕХНИКА

Бесшумный пулемет

Такой пулемет изобретен только что английским офицером и изобретателем Баден-Пауэлем, тем самым, который изобрел воздушные змеи, с которых, как с привязанных аэростатов, следят за врагом наблюдатели.

В новом пулемете пули бросает центробежная сила, та самая сила, которая бросает камень, раскрученный на веревочке.

Этот центробежный пулемет совсем не похож на обыкновенный: для стрельбы из него не нужно ни пороха, ни патронов.

Он состоит из особого барабана, который с огромной скоростью раскручивается моторчиком. Тогда в барабан одна за другой скатываются пули, раскручиваются вместе с ним и со страшной быстротой вылетают прямо в цель.

Подробности устройства нового пулемета держатся в глубокой тайне. Но кое-что известно о другом центробежном пулемете, изобретенном два года назад японцем Иошитаро Шимицу. Этот пулемет выбрасывает больше 9 тысяч пуль в минуту. Пробойная сила пуль этого пулемета вчетверо больше чем у обычного.

И по дороге и по рельсам...

Когда надо перевозить грузы из одного города в другой, их приходится грузить на грузовики, вести на железнодорожную станцию, разгружать, грузить в вагон, по приезде снова разгружать, класть на грузовики, везти и разгружать на месте назначения.

Перевозить грузы по рельсам гораздо легче, безопаснее и дешевле чем по шоссейным дорогам.

Поэтому недавно придумали грузовики, которые ездят и по обычной дороге и по рельсам. У этих грузовиков колеса вроде вагонных, а снаружи к ним приделаны другие, автомобильные. По рельсам машина идет на своих вагонных колесах. Из автомобильных шин воздух выпускают, они сжимаются и не достают до земли.

Когда надо перейти с рельсов на дорогу, шины надуваются, становятся больше и упираются о землю. Тогда, наоборот, вагонные колеса поднимаются выше рельсов и вертятся в воздухе.

Такой грузовик доезжает по дороге до станции, переходит на рельсы, едет куда нужно, опять сходит на дорогу и без всяких перегрузок легко и быстро доставляет груз куда угодно.

Даже шины, перед тем как надо сходить с рельсов, накачиваются сами.

Для этого перед остановкой выключают мотор, автомобиль по инерции продолжает катиться, колеса вертятся и приводят в движение насос. Этот насос работает как тормоз и сам в это время накачивает воздух в стальной баллон. На остановке сжатый воздух из баллона выпускают по трубкам в шины.

Миллиардеры и бандиты

Н. Шамет

Несколько лет назад в Америке произошло историческое событие: родился его величество Корнелий VI.

В американских газетах появлению на свет Корнелия VI были посвящены десятки страниц.

В роскошно украшенной комнате стояла колыбель из золота, отделанная эмалью. Над колыбелью — полог из драгоценной ткани с вышитыми золотом знаками королевского достоинства — лилиями. В золотой колыбели лежал сам Корнелий VI. Каждые восемь часов к нему являлись врачи, осматривали его и составляли бюллетень его здоровья. Около двух десятков человек было занято заботой об особе его величества.

Только для того, чтобы перед его дворцом устроить цветочную клумбу и травяной газон, снесли дом стоимостью в 400 тысяч долларов.

Во дворец приезжали родственники, чтобы поздравить нового короля с появлением на свет. Как этого требует древний обычай, родственники являются с дарами. Дед привез тяжелую золотую цепь, усыпанную бриллиантами. Тетки принесли два ожерелья: одно из бирюзы, другое из кораллов, отделанные сверкающими бриллиантами. Дядя преподнес погремушку из слоновой кости с золотыми колокольчиками. Внутри ее перекатывались бриллианты.

Но самой щедрой была бабушка: она привезла пеленки и белье, изготовление которых обошлось в 75 тысяч долларов. Родители надели на шею наследника драгоценное ожерелье, стоящее десятки тысяч долларов.

Его величество вывозили на прогулку в роскошной детской коляске, отделанной горностаевым мехом снежной белизны. На голову Корнелия VI надевалась белая шапочка, украшенная страусовыми перьями редкой красоты. Перья эти предназначались для дочери английского короля, но за громадные деньги были перекуплены любящими родителями Корнелия VI. Колясочку катила бонна, а по бокам ее шли два телохранителя внушительного роста.

Словом, жизнь Корнелия VI Вандербильта, наследника железнодорожного короля США и одного из богатейших людей мира, началась как в сказке.

Но в современных сказках все происходит много иначе чем в старинных.

В современных американских сказках о маленьких принцах обязательно должны участвовать сыщики и бандиты. Без них сказка ненастоящая.

Вот в этом году у другого американского короля и миллиардера, Джона Джекоба Астора III, родился сын и наследник Джон Джекоб Астор IV (в подражание европейским королям американские свиные, пуговичные, железнодорожные и иные короли также нумеруют своих потомков).

Как только счастливый отец узнал о рождении наследника миллиардов, он сейчас же позвонил по телефону в сыскное агентство. Через полчаса к больнице, где находился новорожденный наследник, под'ехало несколько автомобилей. Оттуда выскочили вооруженные до зубов сыщики со сторожевыми собаками и окружили больницу. День и ночь, сменяясь, дежурили сыщики, охраняя больницу. На девятый день Джона Джекоба Астора IV в величайшей тайне, окруженного вооруженной стражей, перевезли на яхту. Как только Джон Джекоб Астор IV очутился на борту, яхта сейчас же снялась с якоря и ушла в неизвестном направлении. До тех пор, пока наследнику миллиардера Астора не минет двенадцати лет, яхта будет резать волны всех морей мира, плавая по засекреченному маршруту.

Земельный король Америки Астор не хочет подвергнуться неприятности, случившейся в прошлом году с миллионером Макматом. У Макмата бандиты украли десятилетнюю дочку.

Через несколько дней после похищения Макмат получил письмо. Макмату предлагали, если он хочет получить дочку обратно, выехать на своей яхте в открытое море и приготовить 80 тысяч долларов. Полиция ничего не могла поделать, и Макмат поплыл в море.

Когда берега скрылись из виду, на горизонте показалась точка. Она быстро росла. Это была быстроходная моторная лодка. По сторонам ее шли пенистые буруны. Лодка подошла к яхте. Бандиты получили от Макмата деньги, взяли с него обещание в течение 48 часов крейсировать вдали от берега, передали девочку на яхту и умчались в море.

В Чикаго такой же неприятный случай произошел с миллионером Риччи. У него украли пятилетнего сына и потребовали за него выкуп в 200 тысяч долларов. Отец сообщил о похищении журналистам, и газеты вышли с огромными заголовками «Ищите похитителей».

А на другой день мистер Риччи получает от бандитов второе письмо, в котором они сообщают, что считают непорядочным разглашение семейного дела. Поэтому они требуют за сына уже не 200, а 300 тысяч долларов выкупа. Если мистер Риччи не поторопится с уплатой, то ввиде предупреждения ему пришлют правое ухо сына. Мистеру Риччи пришлось поторопиться и заплатить за получение сына 300 тысяч долларов.

В 1927 году никому не известный молодой человек взобрался в кабину самолета, помахал рукой немногим друзьям, застегнул шлем и повел самолет на взлет.

Через три дня этого молодого человека знал весь мир. Он первым в мире выполнил заветную мечту всех лучших летчиков — пересек Атлантический океан из Америки в Европу. Час за часом летел Чарльз Линдберг один над беспредельным пространством воды.

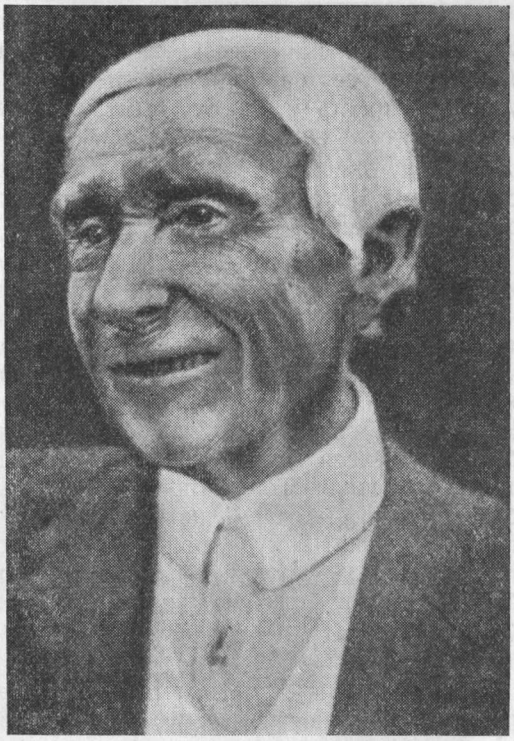
Через двое суток беспрерывного полета Линдберг стал национальным героем Америки.

Сотни тысяч людей пришли встречать Линдберга, когда он возвратился в Соединенные штаты. Города были украшены флагами, гремели оркестры, ревело радио, люди до хрипоты кричали «Ура!»

Линдберга осыпали почестями, он стал гордостью Северной Америки. Газеты называли его «самым знаменитым американцем».

Скоро Линдберг женился на дочери миллионера и стал одним из богатых людей Америки. У Линдберга родился сын. Буржуазные газеты сообщали читателям малейшие подробности его воспитания.

В марте 1932 года полуторагодовалый сын Линдберга исчез. У окна его детской нашли только лестницу..



Одному из самых богатых людей мира, Джону Ди Рокфеллеру I, скоро будет сто лет. Его лицо — это ужасная неподвижная маска. Питаться Рокфеллер может только кашей и молоком. Для Рокфеллера родственники ежедневно печатают один номер газеты «Нью-Йорк таймс», из которого выкинуты все неприятные сообщения о забастовках, о коммунизме, о Советском союзе. Перед концом жизни старый нефтяной разбойник стал очень религиозным и пытается замолить свои грехи.

Через несколько дней Линдберг получил письмо с предложением уплатить 50 тысяч долларов как выкуп за сына.

Родители были готовы на все, чтобы вернуть сына. Они уплатили деньги, но сына им не возвратили. Скоро труп мальчика нашли в яме, недалеко от дома Линдбергов.

Вся Америка поднялась на поиски бандитов, укравших сына национального героя Линдберга. Даже министры Соединенных штатов обсуждали вопрос о похищении сына Линдберга. Полицейские, сыщики, полицейские собаки, десятки тысяч добровольцев, тысячи журналистов искали похитителей. Напрасно. Только через три года случайно поймали одного из бандитов.

Немец-фашист Гауптман покупал продукты на деньги, полученные от Линдберга (номера их были записаны в полиции). Лавочник случайно запомнил номера денежных билетов и сообщил об этом полиции. При обыске у Гауптмана нашли запрятанным весь выкуп.

Когда судили Гауптмана, у Линдберга был уже второй сын — трехлетний Джонни. Линдберги все время получали письма с угрозой украсть и второго сына, если они не уплатят за него бандитам.

Поэтому Линдберг скрывал, где находится его сын. Вокруг дома день и ночь дежурила вооруженная охрана.

Наконец, Линдберги не выдержали такой жизни. Поток угроз все рос и рос. Полиции не удавалось поймать ни одного из бандитов. Линдберги решили бежать из Соединенных штатов. Они тайком наняли пароход. День их от'езда сохранялся в тайне. Ночью, под сильной охраной, семья Линдбергов приехала на пароход. Пароход тщательно обыскали. Только после этого Линдберги заняли каюты. Тщетно журналисты пытались узнать, куда поплывет пароход. Когда пароход «Американ импортер» прибыл в Англию, берег был оцеплен большим отрядом полиции, пока Линдберги не сошли на берег.

Вся буржуазная Америка не могла обеспечить безопасности своему герою, «самому знаменитому американцу».

После Линдберга из Америки стали убегать и другие богачи, опасающиеся за своих детей.

— У меня больше нет ни смелости, ни возможностей содержать шесть человек для охраны моей дочери. Уже два года полиция охраняет моего ребенка дома, на прогулке, во время игр. Разве это жизнь для ребенка и матери? — так сказала журналистам известная киноартистка Марлен Дитрих, уезжая из Соединенных штатов.

Недавно в американских газетах появилась интересная фотография: из дорогого автомобиля выходит девочка, рядом с девочкой идет коренастый мужчина и рукой закрывает ей лицо. Подпись под фотографией:

— Дочь железнодорожного короля десятилетняя Глория Вандербильт едет на курорт...

Сыщики всячески стараются не дать фотографировать наследницу миллионов. Ведь фотография может попасть в руки бандитов!

Поездка Глории на курорт превратилась в целое событие. Всю дорогу ее окружали несколько сыщиков. По дороге к поезду были расставлены отряды полицейских, которые зорко следили за всеми подозрительными автомобилями.

На курорте дом, в котором жила Глория, был превращен в настоящую крепость. На крыше его установили пулеметы.

Охрана пляжа со стороны земли показалась недостаточной. Поэтому по морю взад и вперед раз'езжали быстроходные моторные лодки с вооруженной охраной.

Ведь бандиты в Америке вооружены не только ручными пулеметами. У них есть и бронированные автомобили, самолеты и собственные флотилии.

В городе Дарпен банда, специализировавшаяся на краже детей, устроила нападение на дом миллионера Вестгейма. У бандитов произошло настоящее сражение с полицией. Два полицейских были ранены.

Но в Америке трудно разобрать, кто бандит-миллионер и кто миллионер-бандит.

Большинство богатств самых знатных фамилий американских миллиардеров произошло от темных и незаконных (а часто просто уголовных) проделок. Если эти дельцы попадались, то деньги помогали им откупиться от суда и наказания.

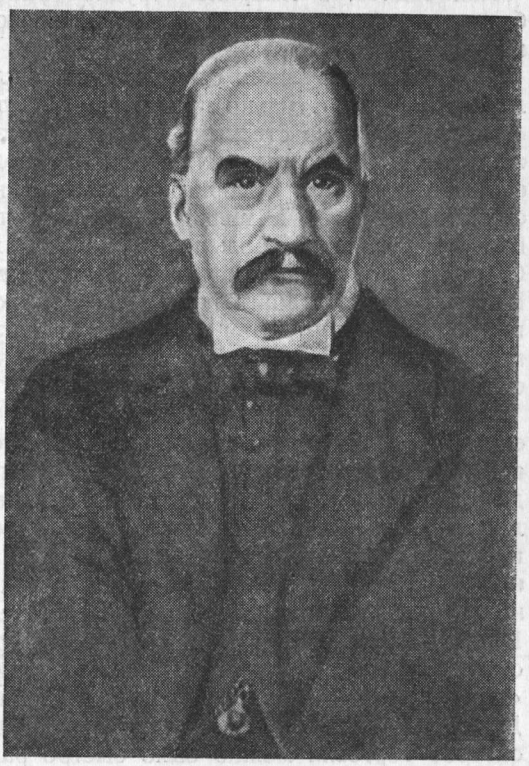
Вот как обогатился один из самых богатых людей мира, Джон Ди I — король нефти Рокфеллер.

В молодости он решил прибрать к своим рукам нефтепроводы, которые тогда только что начали строить. Одна из компаний решила проложить нефтепровод прямо к Атлантическому океану. Рокфеллер решил ей помешать. Он начал скупать земли, по которым должен был пройти нефтепровод. Он подкупил железные дороги, чтобы они запретили прокладывать нефтепровод под железнодорожной линией. Но конкуренты шли на все. Без всякого разрешения они стали прокладывать под железнодорожной линией трубы.

Тогда Рокфеллер нанял шайку головорезов, вооружил ее и отправил на место работ. Они открыли огонь по строителям. Нефтепроводчики не остались в долгу, сами наняли бандитов, достали откуда-то пушку и ответили пушечными выстрелами. Произошел бой по всем правилам военного искусства.

Все же конкуренты Рокфеллера победили, и нефтепровод дошел до Атлантического океана.

Но тут начались всякие «чудеса»: то в нефтепровод попадет кусок железа и испортит насосную станцию, которая перекачивает нефть, то лопнет труба — нефть разольется и загорится. Словом, нефтепровод никак не мог работать нормально.



Посмотрите на это лицо энергичного бандита с большой дороги. Это Джон Пирпонт Морган I, основатель династии Морганов. Одним из его первых коммерческих дел была измена своей стране. Во время войны Севера с Югом он скупил подешевле у правительства Севера негодные ружья, а потом продал эти же ружья армии Севера как хорошие. Морган заработал на этом сотню тысяч долларов.

Это Джон Пирпонт Морган II, сын Джона Пирпонта Моргана I и нынешний глава богатейшей в мире династии Морганов. Наружность этого представителя капитализма по сравнению с его отцом изменилась к лучшему. Но дела и способы обогащения остаются почти прежними. Этот самый богатый человек в мире ухитряется платить налогов государству в 75 раз меньше чем Рокфеллер (который едва ли богаче Моргана) и даже в 212 раз меньше чем известный киноартист Дуглас Фербенкс. Американский журнал «Либерти» пишет: «Это обстоятельство ставит втупик не посвященных в дела Моргана».

Рокфеллер как человек религиозный уверял, что тут видна «рука божья». Но, очевидно, тут действовала совсем другая рука. Как только владельцы нефтепровода сдались и хозяином его стал Рокфеллер, «рука божья» перестала действовать и нефтепровод заработал нормально.

В Нью-Йорке был убит главарь бандитов Шульц. После него осталось состояние в 7 миллионов долларов. 13 раз его привлекали к суду за налеты, грабежи, убийства и даже за неуплату подоходного налога с награбленных миллионов. И каждый раз Шульца оправдывали.

Многие бандиты состоят у капиталистов на службе. По приказу хозяев, бандиты убивают рабочих вождей, поджигают дома революционеров, охраняют штрейкбрехеров, разгоняют демонстрации коммунистов.

А то бывает и так, что бандиты расправляются с конкурентами хозяина. Открывает какой-нибудь капиталист прачечную. Хозяину старой прачечной это не нравится. Он договаривается с бандитами. В новую прачечную бросают бомбу. Белье обливают кислотой. Посетителей прачечной избивают. Если хозяин упорствует и не закрывает прачечной, его могут и подколоть. Бывает и наоборот, когда, например, человек, желающий открыть новую молочную, подкупает бандитов, чтобы они заставили старую молочную закрыться.

Словом, у бандитов работы в США много.

Бандиты тесно связаны с городскими управлениями.

Многие главари бандитов входят в них, и это обеспечивает им полную безнаказанность. С денег, награбленных бандитами, государство берет подоходный налог, и если они не платят его, привлекают их к суду не за бандитизм, а за невзнос налога. Известный бандит — миллионер города Чи-

каго Аль-Капоне — поссорился с другими бандитскими шайками. Боясь, что его убьют, Аль-Капоне придумал остроумный способ скрыться от врагов: самым безопасным местом ему показалась тюрьма. Он устроил так, что его судили за неплатеж подоходного налога и приговорили к заключению. Аль-Капоне сидит в тюрьме, принимает знакомых, устраивает пиры и безопасно управляет своими делами.

Бандитизм в США считается в конце концов такой же профессией, как профессия столяра, матроса или писателя, только более выгодной. Тысячи людей заняты тем, что обслуживают бандитов, помогают в их «работе». Есть, например, врачи, которые помогают бандитам изменять свою внешность. Один врач, например, за 5 тысяч долларов помог известному бандиту Диллинджеру (потом убитому полицией) изменить свою внешность: снял несколько родинок, сделал пересадку тканей с подбородка к носу, подтянул всю кожу лица вверх к ушам, пересадил кожу на кончиках пальцев, чтобы изменить их рисунок (в полиции делают оттиски пальцев) и т. п.

Американский журналист Мартен Муни изучил бандитизм в Америке и написал о нем толстую книгу. Муни начинает книгу так:

«Преступление — крупнейшая отрасль дела в США. Оно покрывает всю страну точно так же, как сеть железных и автомобильных дорог. Каждый город с населением больше ста тысяч имеет свой преступный совет, который контролирует все возможные формы «ракет» (организованные банды), как совет директоров руководит большим коммерческим предприятием. В Нью-Йорке совет бандитов заседает в одном из зданий в самом центре города».

Часть американской полиции связана с бандитами, получает от них взятки; поэтому-то так редко ловят бандитов, а уж если поймают, то подкупленный судья оправдает их.

Отрасль бандитского дела, занимающаяся похищением ребят, процветает: ежегодно крадут или пытаются украсть несколько сот ребят; все богачи Америки дрожат за своих детей.

Но в прошлом году произошел небывалый еще в истории американских похитителей людей случай: на острове Куба сыновья миллионеров Кастано украли своего отца и потребовали за него выкуп в 300 тысяч долларов. Они были недовольны тем, что скупой старик давал им мало денег.

Как видите, в Америке трудно разобрать, кто бандит-миллионер и кто миллионер-бандит.

В капиталистических странах стать миллионером можно только применяя бандитские приемы и не стесняясь грабить и безжалостно эксплоатировать тех, кто подвернется под руку. История всех американских миллионеров и миллиардеров — это цепь преступлений, больших и маленьких. Сами капиталисты порождают бандитизм. Как каторжник тащит прикованное к ноге ядро, так капитализм связан с бандитизмом и не сможет от него избавиться, пока существует на свете.

Джон Джекоб Астор I составил себе состояние на торговле мехами. Он организовал Американскую меховую компанию и по дешовке (часто за бутылку водки, что было запрещено законом) скупал у индейцев и охотников меха. Там, где вооруженные с ног до головы агенты Астора скупали меха, не мог показаться никакой другой торговец. Если же находился такой смельчак, он скоро пропадал без вести. И немало таких «исчезновений» было на совести Джона Джекоба Астора I. Ясно, что при таком способе торговли можно было быстро разбогатеть.

Как только бандиты становились богачами, они принимались за другую форму грабежа — эксплоатацию рабочих: строили заводы, фабрики, создавали копи, нефтяные промысла. А для того чтобы им было легче эксплоатировать, миллиардеры через подкупленных депутатов и губернаторов проводят нужные им законы, держат вооруженную стражу, распоряжаются войсками.

Самым «добрым миллиардером» считается стальной король Карнеджи. Он прославился тем, что роздал много миллионов библиотекам и университетам, с тем чтобы они носили его имя. Он прославился еще и кровавой бойней в Гомстеде, где были его заводы.

Карнеджи решил снизить заработную плату рабочим и запретить им состоять в профсоюзах. Зная, что рабочие будут бороться, Карнеджи обнес завод проволокой и по ней пустил электрический ток. В стенах устроил бойницы для винтовок. На стенах установил насосы для горячей и холодной воды. На реке, около завода, поставил несколько катеров с пушками и прожекторами.

Когда все было готово, в Гомстед прибыло 300 бандитов, набранных агентством Пинкертона. Это агентство, по заказу ка-

питалистов, присылает бандитов для того чтобы срывать забастовки.

Один из пинкертоновских молодцов выстрелил в собравшихся рабочих и смертельно ранил одного из них.

Рабочие забаррикадировались за рельсами и начали отстреливаться. Целый день длился бой, пока рабочие не одолели и не взяли бандитов в плен. Было много убитых и раненых.

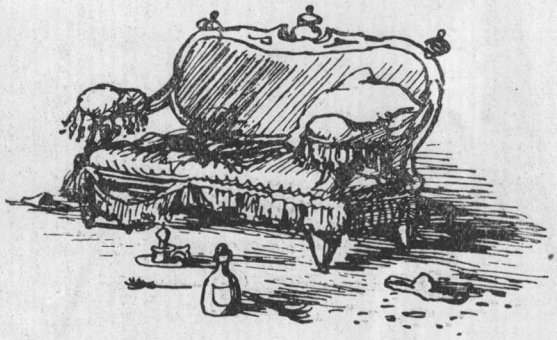
Видя, что бандиты потерпели поражение, Карнеджи вызвал войска. Солдаты начали стрелять и убили и ранили еще 11 рабочих. Заработная плата рабочим была снижена. Бандиты помогли Карнежди стать еще богаче.

Карл Маркс в «Капитале» приводит слова одного англичанина:

— Обеспечьте 10 процентов прибыли, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным; при 50 процентах положительно готов сломать себе голову; при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы; при 300 процентах нет такого преступления, на которое он бы не рискнул, хотя бы под страхом виселицы...

История американских миллиардеров — это история преступлений, жульничества, грабежей. Первые миллиардеры — это просто удачливые бандиты. И сейчас еще миллионеры выходят из главарей бандитских шаек. В городе Детройте недавно поставили памятник мистеру Смиту. Смит был бандит и заработал всякими темными делами несколько миллионов.

После своей смерти Смит оставил городу Детройту миллион долларов. Часть из этих денег должна быть потрачена на памятник Смиту. И город поставил памятник бандиту.



С. Михалков *Рис. Ю. Кискачи*

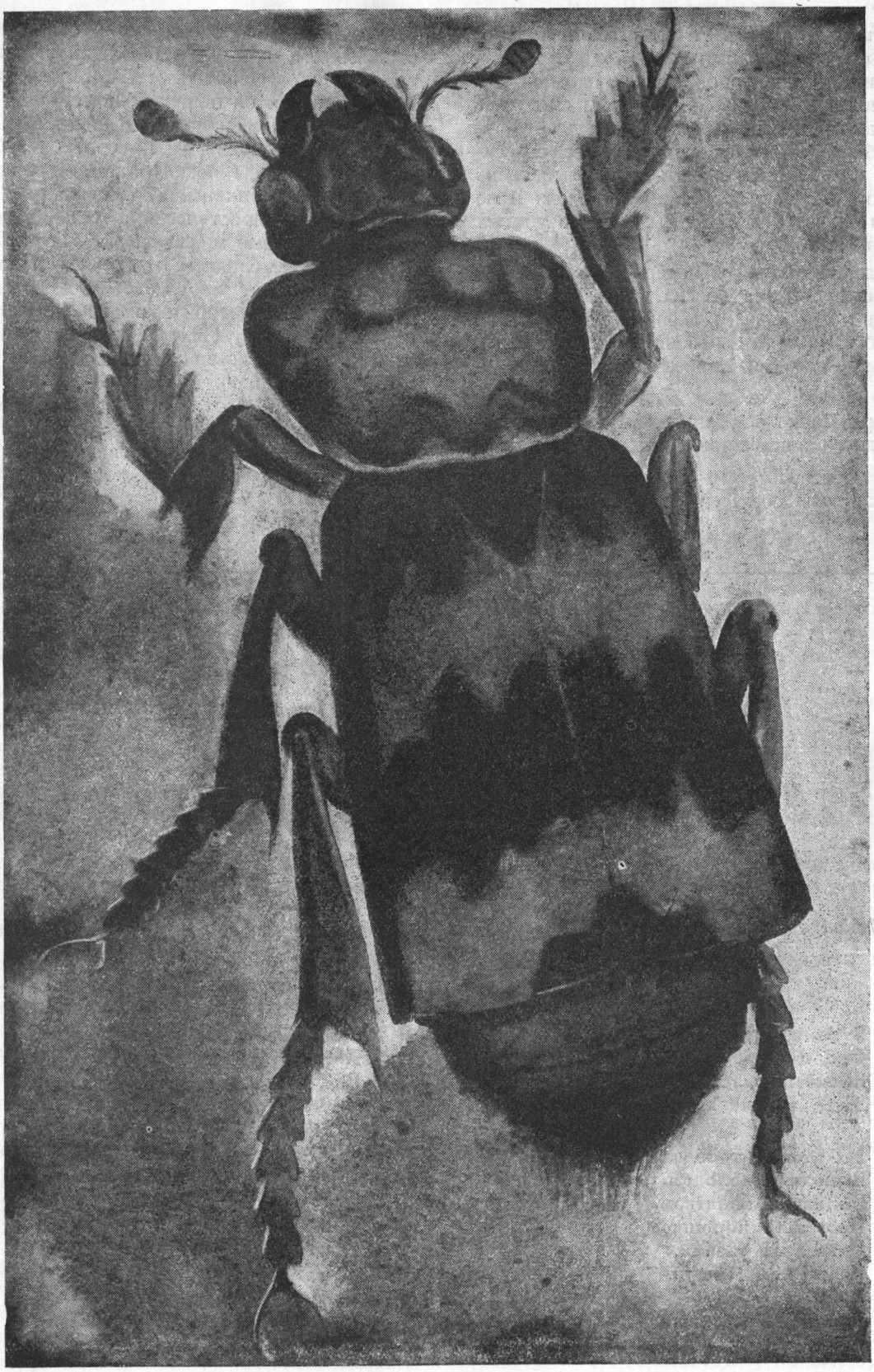
Про клопов

В комнате у дяди Вани,
Там, где кресла и шкапы,
Жили в маленьком диване
Злые рыжие клопы.

Их морили голодом,
Выводили холодом,
Поливали кипятком,
Посыпали порошком
И травили газами,
Керосином мазали,
Зря!
Клопов не убывало,
Сыпь, не сыпь!
И лей, не лей!
Все, что в битвах выживало,
Становилось только злей!

Надоело дяде Ване
Между кресел и шкапов
У себя держать в диване
Злых коричневых клопов.

Взял
И выбросил диван!



Жук-могильщик. Увеличен в сорок раз.

Жан-Анри Фабр

Жуки-могильщики

Обработал Н. Плавильщиков *Рис. А. Брея*

Есть ли у жуков ум?

Иногда на краю лесной тропинки можно увидеть мертвого крота, землеройку, ящерицу. Долго ли пролежат они здесь? Об этом не стоит беспокоиться: существует целая армия блюстителей чистоты полей и лесов.

Первыми прибегают муравьи. Вскоре на запах слетаются мухи, сюда же спешат небольшими отрядами жуки-сильфы, блестящие жуки-карапузики, кожееды, стафилины —все они усердно грызут и роют. Они уничтожают гниющие остатки. Потом являются и другие санитары. Они разбирают труп кость за костью, шерстинка за шерстинкой, пока последний остаток мертвечины не пойдет на пользу живым. Воздадим заслуженную честь этим санитарам и рассмотрим их поближе.

Самый сильный из санитаров — жук-могильщик. Он выделяется и своим ростом, и окраской, и нравами. У него есть красные шишечки на усиках и двойная оранжевая перевязка на черных надкрыльях. Это настоящий могильщик-погребатель. В то время как сильфы, карапузики, кожееды доотвала наедаются падалью, могильщик зарывает ее почти целиком на месте. Зарытая в земле, падаль послужит пищей его потомству — личинкам. Обычно этот санитар двигается очень медленно, но он очень проворен, когда ему приходится зарывать в землю труп. Несколько часов—и мертвый крот зарыт. Остается только маленькое возвышение — могильная насыпь — единственный след работы санитара.

Некоторые ученые считают, что жуки-могильщики — большие умники, что будто бы природа наделила этих жуков умственными способностями. Верно ли это?

Я не собираюсь умалять ваши заслуги, славные могильщики, я далек от этой мысли. Наоборот, я сам расскажу такие истории, которые прославят вас еще больше. Мне только хочется спросить вас кое о чем. Обладаете ли вы тем умом, который вам приписывают? Вот в чем задача.

Погребение крота

Случайные встречи с жуками в лесу или в поле мало помогут нам. Необходим садок, только в садке можно провести целый ряд любопытных наблюдений и разнообразных опытов. Но как заселить этот садок? Идти искать жука в поле — безнадежное дело. Заставим жука самого придти к нам. Ведь приманить его так просто: стоит только запастись мертвыми кротами.

И вот я вхожу в сделку с соседним садовником. Добряк смеется, он удивляется тому, что мне спешно понадобились его злейшие враги — кроты. Через несколько дней у меня около трех десятков мертвых зверушек. Я раскладываю их в разных местах, внутри загородки. Теперь остается ждать. Ежедневно по нескольку раз я приподнимаю мертвого крота и смотрю, не появились ли под ним жуки.

Мне не приходится долго ждать. Ветерок уже разнес запах падали во все стороны, и гробокопатели не замедлили отозваться: их собралось к моим кротам достаточно.

Прежде чем говорить о наблюдениях в садке, скажу немного об обычных условиях работы могильщиков. Жук не выбирает себе добычи, он берет то, что ему попадется. Среди его находок бывают маленькие— землеройка, и средние—полевая мышь, и крупные—крот, уж. Перенести труп жук не может — мертвый зверек слишком тяжел для него. Чуть передвинуть его—вот все, что в состоянии сделать жук. Поэтому могильщик должен рыть яму-могилу на том самом месте, где лежит мертвое животное.

Труп может лежать и на рыхлой земле и на каменистой почве; почва может быть голая и может быть покрыта густой травой, пронизанной сетью корешков. Иногда мертвое животное лежит не на земле, а на слегка примятой траве или бурьяне, чуть возвышаясь над землей. Очевидно, могильщику приходится работать по-разному: он должен уметь не только рыть, но и разламывать, разрывать, поднимать и сбрасывать, раскачивать, передвигать. Если бы у жука не было этих талантов, он не годился бы для ремесла могильщика.

Из этого видно, как осторожно надо делать выводы и заключения. Всякое инстинктивное действие имеет, конечно, свою причину, но обсуждает ли сперва животное целесообразность своего поступка? Постараемся ясно понять его поведение, подкрепим каждый наш вывод новыми доказательствами. Может быть, тогда мы сможем ответить на интересующий нас вопрос.

Прежде всего скажу несколько слов о с'естных припасах. Как санитар полей и лесов могильщик не отказывается ни от какой падали. Для него хорошо все, лишь бы добыча была не слишком велика. С одина-

Крот лежит на песке, могильщики уже около него.

ковым усердием зарывает он лягушек и змей, рыб и птиц и зверьков. Он не брезгует сырой говядиной, неплоха для него и протухшая баранья котлета и кусок бифштекса. Поэтому содержать могильщика в садке совсем не трудно: угощение найдется всегда. Немного хлопот и с помещением: широкий колпак из проволочной сетки, поставленный на лоханку со свежим, слегка примятым песком,—и квартира готова.

Теперь за дело. Крот лежит на песке, и четыре могильщика уже находятся под ним. Они забились под труп и своими спинками подталкивают крота снизу вверх.

Вот один из жуков вылезает наружу и исследует труп, роясь в его бархатной шерстке. Затем, он поспешно возвращается назад, под крота, снова вылезает, снова скрывается. Крот слегка покачивается, а вокруг него растет и растет маленький валик песка. Благодаря собственной тяжести и от усилий могильщиков, работающих снизу, крот понемногу опускается все глубже и глубже.

Вскоре выброшенный наружу песок осыпается под толчками невидимых землекопов, обрушивается и скрывает под собой крота. Произошли какие-то таинственные похороны. Труп исчезает как бы сам собой, постепенно погружаясь в песок, словно медленно тонет в нем. Теперь работа будет продолжаться под покровом песка до тех пор, пока крот не будет зарыт достаточно глубоко.

Эта работа в сущности очень проста. По мере того как могильщики углубляют ямку, крот спускается в нее, а за ним ссыпается и песок. Для такого ремесла не нужно ничего, кроме хороших лопат на концах ног и сильных спинных хребтов, способных слегка покачнуть мертвого крота. Прибавим еще уменье часто потряхивать труп. От этого труп легче спускается в узкую ямку. Скоро мы увидим, как важно это искусство в работе могильщика.

Заботливые родители

Подождем два — три дня и затем проведаем покойника. Крот — теперь уже не крот: это какой-то безволосый комок. Немало пришлось жукам поработать, чтобы уничтожить всю шерсть крота. И всегда это так: выроешь зверька, он уже без шерсти; выроешь птицу, она без перьев, если не считать длинных перьев крыльев и хвоста, которые остаются на своих местах. Но змеи, ящерицы, рыбы сохраняют свою чешую.

Этот комок, бывший несколько дней назад кротом, покоится теперь в подземной пещере, в очень неплохом зале. Комок не тронут, с него только удалена шерсть. Могильщики не принимались за него: это — наследство детям, а не корм родителей.

Вблизи крота находятся только два могильщика. Это пара — самец и самка. Но в погребении участвовали четыре жука, а из них — три самца. Куда же девались еще два самца? Я нахожу их зарывшимися в

земле, почти на поверхности. Это не единичный случай. Всякий раз, как я присутствую при работе нескольких жуков, я нахожу позже при трупе только одну пару, сидящую в подземной пещере. Остальные удалились, окончив работу, в которой они участвовали с таким усердием.

Замечательные отцы эти могильщики! Ведь обычно у насекомых только мать заботится о судьбе потомства. Здесь же самцы трудятся не только для своей, но и для чужой семьи.

Родители еще долго работают сообща в подземной пещере: они выщипывают волосы из трупа, уминают его, дают ему хорошенько размякнуть. Когда все приведено в полный порядок, пара удаляется, расходится в разные стороны. Теперь каждый в отдельности начинает работу над новым трупом, хотя бы и в качестве помощника.

Итак, уже два раза мне пришлось наблюдать у насекомых отца, работающего наравне с матерью. Это некоторые навозники и могильщики — истребители падали.

Недели через две после погребения я вырываю труп полевой мыши. Я нахожу там пятнадцать личинок, большей частью уже достигших полного роста. Здесь же находится несколько жуков. С'естного много, делать нечего, и жуки присоединились к трапезе личинок. Могильщики не тратят много времени на воспитание своей семьи. Не более как через пятнадцать дней после погребения мыши ее население уже близко к превращению. Такая скороспелость меня удивляет.

Личинка белая, голая и слепая. По форме тела она несколько напоминает личинку жужелицы. Ее крепкие черные челюсти — прекрасные резцы, а короткие ножки достаточно проворны. Выросши, она покидает родимую пещеру и углубляется в землю. Там, работая ножками и спиной, устраивает она пещерку, в которой спокойно сможет ждать превращения. Затем укладывается и лежит неподвижно. Проходит около десяти дней, и личинка становится куколкой.

Неожиданное препятствие: кирпич

Перейдем теперь к тем «разумным» действиям, которые прославили жука-могильщика.

Я устраиваю мостовую из кирпича по середине моего садика. Засыпаю ее сверху слоем песку и кладу здесь мертвую мышь. В садике семь жуков, из них три самки. Все они сидят, зарывшись в песок. Жуки скоро узнают о присутствии трупа. Прибегают самка и два самца. Они подлезают под мышь и пробуют рыть слой песку, прикрывающий кирпич. Жуки быстро дорываются до кирпича. Работа останавливается. Я пользуюсь случаем, чтобы узнать, как работают жуки. Голый кирпич дает мне возможность видеть то, что скрыла бы от меня рыхлая земля. Если надо двигать труп, то жук опрокидывается на спину, вцепляется всеми шестью лапками в шерсть мертвого зверька, сгибается дугой и толкает его лбом и концом брюшка. Если нужно рыть, жук принимает обычное положение, становится на ноги. Таким образом, могильщик действует попеременно: ножками вверх, когда нужно передвигать труп или втаскивать его поглубже, а во время копания, стоя на ногах.

Работа остановилась: грунт непроницаем. Часа три шла возня, не давшая ничего. Наконец, один из самцов, отойдя от трупа, натолкнулся на чистый песок: мостовая окончилась. Он пробует мягкую почву, роет пробную дырку, в которую и погружается до половины. Разведчик возвращается к мыши. Начинается работа хребтами. Она ничего не дала. Теперь на разведки отправились оба самца. Пробы грунта делались всюду. В конце концов жуки вернулись к мыши. И вот мышь начинает шататься, колеблется, подвигается вперед. Понемножку она передвигается. Жуков не видно, и кажется, что труп передвигается сам собой. На этот раз работа идет хорошо, вскоре мышь оказывается лежащей на чистом песке. Началось погребение по привычному способу. Для того чтобы ознакомиться с грунтом и перетащить мышь, жуки потратили шесть часов.

Самцы играют первую роль в хозяйственных делах: на разведки выходили они, место для ямки искали они. Самка все время сидела под мышью. Следующие опыты подтвердят заслуги самцов. Это — первое наблюдение.

А вот и второе. Когда место, на котором лежала мышь, оказалось непригодным для рытья, то жуки никакой ямы заранее не рыли. Да и как они могли рыть ее? Чтобы копать яму, жук должен ощущать на своей спине тяжесть добычи. Он роет только под

трупом. Два месяца наблюдения подтверждают этот вывод.

В течение шести часов мои три жука выбивались из сил, пока им удалось передвинуть мышь на рыхлый песок. Для такой работы несколько помощников было бы не лишним. Под тем же колпаком имелось еще четыре могильщика, зарывшихся в песок. Однако ни один из работавших не догадался позвать их на помощь. Работа была очень тяжела, и все же три жука выполнили ее до конца без всякой помощи. А помощь была тут, рядом.

Может быть, скажут мне, эти три жука считали себя достаточно сильными, чтобы обойтись без помощи? Я много раз видел одиночек-могильщиков, которые изнемогали от усилий, стараясь преодолеть устроенные мною для них препятствия. И ни разу они не покинули работы, чтобы идти собирать помощников. Правда, сотрудники часто приходили. Но их никто не звал; они просто являлись на запах падали. Их принимали не без удовольствия, но вместе с тем и без благодарности. Их не звали. Их только терпели.

Могильщики-дровосеки

Помимо искусства землекопа могильщик обладает и другими способностями: он умеет рвать корешки, побеги, корневища, все, что препятствует опускать добычу в яму. К работе копальщика должна присоединиться и работа дровосека. Все это можно предвидеть, но опыт — наилучшее доказательство.

Я беру из кухни очажок-треножник. Укрепляю на нем грубую сеть из растительных волокон — довольно точное подражание сети из корней. Треножник вдавлен в почву до своей верхушки. Сетку я прикрываю песком. Крот кладется на середину, и мой отряд могильщиков выпускается на труп. Погребение состоялось без особых затруднений: жуки прогрызли сеть как раз под кротом и ровно настолько, чтобы крот прошел в дыру.

Отлично, мои гробокопатели! Я не ожидал от вас меньшего. Вы перегрызли волокна сетки, как сделали бы это с корнями травы. Любое насекомое сделало бы так же. Но вот более трудная задача: крот привязан спереди и сзади завязкой из тех же волокон к горизонтальной перекладине. Мертвое животное всей своей длиной ка-

Появляется жук, взбирается на крота, ползает и смотрит.

сается земли. Могильщики исчезают под трупом и начинают рыть. Яма углубляется, образуется пустота, но крот не опускается. Рытье замедляется, наступает нерешительность. Однако один из жуков выходит на поверхность, взбирается на крота, осматривает его и, наконец, замечает привязь. Жук принимается жевать ее. Крак! Дело кончено. Крот опускается в могилу. Но он опускается косо; его голова торчит снаружи — ее держит вторая привязь. Жуки приступают к погребению спустившейся части крота. Они долго дергают и встряхивают ее, но напрасно, передняя часть крота не спускается в яму. Вновь появляется жук, взбирается на крота, ползает и смотрит. Найдена и вторая привязь. Теперь работа идет без препятствий.

Примите мои похвалы, догадливые жуки, но хвастаться вам еще нечем! Крот был привязан растительными волокнами, хорошо знакомыми вам по работе в дернистой почве. Вы способны и на большее, но прежде чем говорить об этом, рассмотрим еще один случай.

Бывает, что почва густо поросла крошечными кустарниками, которые поддерживают труп на некотором расстоянии от земли. Останется ли такая находка неиспользованной могильщиком?

Я убежден, что могильщикам часто приходится иметь дело с такими случаями. Уменье уронить зацепившийся и повисший труп должно, конечно, тоже быть им известно.

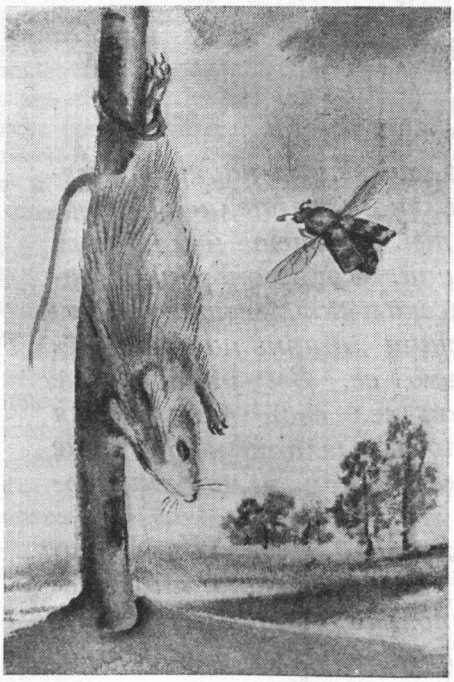
Я всаживаю в песок моего садка жидкий пучок тимьяна не выше 30 сантиметров и кладу на его ветки мышь. Зацепляю ее хвостом и ногами за ветки, чтобы жукам

пришлось побольше повозиться с добычей. Два жука замечают мышь, забираются на тимьян. Они толкают труп из чащи веточек. Еще толчок — и мышь уже лежит на песке. Ничего нового в этом нет. С мышью произошло то, что обыкновенно бывает на почве, негодной для рытья ямы.

Трудная задача: снять крота с палки

Я беру крота, обвязываю его веревкой за задние ноги, привязываю к палке, а палку втыкаю в землю. Крот висит вдоль палки и касается земли головой и плечами. Могильщики принимаются за работу: роют ямку под головой крота. При этом одновременно подкапывается и палка. Она начинает шататься и, наконец, падает. Как будто бы я увидел один из замечательных подвигов могильщика: жуки подрыли палку. Однако подождем с заключениями. Выясним раньше, как упала палка: нечаянно ее подрыли жуки или же умышленно? Этот вопрос разрешить нетрудно.

Возобновляю опыт. Но теперь палка стоит не отвесно, а наклонно. Голова крота касается земли на некотором расстоянии от палки. И вот жуки роют только под кротом. Ни разу могильщик даже не ударил ножкой у подножия палки. Только под головой и плечами копалась ямка, больше нигде. Итак, этот опыт опровергает мнение некоторых ученых, что у жуков есть разум. Разберемся в этом еще немного. Безразлично, как стоит палка, но пусть труп, привязанный к ее верхушке, не касается земли.



Мышь подвешена на палку.

Что будут делать могильщики, если не смогут дотянуться с земли до подвешенной тушки животного? Будут ли они подрывать палку, чтобы уронить ее? Никаких подкопов, даже намеков на подкоп. Могильщики овладевают трупом совершенно иначе.

Палка укреплена отвесно, но мышь, которую я привесил на ней, не достает земли. Могильщики полезли на палку. Добыча осмотрена и одобрена. Начинается обычная возня с ее перемещением. Жуки протискиваются между мышью и палкой, упираются спинами, шатают и трясут труп. Все утро проходит в этой возне. Около полудня причина задержки кое-как выясняется: жуки нападают на задние ноги мыши, несколько ниже привязи. Они срывают шерсть, обдирают кожу, и один из них натыкается на привязку. Растительное волокно — да это тот же корешок! Жук усердно грызет. Мышь падает. Все в порядке.

Это перегрызание завязки было бы замечательным поступком, если бы жуки перегрызли завязку сразу. Но прежде чем они сделали это, они целое утро трясли и толкали привязанную мышь. Завязка была на виду, но только случайно натолкнувшись на нее, жуки сделали то, чего я ожидал. Я заменил волокно проволокой. Жуки после продолжительной возни перегрызли... ногу мыши. Это был мышонок, с еще совсем тонкими костями.

А если кость крепка? Привязанная проволокой взрослая мышь так и остается висеть на палке. Жуки более недели работали над ней: они выщипали у нее всю шерсть, привели ее в самое жалкое состояние. Они возились с этой мышью до тех пор, пока она не засохла. А ведь средство овладеть добычей было простое — повалить палку.

Что показали опыты

Последний опыт. Верхушка палки раздвоена. Я связываю задние лапки мыши ниткой и вешаю ее на очень короткий и почти горизонтальный развилок. Достаточ-

но легкого толчка вверх—и мышь упадет. Пять жуков принимаются за дело. После напрасных встряхиваний мыши они начинают грызть ее ноги. И вот один из жуков пролез между лапками. Он почувствовал на своей спине шерсть мыши, толкнул — и мышь соскользнула с развилка. Было это обдуманным действием? Как знать. Условия опыта таковы, что сразу ничего не скажешь. Жук касался спиной мыши, то есть попал в обычные условия, почувствовал себя как бы под мышью. В этих условиях он всегда толкает хребтом. Попробуем поставить жука в необычные условия, а именно, чтобы тушка была отдалена от развилка, чтобы жук не мог прикоснуться к ней спиной.

Связываю проволокой лапки воробья или две ножки мыши, сгибаю проволоку на 4 сантиметра выше ножек в маленькое колечко. Колечко надеваю на короткий развилок. Достаточно слегка толкнуть колечко, — и оно скользнет с развилка. Моя хитрость наивна, но успех превзошел ожидания. Воробьи и мыши, подвешенные по такому способу, висят так долго, что высыхают. Ни один могильщик не смог решить задачи: легонько подтолкнуть кверху подвижное колечко.

Если в предыдущем опыте они сбросили мышь с развилка «сознательно», то почему же они не могут сделать этого теперь? Нет, ничего не стоят все сказки о разумных

Ни один могильщик не догадался подтолкнуть кверху подвижное колечко.

действиях жука-могильщика! Как и все прочие насекомые, несмотря на свою славу хитреца и умника, жук-могильщик имеет руководителем только побуждение инстинкта.

●●●

Французский ученый Фабр создал целую науку о насекомых. Всю жизнь Фабр внимательно и терпеливо наблюдал за насекомыми и делал опыты. У него накопилось очень много интересных наблюдений. Тогда он решил написать для своего сына книгу о насекомых. Мы напечатали „Жуки-могильщики" отрывок из книги „Жизнь насекомых".

Прочтите, ребята, внимательно ее. Вы узнаете не только о жуках, но и о том, как вел свои наблюдения замечательный ученый Фабр. Чтобы сделать настоящие открытия в науке, надо уметь, как Фабр, всматриваться и изучать окружающую природу.

В № 8 нашего журнала напечатали письмо Шуры Герасимова о пауках. Шура сумел увидеть много интересного: у него зоркие глаза. Нужно только, чтобы Шура не бросал наблюдать. Пусть все ребята, которые, как Шура, наблюдают над природой и животными, напишут нам о своих наблюдениях и пришлют зарисовки.

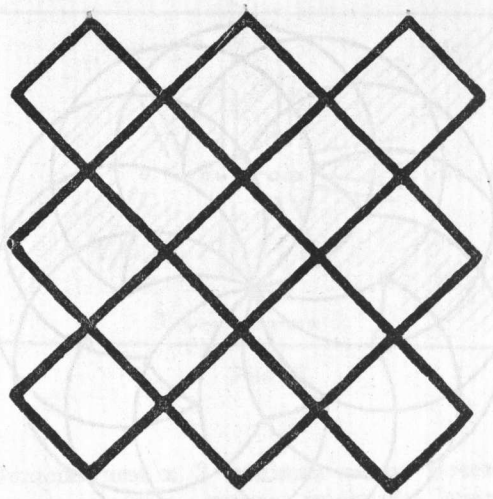


Рис 1.

Кенигсбергские мосты

Я. Линский

В пятом номере «Пионера» была напечатана фигура, которую мы предлагаем нашим читателям нарисовать одним росчерком, т. е. не отрывая карандаша от бумаги и не водя дважды по одной и той же линии.

На этой странице мы даем еще 4 рисунка. Рисунки № 1 и № 2 очень простые, а рисунки № 3 и № 4 гораздо сложнее. И все же заранее можно сказать, что первые две фигуры нельзя нарисовать одним росчерком, а вот 3 и 4-ю, хотя они и более сложные, можно нарисовать, соблюдая правила. Попытайтесь это сделать. Можно ли заранее определить, какую фигуру никак не удастся нарисовать, не отрывая карандаша от бумаги и не водя дважды по одной и той же линии?

Вопрос этот разрешил один выдающийся математик 18-го века — Леонард Эйлер. Он этим занимался для развлечения.

Родился Эйлер в Базеле, уже в 16 лет он получил ученую степень магистра математических наук. Ему было не до развлечений. На своей родине Эйлер не мог получить работы, и он уехал в 1727 году в Россию, где читал лекции по физике и математике. Однако в 1741 году Эйлер уехал из России. Жестокие тогда были времена. Царствовала в России в то время Анна Иоанновна, а правил государством Бирон. После пребывания в России Эйлер стал очень молчалив и грустен. Когда у него однажды спросили, почему

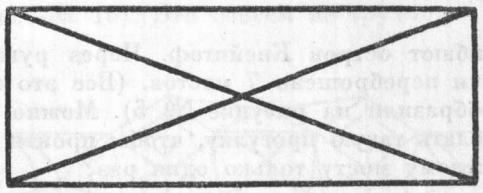


Рис. 2.

он так молчалив, он ответил: «Я приехал из страны, где тех, кто говорит, вешают». 28 лет Эйлер ослеп на один глаз, а затем совсем потерял зрение. Но и после этого Эйлер продолжал свою огромную научную работу. За свою жизнь он написал 756 больших научных работ.

Зачем же Эйлер занимался такими пустяками, как задача, какую фигуру можно нарисовать, не отрывая карандаша от бумаги и не повторяя линии дважды?

Оказывается, что задача эта — не пустяк. Решение ее имеет большое значение при составлении узоров для ткани. Если узор для ткани нельзя нарисовать одним росчерком, то его также нельзя соткать из одной нитки. Придется дважды пропустить нитку, и тогда узор получится в этом месте толще. Или же придется обрывать нитку и делать узелки. Это испортит ткань.

Леонард Эйлер сумел ответить на вопрос, но не сразу. Сначала он решил вот какую задачу.

В городе Кенигсберге (Германия) река Прегель делится на 2 рукава, которые

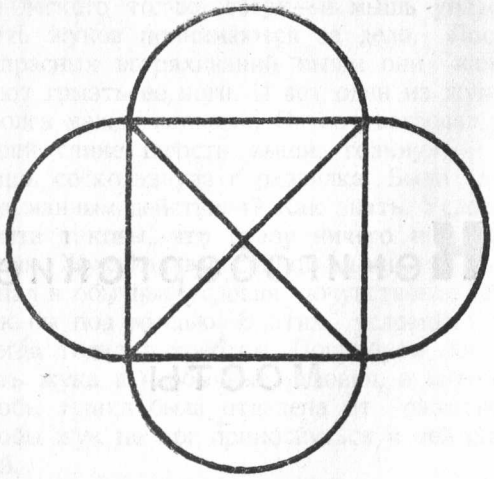


Рис. 3.

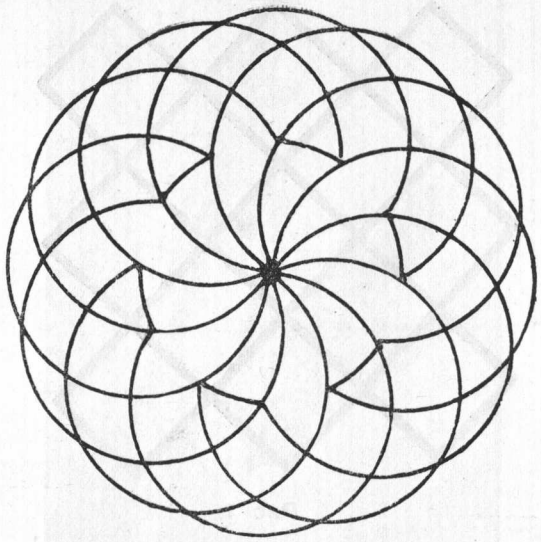


Рис. 4.

огибают остров Кнейпгоф. Через рукава реки переброшено 7 мостов. (Все это мы изобразили на рисунке № 5). Можно ли сделать такую прогулку, чтобы пройти по каждому мосту только один раз?

Чтобы решить эту задачу, не обязательно жить в Кенигсберге. Вместо прогулки по Кенигсберту попробуйте провести карандашом по рисунку так, чтобы, не отрывая карандаша, пройти им каждый мост только один раз. Попробовать, конечно, можете, но долго этим не занимайтесь. Вам все равно не удастся это сделать.

Эйлер для того и выбрал задачу с кенигсбертскими мостами, чтобы изучить такой случай, когда непрерывный рисунок сделать нельзя. Исследуйте сами этот случай. На остров ведут 5 мостов. На каждый из остальных 3 участков — еще 3 моста. Значит, если к каждому участку проведено нечетное число мостов, по ним нельзя сделать такой прогулки, чтобы пройти каждый мост только один раз.

Взгляните теперь на рисунок № 6. К острову проведено 6 мостов, и на каждый из остальных 3 участков—по 2 моста. По этим мостам легко прогуляться, не проходя дважды по одному и тому же мосту. Так же можно пройти и по мостам, которые изображены на рисунке № 7. Здесь ведут в 2 пункта нечетное число мостов и в остальные — четное.

Какие же выводы можно сделать из всех этих исследований?

Вот какие.

Когда к каждому пункту ведет четное число мостов или не более чем к 2 пунктам—нечетное, а к остальным—четное число, то по этим мостам прогулку можно сделать, проходя по каждому из них только один раз. В тех же случаях, когда

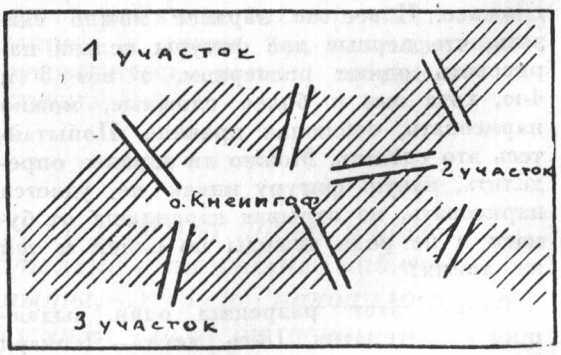


Рис. 5.

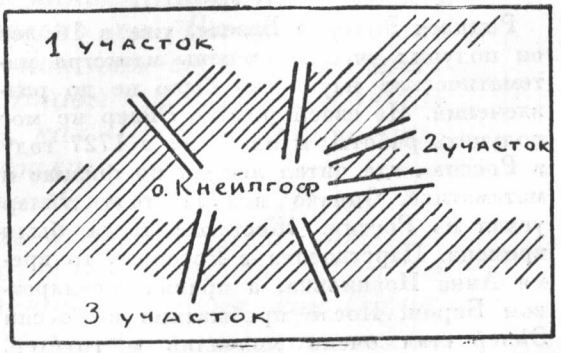


Рис. 6.

Рис. 7.

больше чем к 2 пунктам ведет нечетное число мостов, такую прогулку сделать нельзя.

Вернемся теперь к нашим рисункам.

Посмотрите на рисунок № 8. В нем 8 точек, в которых сходится нечетное число линий. Проверьте, и вы убедитесь, что в тех точках, где проставлены кружки, линии расходятся в 3 направлениях.

Рисунок как будто очень прост, но, по правилам Эйлера, вы его не сможете нарисовать, не повторяя линий и не отрывая карандаша от бумаги. Этот рисунок не годится как узор для ткани. А вот следующий рисунок, № 9, как будто очень запутан, но его можно выткать из одной нитки. Если внимательно подсчитать, то окажется, что в нем только 2 точки, где сходится нечетное число направлений, а во всех остальных точках число направлений четное. Значит, нарисовать этот узор можно, не отрывая карандаша и не повторяя дважды ту же линию.

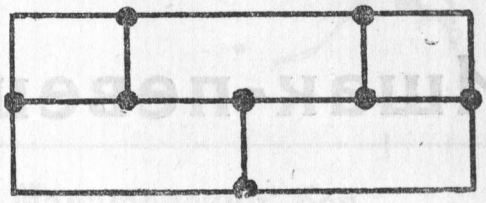


Рис. 8.

Искусство рисовать одной непрерывной линией существовало еще в глубокой древности. Есть такая легенда о Магомете. Он был неграмотен и вместо подписи наловчился быстро одним росчерком рисовать знак, состоящий из 2 рогов луны (рис. № 10). Это совсем не трудно.

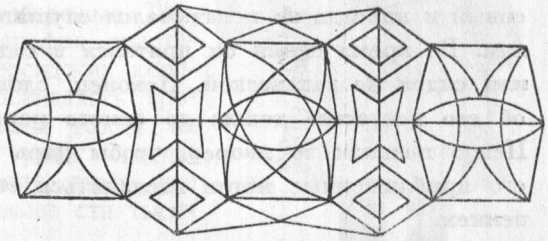


Рис. 9.

Попробуйте сделать это сами и напишите нам, удалось ли это вам.

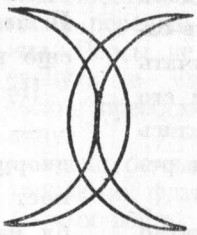


Рис. 10.

Ишак-певец

Узбекская сказка

Записала и обработала А. Лебединская

Рис. Ю. Кискачи

Когда-то, давно, жил один певец, который прославился своим голосом на все царство. Но этот певец был очень некрасивый и никогда не показывался слушателям. Во время пения он прятался в саду или сидел за занавеской. Наконец, слава об его искусстве дошла до самого царя. Певца позвали во дворец, чтобы царь и его приближенные могли насладиться его пением.

В назначенный день певец оседлал ишака и отправился в путь. Дорогой ишака укусила ядовитая муха. Ишак взбесился от боли, сбросил седока и убежал.

Он долго мчался, не разбирая дороги, и прибежал прямо в царский сад; боль от укуса уже прошла, и ишак, найдя в саду много вкусных колючек, стал кричать от удовольствия. Между тем царь и его приближенные в ожидании певца уселись на террасе. Услышав рев ишака, они решили, что это поет в саду певец.

— Какой могучий голос, как приятно его слушать! — говорили они, делая восхищенные лица.— Такого певца можно услышать из соседней деревни.

И они бросали в сад веера, чтобы показать, как им нравится пение.

А настоящий певец тем временем подошел пешком к воротам дворца. Стража задержала его и спросила, кто он и что ему нужно. Певец назвал свое имя, но никто ему не поверил, так как все думали, что певец уже давно поет в саду. Стражники подумали, что он злодей, и повели его в суд.

В суде певец рассердился; он рассказал, что в царский сад забрался его ишак и кричит там, а царь и его приближенные думают, что это певец. Тогда послали за главным судьей, который тоже был во дворце. Главный судья пришел и велел певцу что-нибудь спеть, чтобы узнать, правда ли, что он тот знаменитый певец. И певец запел так хорошо, как никогда еще не пел.

Но судья выслушал его и сказал:

— Ты обманщик! Я только что был во дворце и слышал настоящего певца: он поет гораздо лучше и громче тебя. А тебя надо судить за обман и как следует наказать.

— Хорошо,— сказал певец,— но если пение моего ишака тебе нравится больше чем мое, — твой ишак достойнее быть моим судьей чем ты.

Спорт

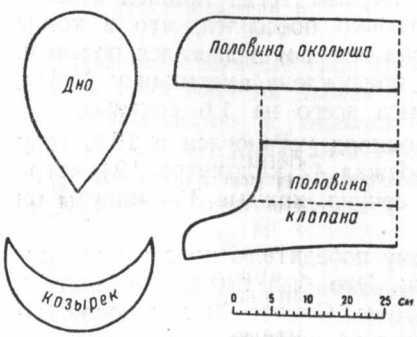
Норвежская шапочка

Помещаем выкройку очень удобной для лыжников и конькобежцев норвежской шапочки. Делать ее лучше всего из шерстяного материала (можно перешить из старой одежды).

Боковые клапаны делаются двухсторонними, чтобы в случае ветра их можно было отворачивать и закрывать уши.

Средняя часть делается на подкладке из сатина. В козырек, сшитый из двух половинок, закладывается кусок кожи или брезента. Готовый козырек прострачивается 2—3 раза.

Картон класть в козырек не стоит: он ломается и размокает.



Марафонский бег

11 сентября 490 года до нашей эры из греческого города Афин выступило небольшое войско. 10 тысяч афинян и тысяча их союзников-платейцев — вот все, что могли собрать афиняне против грозного и непобедимого врага — персов.

Быстрым шагом двигались тяжеловооруженные гоплиты к побережью. Там, у селения Марафон, пристали сотни персидских кораблей и высаживалось громадное войско. Когда на другой день греки подоспели к Марафону, персы уже высадили больше ста тысяч воинов.

Командующий греческим войском Мильтиад расположил своих гоплитов в несколько шеренг поперек окруженной горами долины. Опираясь флангами на возвышенности сбоку долины, греки перешли в наступление. Персы не могли развернуть в узкой долине свою превосходную конницу.

Сотириос Луис, первый победитель в марафонском беге.

Греки беглым маршем кинулись на персов и опрокинули их фланги, а затем и центр, состоявший из отборных войск.

Персы в панике бежали на свои корабли и отплыли из Греции. Это была первая победа греков над персами.

Граждане Афин со страхом ждали известий с поля битвы. Их надо было быстрее известить о победе.

Стратег Мильтиад (у афинян 10 выборных стратегов поочереди были начальниками) позвал юношу-воина, славившегося своим быстрым бегом, дал ему знак победы — ветку масличного дерева — и приказал бегом доставить ее в Афины.

Из истории лыжного спорта

Лыжи, как и колесо, известны с самых древних времен. Некоторые ученые считают, что их родиной надо считать Байкальские и Алтайские горы. Оттуда монгольские племена разнесли их по всему миру. Особенно они были распространены там, где были длинные и суровые зимы, — в Скандинавии, России.

❋

О том, как распространены были лыжи в быту скандинавов, говорит старинный норвежский закон об изгнании преступников так далеко, «как может бежать лапландец на своих лыжах». Норвежские поэты 11-го века даже называли корабли «морскими лыжами».

❋

Самое старинное изображение лыжника находится на каменной скале около города Упсалы, в Швеции. Оно сделано примерно в 10-м веке нашей эры. На скале высечены стрелки — лыжники, убивающие оленя.

❋

Первые лыжи на севере, по всей вероятности, были не деревянные, а меховые. Потом изобрели короткую меховую лыжу на правой ноге для отталкивания и длинную деревянную лыжу на левой ноге для скольжения. Такими лыжами пользовались в Норвегии еще до 1800 года.

❋

Первые известия об употреблении лыж на войне появились в 1199 году. Историк Саксо описал войну финнов на лыжах.

❋

В древней Руси лыжи были известны очень давно. В 1479 году князь Курбский отправился с лыжной ратью вниз по Иртышу на завоевание Сибири.

Марафонцы-бегуны на Ленинградском шоссе, в Москве.

Воин бросился бежать и без отдыха пробежал 42 километра 194 метра—от поля сражения до Афин. Через шесть часов он вбежал в афинскую крепость Акрополь, взмахнул масличной ветвью и крикнул: «Победа»—и упал. Когда его подняли, юноша был мертв.

В честь юноши греки стали устраивать состязания в беге на расстояние, которое он пробежал. Эти состязания стали называться «марафонским бегом».

В 1896 году в Греции были устроены международные олимпийские игры. После 2½-тысячелетнего перерыва снова был проведен марафонский бег по той же дороге, по которой бежал юноша, — от Марафона до Афин. Неожиданно для всех победителем оказался неизвестный греческий пастух Сотириос Луис, пробежавший эту дорогу в 2 часа 55 минут 20 секунд.

Наряду с бегом на 100 метров марафонский бег— самый трудный вид легкой атлетики. Нередко после него плохо тренированных спортсменов отправляют в больницу. Недавно американцы попробовали помочь одному бегуну. Заправилы спортивного клуба ехали на автомобиле рядом с бегуном. На автомобиле был установлен громкоговоритель, и бегуна пытались подбадривать веселыми маршами и фокстротами. Увы, изобретение не помогло: бегун все равно свалился!

Рекорд Луиса был побит только в 1908 году на олимпиаде в Лондоне. Первым тогда пришел итальянец Дорандо. Он настолько обессилел, что в конце дистанции несколько раз падал и подвигался ползком. Поэтому победа была присуждена американцу Хейсу, побившему рекорд Луиса всего на 1,6 секунды.

Последний мировой рекорд установлен в 1936 году корейцем Сон. Он пробежал 42 километра 194 метра в 2 часа 29 минут 19 секунд, каждые 3½ минуты он пробегал километр!

После бега к молодому победителю подошел морщинистый и седой старик. Это был первый победитель в марафонском беге—Луис. Спустя 40 лет после его победы рекорд улучшился на полчаса.

В 1499 году окончилось завоевание Югорской земли этой ратью. А в 1508—1610 годах Скопин-Шуйский собрал четырехтысячный отряд лыжников против поляков.

❄

Первое известие о соревнованиях на лыжах встречается у норвежского летописца Олауса Магнуса в 1555 году. Призами были золотые и серебряные вазы.

❄

Во время восстания Пугачева в 1774 году у крепости Татищевой произошло сражение между лыжными отрядами пугачевцев и полковника Михельсона.

Изображение лыжников из книги Олауса Магнуса 1555 г.

❄

Знаменитое путешествие Нансена в 1889 году на лыжах через Гренландию и появление его книги о путешествии в 1890 году положили начало широкому развитию лыжного спорта.

❄

Первое лыжное соревнование в России было устроено 2 января 1894 года в Москве.

Первый советский рекорд марафонского бега был установлен 26-летним москвичом Боборыкиным в 1935 году — 2 часа 48 минут 23,5 секунды. А за ним прибежал ленинградец Иванов, которому было 46 лет. Позади него осталось 18 молодых бегунов.

6 октября этого года 121 участник 2-го всесоюзного марафонского бега по сигналу судьи начали бег со стадиона «Динамо» в Москве. На стадион вернулось 95 человек; остальные сошли на дистанции. На 11, 19 и 26-м километрах бегунов ждали питательные пункты. Марафонцы на ходу пили какао, ели фрукты.

Наконец, на стадион «Динамо» вбегают три бегуна, далеко оторвавшиеся вперед от остальных бегунов.

Впереди бежит прошлогодний победитель—Боборыкин (Москва). Неожиданно Храмов (Ленинград) обогнал его и быстро пробежал последние 400 метров. Он установил новый всесоюзный рекорд—2 часа 33 минуты 42,7 секунды.

Тов. Храмову 30 лет. Он студент высшей школы тренеров в Ленинграде.

Вот что он рассказывает о беге:

«На всем пути я не принимал никакой пищи. Холодная и сырая погода меня не испугала, я привык к ней во время тренировки.

На 25-м километре я был уже третьим и на 32-м километре — вторым. Дальше началась ожесточенная борьба: Боборыкин, я и Дмитриев к стадиону «Динамо» подошли почти вместе. На дорожку стадиона первым выбежал Боборыкин, следом за ним — я и метрах в 120 от нас — Дмитриев. Когда выходили на прямую, я был уверен, что сейчас будет финиш.

Когда я приблизился к месту, которое я считал финишем, судьи крикнули мне, что я должен бежать еще 400 метров — один круг. Боборыкин был мне уже неопасен. Я уверенно финишировал и первым разорвал ленточку».

Как выбрать лыжи

Существует два способа выбирать лыжи. Обычно лыжу («Телемарк» или «Муртома») берут такой высоты, чтобы лыжник, поставив лыжу рядом с собой и вытянув вверх руку, мог согнутыми пальцами накрыть верх лыжи. Прогулочные лыжи должны быть выше поднятой руки на 20—30 сантиметров. Но еще лучше выбирать лыжи по весу. При весе лыжника до 30 килограммов длина лыжи должна быть 213 сантиметров. При весе от 50 до 58 килограммов—228 сантиметров.

Горные лыжи надо брать на 38 сантиметров короче.

Лыжные палки, как очень длинные, так и очень короткие, неудобны. Советские лыжники, побывавшие в прошлом сезоне на соревнованиях в Скандинавии, рассказывали, что там лыжники отказались от коротких палок и ходят с палками длиной до плеч.

Если вы покупаете лыжи, обратите особое внимание на три вещи:

ПРЯМИЗНУ ЖЕЛОБКА. Для этого приставьте задний конец лыжи к глазу и смотрите вдоль желобка. Всякое искривление сразу же будет заметно.

ОТСУТСТВИЕ СУЧКОВ. Правда, без сучков лыжу найти трудно, но во всяком случае сучки не должны проходить

Сказки о лыжах

У многих народов есть сказки о лыжах. Вот две из них.

Остяки в Сибири рассказывают, что бог Тунк-покс гнался по небу за лосем на лыжах. На крутом спуске он сломал одну лыжу. Это легко проверить, если посмотреть на Млечный путь. Это дорога Тунк-покса. Сначала видны две его лыжни, а потом они сливаются в одну. Это там, где бог сломал лыжу.

У норвежцев известностью пользуются сказки о легендарном лыжнике Тризиле Кнуте. Он на лыжах легко перепрыгивал через 12 человек.

Один из его соседей имел сильную и красивую лошадь, которой он страшно гордился, и хвастался, что он в один день может доехать до Осло, до которого, считалось 50 миль. Однажды, когда он собирался в Осло, мимо него проходит на лыжах Тризиль Кнут и весело кричит ему:

— Ну что, сосед, собираетесь в город?

— Ну, конечно. А куда это ты направляешься?

— Тоже туда.

Гордый фермер решил посмеяться над Кнутом и говорит ему:

— Если ты продержишься хотя бы полдороги за моей лошадью, то я тебе отдам все мое имущество. А если отстанешь,— заберу все у тебя...

Кнут согласился, и они отправились каждый своей дорогой.

Гордый фермер погоняет лошадь вовсю. Вот он проехал полдороги, а Кнута все не видно. Вот он под'езжает к городу, а Кнута все нет. И вдруг из города ему с веселой песней несется Кнут, успевший не только побывать в городе, но и набить покупками свой мешок.

через лыжи насквозь. Присутствие сучков в передней части лыжи и на площадке сильно понижает крепость лыж.

СЛОИСТОСТЬ ДЕРЕВА. Внимательно рассмотрите на заднем срезе лыжи слоистость дерева. Чем параллельнее слои дерева верхнему краю лыжи, тем лучше.

ДЕТСКИЕ РЕКОРДЫ ПО ЗИМНЕМУ СПОРТУ

ЛЫЖИ

МАЛЬЧИКИ 13—14 лет
3 километра — 12 минут — Поперников (Ленинград).
МАЛЬЧИКИ 15—16 лет
5 километров — 18 минут 55 секунд — Сиден (Ленинград).
ДЕВОЧКИ 13—14 лет
2 километра — 10 минут 2 секунды — Кох (Энгельс).
ДЕВОЧКИ 15—16 лет
3 километра — 14 минут 40 секунд — Ершова (Марийская область).

ПРЫЖКИ НА ЛЫЖАХ С ТРАМПЛИНА

МАЛЬЧИКИ 14—16 лет
45,5 метра — Стрельцин (Ленинград).

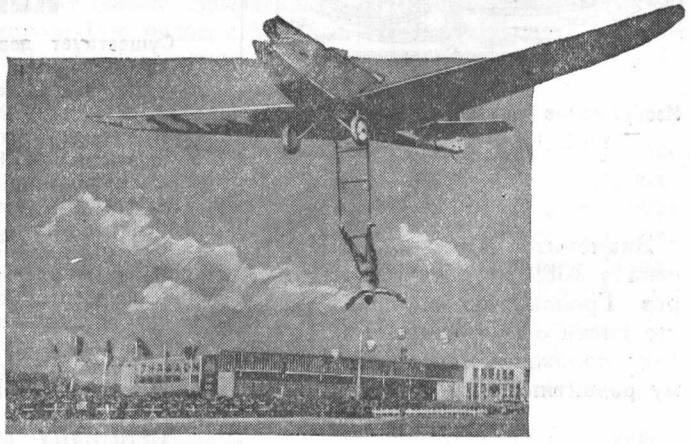
КОНЬКИ (беговые)

МАЛЬЧИКИ 13 — 14 лет
100 метров — 11,8 секунды — Тюрин (Москва).
250 метров — 26,6 секунды — Мельников (Москва).
МАЛЬЧИКИ 15—16 лет
100 метров — 11,4 секунды — Готовцев (Иваново).
500 метров — 53,8 секунды — Ветошников (Горький).
ДЕВОЧКИ 13—14 лет
100 метров — 13 секунд — Алексеева (Ленинград).
500 метров — 58 секунд — Жукова (Горький).
1000 метров — 1 минута 57,1 секунды — Синицына (Киров).
1500 метров — 3 минуты 4,6 секунды — Синицына (Киров).

КОНЬКИ (простые)

МАЛЬЧИКИ 15—16 лет
100 метров — 11 секунд — Ветошников (Горький).
500 метров — 51,7 секунды — Ипполитов (Москва).

Воздушный акробат



Опасный вид спорта—воздушная акробатика. В капиталистических странах ею занимаются безработные спортсмены для заработка.

БИОСКОП

или разные сообщения о вещах, известных и неизвестных, крупных и мелких, видимых и невидимых

●

В одном американском зоологическом саду пропал ключ. Все подозревали, что его проглотил разгуливавший тут же аист. Ключ был очень нужен, и аиста уже решили зарезать. Но у аиста нашлись защитники. Чтобы напрасно не губить дорогую птицу, они быстро достали рентгеновский аппарат, просветили аиста насквозь и увидели, что ключа в нем действительно нет.

Так, благодаря рентгеновским лучам аист остался жив.

●

Недавно один американский ученый, доктор Липман, вынул из толщи самой середины стены старого дома кирпич, разломал его и внутри нашел много неподвижных, как будто мертвых бактерий. Липман поместил их в парафин и стал нагревать. От тепла бактерии проснулись, ожили и стали двигаться и жить как ни в чем не бывало.

А дом был построен в 1767 году. Это значит, что бактерии проспали внутри кирпича, по крайней мере, 169 лет.

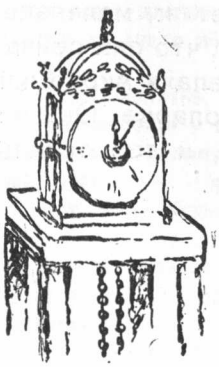
●

В штате Орегон (США) растет цветок, называемый «орегонская лоза». Недавно при раскопках нашли окаменевшие следы таких же цветов. Оказалось, что «орегонская лоза» росла в тех же местах больше чем 30 000 000 лет назад.

●

Экспедиция американца Берда нашла и привезла в Америку растения, выросшие всего в 300 километрах от Южного полюса.

●



Это настольные часы. Им больше 500 лет. Стекла у них нет и никогда не было. Пружины тоже нет. Вместо нее гиря на цепочке как у стенных часов. В столе, на который эти часы ставят, обязательно должна быть дырка. В эту дырку проходит цепочка, и гиря висит под столом.

Эти часы с большим трудом достал для своей знаменитой коллекции профессор Херинг. Они были сделаны в 1410 году. Когда Колумб открыл Америку, часам было уже столько лет, сколько сейчас старику-профессору.

Есть такая морская птица олуша-глупыш. Она умеет очень хорошо нырять. В погоне за рыбой она может опуститься даже на 20 и 30 метров. Случалось, что олуши-глупыши запутывались в рыболовные сети, поставленные на глубине 25—30 метров.

В Египте водятся необыкновенные ящерицы. Они отличаются тем, что никогда ничего не пьют. Всю воду, нужную для жизни, они получают, впитывая оседающую на коже росу.

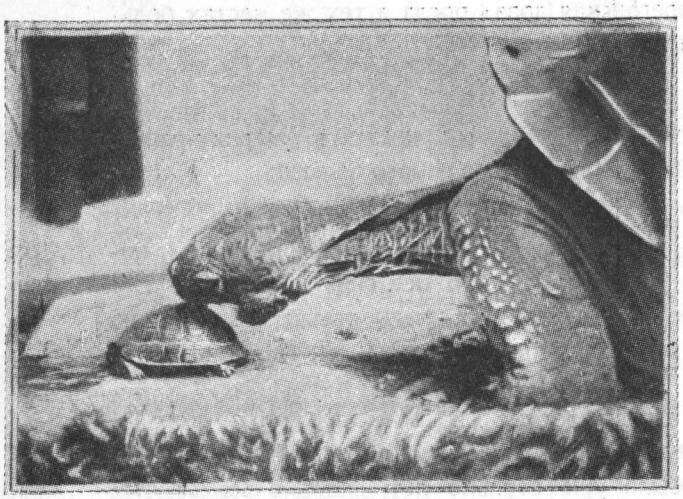
В науке известны и имеют свое название больше 700 000 разных видов насекомых. И все-таки ученые открывают все новые и новые виды.

В Австралии водится страшный паук. Он меньше обыкновенной мухи, но укус его смертелен.

Автор одной книги, изданной в Англии в 1703 году, полагал, что перелетные птицы улетают на зиму... на луну.

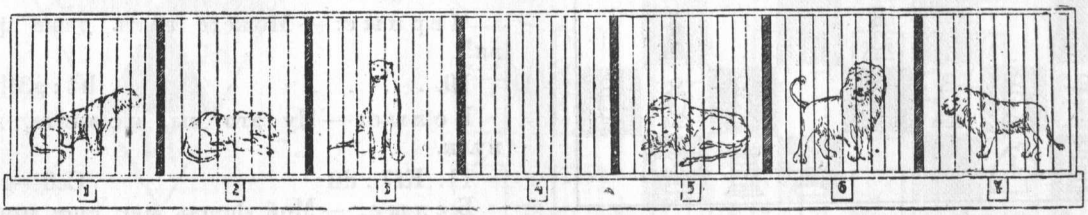
Одно из самых распространенных на свете живых существ — это обыкновенная комнатная муха. Она может жить и в Арктике и на экваторе — во всех местах, где только живет человек.

Все слоны близоруки.



Большой черепахе сто двадцать лет. Это черепаха — прабабушка. Когда эта громадина подползает к маленькой черепашке,—кажется, что она сейчас ее проглотит. Но черепахи мирно живут в Лондонском зоопарке. Они вегетарианцы. Впрочем, и все остальные черепахи — то же.

Загадки, задачи, игры и фокусы



Львы и тигры

В Зоологическом саду было три уссурийских тигра и три берберийских льва. Тигры занимали клетки № 1, 2 и 3, а львы — № 5, 6 и 7. Клетка № 4 пустовала: в нее предполагалось посадить гималайского медведя.

До прибытия медведя необходимо поменять местами львов с тиграми. Но как те, так и другие отличаются свирепым нравом, сажать в одну клетку можно только одного зверя и никак не больше. Переводить зверей можно в соседнюю клетку либо в смежную с ней (конечно, свободную).

Пока гималайский медведь не прибыл, займитесь этим делом.

Чудесное перемещение

(фокус)

На сцене стол. На одном краю стола стоит бутылка ситро, на другом — лежит яблоко. В руке у вас волшебная палочка.

—При помощи вот этой волшебной палочки,— говорите вы зрителям, — я могу переместить бутылку на место яблока, а яблоко — на место бутылки.

Зрители, конечно, не верят.

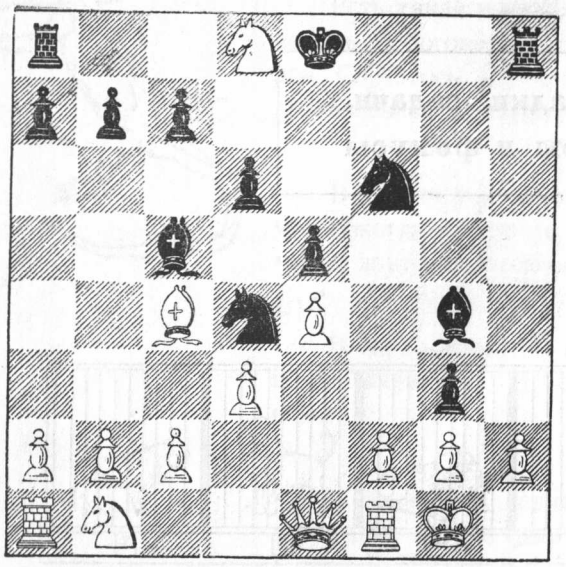
Тогда накройте и бутылку и яблоко бумажными колпаками, махните палочкой, скажите: «Эйн, цвей, дрей!» — и снимите колпаки. К удивлению зрителей, яблоко с бутылкой поменялись местами!

Фокус об'ясняется очень просто: у вас заранее приготовлены две одинаковых бутылки и два одинаковых яблока. Бутылки — с секретом: у них нет дна. Остальное понятно: сперва на столе лежали два яблока, только одно находилось в бутылке и зрители не могли его видеть. Но вот вы прикрыли бутылку и яблоко колпаками. Колпаки должны быть склеены из плотной бумаги. В том колпаке, которым вы прикрываете яблоко, находится бутылка, ею вместе с колпаком вы и накрываете яблоко. Колпаки должны быть несколько шире бутылок, чтобы бутылки свободно влезали и вылезали из них.

Когда вы снимаете колпак, которым было накрыто яблоко, вы оставляете бутылку на столе. Когда же снимаете колпак, которым была накрыта бутылка, вы крепко сжимаете его и поднимаете вместе с бутылкой.

Само собой разумеется, что бутылки должны быть непрозрачные. Лучше всего из-под боржома.

Мысли вслух



Положение после двенадцатого хода черных.

Играя партию, двое рассуждали. Приводим их рассуждения в сокращенном виде.

1. e2—e4 e7—e5
2. Kgl—f3 Kg8—f6
3. Cf1—c4 Cf8—c5
4. 0—0 d7—d6
5. d2—d3 Kb8—c6

Белые: — Ага, свяжем вашего коня!

6. Cc1—g5?

Черные: — Это ошибка с вашей стороны, и вы это очень скоро увидите!

6. . . . . h6—h7

Белые: — Конь не хочет связываться!..

7. Cg5—h4 g7—g5!

Белые: — Ну что ж, отступим. Но интересно, сможете ли вы сейчас рокировать в короткую сторону?

8. Ch4—g3.

Черные: — А как вам понравится вот это?

8. . . . h6—h5!

Белые: — Вы хотите поймать моего слона? Прекрасно! Но это вам дорого обойдется!

9. Kf3 : g5 h5—h4

Белые: — Пожалуйста, берите слона, но я избавлю вас от ладьи!

10. Kg5 : f7

Черные: — Можете взять даже ферзя!

10. . . . . h4 : g3!!

Белые: — Ну это вы, извините, зевнули.

11. Kf7 : d8 Cc8—g4

Белые: — Мой ферзь мне еще пригодится!

12. Фd1 — e1 Kc6—d4

Белые: — Куда лезет этот конь? А, вы хотите об'явить им шах с поля e2 и затем матовать ладьей, побив пешку h2? Это не пройдет!

13. h2—h3 Kd4—e2+
14. Kpg1—h1

Белые: — Вот и все в порядке. Мы выиграли ферзя и две пешки за слона. Вам, пожалуй, пора сдаваться.

Черные: — А что вы скажете на это?

14. . . . Лh8 : h3!!+

Белые: Вы отдаете еще и ладью?! Возьму!

15. g2 : h3 Cg4—f3 ×

Белые: — Мат?! Не может быть!!!

Черные: — Как видите. Это наказание за шестой ход. Никогда не связывайте коня, пока противник не рокировался!

Загадки

1. На горе-горушке стоят две старушки, если охнут — люди оглохнут.
2. Голое теля, каменное племя, на улице лежит, по ней всяк бежит.
3. Черные чернизины друг к другу понизаны, нагляделся Рома — понабрался ума.
4. Ума нет, а хитрый.
5. Возьму на руки — плачет, положу — молчит.
6. Что за конь: в брюхе огонь, овса не просит, пашет, сеет и косит?

Последняя спичка

(игра)

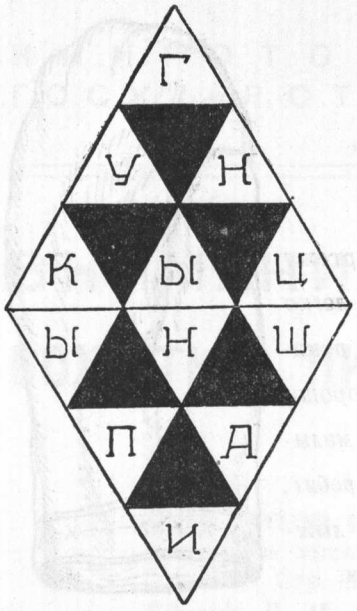
Играют двое. Для игры нужно 15 спичек. Играющие поочереди берут из кучки спички. Брать можно 1, 2 или 3 спички сразу, но не больше.

Тот, на чью долю придется последняя спичка, считается проигравшим.

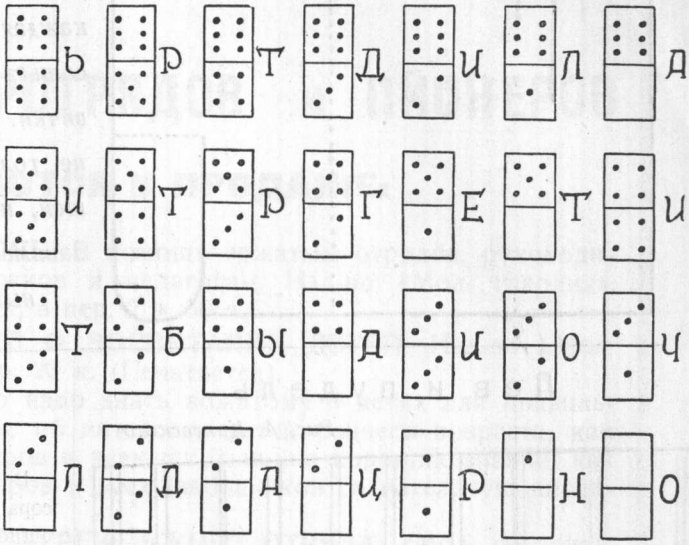
Можно играть и наоборот: тот, кто возьмет последние спички, выигрывает.

Задача-домино

На 28 косточках домино расставить показанные против каждой из них буквы. Косточки уложить в одну прямую линию, не нарушая правила игры, так, чтобы из букв получилась строчка из одной известной поэмы великого русского поэта.



Эту фигуру разрезать на треугольники. Из белых треугольников составить звезду так, чтобы из букв по краям составилась фамилия великого русского поэта, а из средних букв—название одной из его поэм.



Ответы на задачи, помещенные в № 9

I. Часы и солнце

Солнце в суточном движении обходит небо в 24 часа. Часовая стрелка обходит циферблат в 12 часов. В одинаковое время стрелка часов описывает вдвое большую дугу. Если в полдень часовая стрелка указывала на солнце, то, спустя, например, два часа, часовая стрелка опишет дугу, равную $^2/_{12}$ окружности, солнце же обойдет дугу, равную $^2/_{24} = {}^1/_{12}$ окружности, т. е. дугу, в два раза меньшую чем часовая стрелка. Вот почему и надо делить для нахождения юга расстояние между точкой часовой стрелки и точкой, где показано 12 часов, пополам. Прием определения таким путем юга крайне неточен везде, за исключением полюса.

II. Встреча поездов

Курьерский поезд № 1 на своем пути из Москвы во Владивосток встретит 15 поездов № 2. В момент отправления из Москвы он встретит поезд, вышедший из Владивостока за 7 суток ранее, т. е. 25 августа, в 16 часов. Затем он встретит все поезда, вышедшие 26—27—28—29—30—31 августа, 1—2—3—4—5—6—7—8 сентября, причем последний встретится в момент прихода во Владивосток. Таким образом, поезд № 1 встретит 15 поездов № 2, из них 13—в дороге, 1—в момент отправления и 1 — в момент прибытия.

Очень мало ребят правильно решили эту задачу: Вейн В. (ДВК, г. Свободный), Юра Филатов (Москва), Витя Соловьев (Москва).

III. Задача-шутка

Один из шестерых взял 20 перьев в коробке.

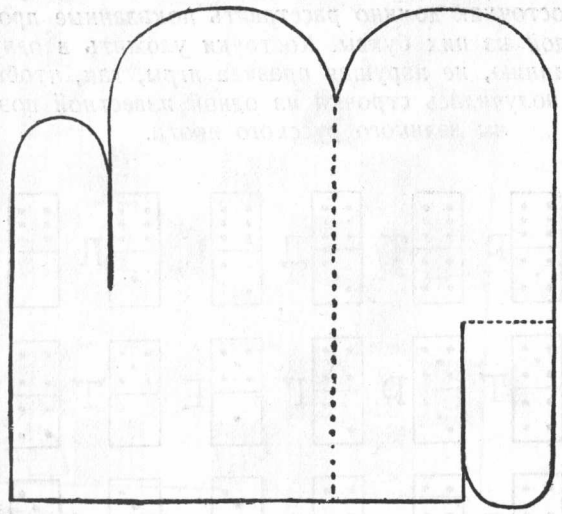
Эта задача нетрудная, правильно решили ее:

Ирина Торговникова (Орехово-Зуево), Лева Рапопорт (Москва), Валя Оберемко (ст. Ясиноватая), Юра Ольховников (Москва), Леня Духовный (Москва), Иосиф Гехман (Полонное), Митя Шидловский (Киев), Алек Румянцев (Харьков), Володя Федоров (Башкирия, ст. Гавтиманово), Витя Соловьев (Москва), Люся Рево (Пермь), Вадя Бродский (Москва), Боря Николаев (г. Йокшар-Ола), Боря Шкабара (Н.-Тагил).

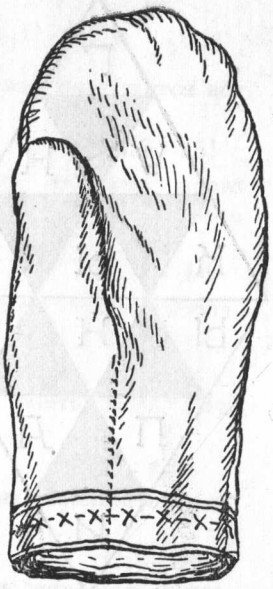
●

Ира Дорофеева (Дзержинск) и Рита Стражевская (Ленинград) правильно решили все задачи № 9.

Рукавичка



По этому чертежу каждая девочка легко сошьет удобные рукавички. Они хороши не только для малышей, но и для ребят, занимающихся лыжным спортом.



Лев и пудель

Рис. А. Каневского

ЛЕВ (*из клетки*). Какой странный маленький лев! Просто дрянь какая-то.

ПУДЕЛЬ (*глядя на льва*). Что за нелепый пудель — урод. Кому такой нужен?

ПОПРАВКА

В № 10 журнала «Пионер», в статье профессора Боссе «Растения на войне», допущены ошибки ввиду того, что после литературной обработки материалов беседы профессора Боссе с ребятами они не были даны ему на просмотр.

Там, где в статье стоит: «это жиры, белок, сахар, или, как говорят, углеводы», надо читать: «это жиры, белки и углеводы».

Там, где говорится о конфетах из шиповника, после слов «Витамины есть в ягодах. Но как их сохранить?», надо добавить: «при сушке некоторые витамины разрушаются, а вот в ягодах шиповника они сохраняются и в сухом виде. Поэтому и стали делать витаминные конфеты из шиповника».

Там, где упоминается о сагызе-«жвачке», сказано неправильно: «кожу выплевывали, а во рту оставалась резиночка». Резина делается посредством сложного процесса вулканизации, и резина так не может получиться. Это только каучукообразная масса, похожая на резиночку. Вместо же слова «кожу» надо читать «кору».

На первой фотографии изображен не корень сагыза, а кусок коры бересклета с нитями гутаперчи, а не каучука.

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**
Сдано в набор 28/X 1936 г. Подписано к печати 8/XII 1936 г. Изд. № 983
Уполномоченный Главлита № Б—32034. 82×110—1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.
Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 2271. Тираж 75 000

КНИГОТОРГОВОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ
„ПАРТКНИГА“

ВНИМАНИЮ

ВОЖАТЫХ ПИОНЕРОТРЯДОВ и ПИОНЕРОВ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

БУДЬ ГОТОВ К ОБОРОНЕ. В помощь вожатым отрядов, руководителям военных кружков и педагогам. Изд-во «Мол. гвардия». 1936. Стр. 223. Ц. 2 р., в пер. 2 р. 50 к.

Есипов, Б. П. 10 БЕСЕД О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ. Изд-во «Мол. гвардия». 6 л. Ц. 1 р. 20 к. (Печатается).

Содержание: что надо знать вожатому о детях для правильного подхода к ним, об интересах детей раннего возраста, как добиваться от пионеров и всех школьников хороших знаний, как воспитывать у пионеров и всех школьников сознательную дисциплину и т. д.

Ленченко, П. ПИОНЕРЫ ДЕРЕВЕНСКОГО ОТРЯДА. «Мол. гвардия». 1936. Стр. 91. Ц. 45 к.

Серебряный, Л. (вожатый форпоста при доме № 54 по улице Воровского. Киев). **ПИОНЕРСКИЙ ФОРПОСТ.** Изд-во «Мол. гвардия». 1936. Стр. 63. Ц. 30 к.

Симонова, А. (вожатая пионерорганизации 30-й школы Октябрьского района Москвы). **МОЯ РАБОТА С ПИОНЕРАМИ.** «Мол. гвардия». 1935. Стр. 47. Ц. 25 к.

Бабаев, Н. ИГРЫ ЮНЫХ ПИЛОТОВ. Пособие для кружков юных авиастроителей. Изд. 2-е. Осоавиахим. 1936. Стр. 48. Ц. 55 к.

ВОЕННЫЕ ИГРЫ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ. Сборник. Сост. Н. Цыбин и др. Изд. 2-е. Осоавиахим. 1936. Стр. 84. Ц. 1 р.

Занегин, М. ЮНЫЙ СВЯЗИСТ. Осоавиахим. 1936. Стр. 48. Ц. 40 к.

Кудрявцев, С. ЛЕТАЮЩИЕ МОДЕЛИ РЕКОРДСМЕНОВ СССР. Практическое пособие для кружков юных авиастроителей. Изд. 7-е. Осоавиахим. 1936. Стр. 80. Ц. 90 к.

ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ О ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ И ПРОТИВОХИМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ. Пособие для подготовки к сдаче детских норм «Готов к ПВХО». Воениздат. 1936. Стр. 128. Ц. 50 к.

ЮНЫЙ ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК. Пособие для пионеров и школьников по сдаче норм на значок «Юный ворошиловский стрелок». Осоавиахим. 1936. Стр. 80. Ц. 90 к.

«ПРОТИВОГАЗ ДП-1 ДЛЯ ДЕТЕЙ». — Плакат. Изогиз. 1936. Ц. 80 к.

ТРЕБУЙТЕ В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ КОГИЗ И РАЙКУЛЬТМАГАХ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ.

Почтовые заказы направляйте по адресу:

МОСКВА, МОГИЗ. «КНИГА—ПОЧТОЙ»

Цена 1 р. 30 коп.

М 8357

П 29
34

Ц. 1936 г.
Акт № 2770
Вкладн. л.